

Российская академия наук
Институт психологии РАН
Лаборатория психологии рефлексивных процессов
Институт человека РАН

Дипломатическая академия МИД России
Институт рефлексивных процессов и управления
Фонд «Стратегия развития»

Рефлексивные процессы и управление

*Тезисы IV Международного симпозиума
7-9 октября 2003 г., Москва*

Под редакцией В.Е.Лепского

Издательство «Институт психологии РАН»
Москва – 2003

Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума 7-9 октября 2003г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 172 с.

ISBN 5-9270-0049-5

Материалы IV Международного симпозиума отражают расширение тематики теории рефлексивных процессов и географии специалистов, разрабатывающих ее проблематику. В качестве основной вырисовывается тема социальной востребованности положений этой теории, а также практических приложений обосновываемых ею рекомендаций. Особо отмечается связь рефлексивности и нравственности (в самых широких толкованиях первой и второй).

Материалы сборника отражают разные подходы к процессам становления стратегического субъекта, способности взять ответственность за судьбы страны и мира, при этом рефлексивность является ключевым его качеством.

Сборник вызовет безусловный интерес не только у исследователей (в области естественных и гуманитарных наук), но также у практических работников: управленцев, аналитиков, экспертов, руководителей образовательных и коммуникационных структур.

ISBN 5-9270-0049-5

*Материалы симпозиума изданы при поддержке
Фонда «Стратегия развития»*

СОДЕРЖАНИЕ

Абаев Л.Ч. (Россия) Рефлексивный анализ и «обратные» задачи игрового моделирования	8
Аникеева Т.А. (Россия) Коммуникативные стратегии телекоммуникатора	10
Анисимов О.С. (Россия) Методологические основания социальной инженерии	11
Анисимова С.А. (Россия) Линейно-квадратичная модель рефлексивного выбора	13
Аристова С.М., Королев П.М. (Россия) Исследование модальных структур рефлексивных игр	15
Белозеров С.М. (Россия) Законы самоорганизации внутреннего мира человека и методы управления персональными моделями	16
Беляев И.П., В.М. Капустян (Россия) По поводу «непроходимой глупости»	17
Беляев И.П., Е.А. Трофимов Е.А. (Россия) Рефлексивное управление ситуациями с помощью аналитических методов	19
Буров В.А. (Россия) Постнеклассическая модель рефлексии и решение проблемы идентификации	20
Буров А.Ю. (Украина) Нравственность как модель рефлексивного поведения	22
Бухтояров А.А. (Россия) Рефлексия в измененных состояниях сознания	24
Воронов А.В. (Россия) Нейропсихологическая биоинформатика и рефлексирующий субъект	25
Вятчинин Д.А. (Беларусь) Автоматическая классификация как рефлексивный процесс	28
Гам В.Т., Филимонов А.А., Чекалева Н.В. (Россия) Рефлексивный анализ истоков гендерного дисбаланса общего образования	30
Григорьев Э.П., Лепский В.Е., Лобанов А.Н. (Россия) Рефлексия биржевых игроков при информационном манипулировании рынком	33
Давыдова Г.И. (Россия) Методы рефлексивно-диалогического развития мышления и личности	36
Евстифеева Е.А., Калинин М.Н., Яблокова Н.И. (Россия) Рефлексивное обеспечение реабилитационных программ при хронических заболеваниях	38
Ерешко Ф.И. (Россия) О рефлексии в управляемых системах	40
Иванов Ф.Е., Смолянинов В.В. (Россия) Правовое сознание в контексте рефлексивной культуры	43
Иванов Ф.Е., Смолянинов В.В., Филиппова Е.М. (Россия) Рефлексивная культура как основа психологии безопасности профессиональной деятельности	45
Иванова С.Ю. (Россия) Патриотизм как значимая социальная ценность современного российского общества	48
Иманкожоев Т.А. (Кыргызстан) Центральная Азия как политическая точка Китая, США и России	49
Казаневская В.В. (Россия) Онтология рефлексивности в категориальной психологии	50
Караванова Е.Е. (Россия) Сравнительный анализ категориальной структуры образа партнера и образа рекламного сообщения у субъектов рекламной коммуникации	52

Карпов А.В., Скитяева И.М. (Россия) Способность к рефлексии как фактор когнитивной интеграции субъекта	54
Коновалова Л.В. (Россия) Роль образования в формировании этнической толерантности	57
Корецкая Е.В. (Россия) Рефлексия субъекта в профессионально значимых жизненных ситуациях	58
Королев В.А. (Россия) О системах, сравнимых с консультантом по совершенству или о Божественности позиций исследователя и консультанта	60
Кошмаров А.Ю. (Россия) Репутация политического лидера как категория социальной рефлексии	62
Крупнов Ю.В. (Россия) Рефлективные практики, инфраструктуры и государственность – основа реконструкции России	64
Кульба В.В., Малюгин В.Д., Шубин А.Н. (Россия) Деструктивный эффект информационного управления	68
Лазутина Г.В. (Россия) Нравственная рефлексия журналиста: причины минимизации	70
Лепский В.Е. (Россия) Исходные посылки становления эргономики социальной инженерии	72
Лефевр В.А. (США) Теория рефлексии и закон соответствия	77
Львов В.М., Шлыкова Н.Л. (Россия) Рефлективный метод в оценке и формировании корпоративной культуры	80
Малинецкий Г.Г. (Россия) Синергетика, рефлективное управление, научный мониторинг	82
Малков А.С., Витюков Ф.А. (Россия) Моделирование конфликтующих государств	85
Малков С.Ю. (Россия) Разные этические системы: две стороны одной медали	86
Малков С.Ю. (Россия) Этические системы в истории человечества	89
Марача В. (Россия) Предмет критики и пространство рефлективного размышления	93
Маркова Н.Е. (Россия) Заданная рефлексия и модификация девиантного субкультурного поведения	95
Матвеева Л.В. (Россия) Рефлексия психологической безопасности в информационной коммуникации	97
Мединцев Р.А. (Россия) Рефлективный менеджмент – средство выживания компании в новой экономике	99
Моисеева Н.А. (Россия) Русский национальный характер и специфика его рефлексивности	101
Мочалова Ю.В. (Россия) Субъективная рефлексия коммуникатора как основа установления контакта с аудиторией в телевизионной коммуникации	103
Мукашева А.К. (Россия) Рефлексия в контексте психологии социального познания	105
Найченко М.В. (Россия) Социальное проектирование и эргономика	107
Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. (Россия) Рефлективные игры: математическое моделирование	108
Панов В.И., Лидская Э.В. (Россия) К проблеме учебной рефлексии	111
Панов В.И., Сердакова К.Г. (Россия) Экопсихологическая рефлексия проблемы старения	113

Попова О.А., Филимонов В.А. (Россия) Технологии мобильных комплексов поддержки принятия решений в условиях чрезвычайных ситуаций	116
Реут Д.В. (Россия) Конфликтующие проекты	117
Свитич Л.Г. (Россия) Аксиологические проблемы современного журнализма	120
Севастьянов В.А. (Россия) СМИ, сохранность человека и глобальный рынок	122
Сейтов А.А. (Россия) Развитие представлений о системе управления в рамках деятельностного подхода	125
Семенов И.Н. (Россия) Проблемы развития рефлексивно-творческого потенциала человека	127
Солнцева Г.Н. (Россия) Функция и генезис рефлексии	131
Солондаев В.К. (Россия) Рефлексивная взаимосвязь личности и мышления в практической деятельности	133
Сорокикова В.И. (Россия) Философская рефлексия и методы изучения культуры	136
Степанов А.М. (Россия) Нейрокибернетические аспекты рефлексивных процессов	137
Строганов П.Е. (Россия) Современные телевизионные образы	138
Танасов Г.Г. (Россия) Рефлексия как условие развития личности	139
Таран Т.А., Шемаев В.Н. (Украина) Рефлексивное управление в конфликтных ситуациях	142
Толмачева Н.В. (Россия) Информационная безопасность личности в условиях современных информационных войн, где методы Public Relations используются в качестве оружия	145
Филимонов В.А. (Россия) Итоги и перспективы преподавания фрагментов рефлексивного анализа в вузах Омска	147
Хохлова Л.П. (Россия) Война и мир (Холодинамическая парадигма). Обычная проблема терроризма с необычной стороны	150
Хромов А.Б. (Россия), Дюби, Бэнки (Индия), Мальхотра, Мамта (Индия), Моррисон, Дороти (США) Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США	153
Цой Л.И. (Россия) Моделирование конфликта как процесс развития рефлексии	154
Чекрыгина Т.А. (Россия) Место и роль рефлексии в социокультурной идентификации личности	156
Шохов А.С., Реут Д.В. (Россия) Рефлексивное обеспечение экономики как сети сетевых структур	157
Djang, Philipp A. (USA) Modeling Social Influence with Reflexive Processes	161
Kramer, Xenia (USA); Kaiser, Tim (Germany); Lefebvre, Vladimir; Schmidt, Stefan E.; Davidson, Jim (USA) Reflexive Models in Decision-Making	163
Kaiser, Tim B. (Germany); Schmidt, Stefan E. (USA) Reflexive Model for Terrorist Recruitment	164
Lefebvre, Vladimir A. (USA) Reflexive Theory and Matching Law	164
Mamta, Dr. (India) Reflexive System – A Conceptual Knowledge	166
Weaver, Christopher A. (USA) 9/11 Made Americans Report an Improved Self Image. Can This Be?: A Reflexive Understanding	167

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ключевые темы данного симпозиума — высокая социальная цена и возможности теории рефлексивных процессов и практики рефлексивного управления для создания современного научно-методического обеспечения постановки и решения стратегических задач, на примере развития России, поиск организационных форм включения такого рода научно-методического обеспечения в реальные процессы управления и развития российским государством и обществом в целом.

Прошли два года после предыдущего симпозиума, которые отчетливо продемонстрировали отсутствие позитивных тенденций на сближение научного подхода в целом, и рефлексивного в частности, с практикой принятия стратегических решений. Решения принимаются, как правило, на основе интуиции и фрагментарных представлений, последствия оказываются неожиданными и катастрофичными.

Под флагом борьбы с терроризмом процветают индивидуализм, эгоцентризм и рациональность. Гасится роль демократических институтов, истинные причины терроризма подменяются надуманными причинами, занижается роль нравственных и межкультурных аспектов решения стратегических проблем человечества.

Показательна полная неадекватность прогнозов последствий развязывания войны в Ираке. То, что воспринималось, как ликование от встречи с демократией, обернулось многомиллионными демонстрациями религиозной направленности, равно как и массовыми грабежами. Расхищены ключевые для памяти человечества ценности культуры, а, значит, подорваны и корневые истоки становления его рефлексивных процедур. Кроме того война перешла в стадию затяжной партизанской с трудно предсказуемой продолжительностью, большими человеческими жертвами и гигантскими материальными затратами.

Ситуация в сфере принятия стратегических решений в России определяется симптомами «бессубъектности», доминированием интересов коррумпированных чиновников и полным разрывом реальных механизмов управления с наукой.

Претензии справедливы и в адрес науки, которая уделяет недостаточно внимания междисциплинарным исследованиям, созданию научного обеспечения новых высоких гуманитарных технологий на основе использования информационно-аналитических систем. Которые позволили бы преодолеть многолетнее отставание «кабинетных ученых» от проблем реальной практики, разрыв между гуманитариями и естественными учеными, обеспечить их совместную работу в «полевых условиях».

В работе симпозиума планируют принять участие около 200 специалистов. Представлены страны: Беларусь, Германии, Индия, Канада, Кыргызстан, Литва, Молдова, Россия, Украина, США.

Сборник тезисов в основном отражает планируемые выступления на секционных заседаниях и совсем не отражает содержание Круглых столов и Проектных групп, материалы которых будут опубликованы в очередных номерах журнала «Рефлексивные процессы и управление».

Председатель оргкомитета симпозиума
В.Е.Лепский
www.reflexion.ru

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ И «ОБРАТНЫЕ» ЗАДАЧИ ИГРОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Л. Ч. Абаев

(Москва, Российский институт стратегических исследований)

В настоящее время игровое моделирование является достаточно эффективным и применяемым на практике инструментом анализа сложных социально-политических, экономических, военных задач, в которых необходим учет разнонаправленных интересов акторов (игроков), определяющих существенное влияние на исследуемый процесс. При этом важную роль в игровом моделировании играет рефлексивный анализ, позволяющий учесть не только возможные действия других акторов, но и оценить, а при необходимости, и скорректировать собственные стратегии поведения, исходя из взгляда на себя со «стороны».

Одним из важных аспектов рефлексивного анализа и игрового моделирования является так называемая «стратегическая рефлексия» [1], исследующая вопрос о принципах принятия решений акторами и, соответственно, о результатах (ситуациях), порождаемых данными принципами. В этой связи важнейшей проблемой становится проблема целеполагания.

В классической теории игр (в частности, при анализе биматричных игр с ненулевой суммой) обычно предполагается, что интересы каждого игрока полностью определяются его функцией полезности, причем поведение игрока считается рациональным в том смысле, что он старается максимизировать свою функцию полезности, при этом ему безразлично значение функции полезности другого игрока. На практике такой подход далеко не всегда имеет место. Ярким примером не рационального, а конфликтного поведения сторон является период «холодной» войны между СССР и США, когда выбор той или иной стратегии поведения часто диктовался стремлением не столько улучшить собственное положение, сколько ухудшить положение «противника».

Поэтому становится необходимым учет типологии игроков. В [2] были предложены классификация типов поведения акторов и соответствующие определения одного из базовых понятий теории игр — стабильной ситуации (или ситуации равновесия) — для случая биматричных игр.

Обобщенным типом поведения сторон при этом можно считать «смешанный» тип поведения, который задается для каждого игрока вектором (α^i, β^i) , где α^i характеризует степень приоритетности для i -го игрока максимизации собственной функции полезности, а β^i — степень приоритетности минимизации функции полезности «противника». В этом случае стабильная ситуация определяется следующим образом.

Определение: (i_0, j_0) – стабильная ситуация \Leftrightarrow

$$\begin{aligned} \alpha^1 \cdot K_1(i_0, j_0) - \beta^1 \cdot K_1(i_0, j_0) &\geq \alpha^1 \cdot K_1(i, j_0) - \beta^1 \cdot K_1(i, j_0) \quad \forall i, \\ \alpha^2 \cdot K_2(i_0, j_0) - \beta^2 \cdot K_2(i_0, j_0) &\geq \alpha^2 \cdot K_2(i_0, j) - \beta^2 \cdot K_2(i_0, j) \quad \forall j, \end{aligned}$$

При этом частные случаи (когда $\alpha^i = 0$ или $\beta^i = 0$) будут соответствовать рациональному типу поведения (и, соответственно, стабильные ситуации будут тождественны ситуациям равновесия по Нейману-Нэшу), конфликтному типу поведения сторон или конфликтно-рациональному (соответствующему теории игр с противоположными интересами).

Учет типологии игроков позволяет рассмотреть «обратную» задачу игрового моделирования.

Если в «прямой» игровой задаче решением являются стабильные ситуации и соответствующие им стратегии поведения акторов, то в «обратной» задаче стабильная ситуация предполагается заданной. Соответственно, каждой стабильной ситуации будет соответствовать некоторая область в многомерном пространстве $\alpha^1 \times \beta^1 \times \alpha^2 \times \beta^2$ приоритетов акторов.

Таким образом, появляется возможность определить характер отношений игроков друг к другу, соответствующий различным стабильным ситуациям. Это позволяет понять, до некоторой степени, не только характер реальных взаимоотношений между акторами на момент рассмотрения текущей ситуации (в предположении, что она стабильная), т.е. «посмотреть и на других, и на себя со стороны» (а это и есть рефлексивный анализ), но и определить, какой тип поведения игроков позволит перейти к другим стабильным отношениям, в т.ч. и к более желательным для оперирующей стороны. Таким образом, становится возможным, корректируя свой тип поведения, реализовать в игровых моделях процедуру рефлексивного управления.

Рассмотренный подход может быть обобщен и на игры N лиц с непротивоположными интересами.

Разработанные методы решения «обратных» задач игрового моделирования были апробированы в Российском институте стратегических исследований при исследовании ряда проблем международных отношений и показали свою практическую значимость.

Литература

1. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры — М.: СИНТЕГ, 2003.
2. Абаев Л.Ч. Учет типологии сторон в играх с непротивоположными интересами/ Труды международной научно-практической конференции «Теория активных систем» — М.: ИПУ РАН, 2001.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕЛЕКОММУНИКАТОРА

Т.А. Аникеева

(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

В современных условиях, когда технически опосредствованное общение начинает постепенно преобладать по объему и содержательному многообразию над межличностным общением, очень важно проследить особенности существования в этих условиях коллективной смысловой реальности — ее форм, взаимодействия с индивидуальной смысловой сферой субъектов, трансформаций смыслового поля и т.д.

Проведенное исследование личностных особенностей телевизионных коммуникаторов, выполненное автором с применением ряда психодиагностических методик, а также изучение восприятия аудиторией экранных образов партнеров по общению позволяет выделить личностные особенности телекоммуникатора в качестве основания, определяющего выбор им диалогического/монологического стиля общения в условиях телевизионной коммуникации и, следовательно, позволяющего прогнозировать успешность его взаимодействия с аудиторией в контексте актуализации личностных смыслов. Именно диалог, способствуя восприятию человека на экране как личности, обладающей своей «жизненной позицией» (*Ю.В. Мочалова, 2002*), ценностями, идеалами, оригинальным взглядом на мир и т.д., делает возможным как смысловую трансляцию в телевизионной коммуникации, так и (в редких случаях) возникновение новых смыслов у телеаудитории при восприятии ею телевизионных сообщений.

Выделено два психологических типа телекоммуникатора, характеризующихся определенными личностными особенностями, определяющими тип его коммуникативной стратегии и возможность реализации процесса телевизионной коммуникации в форме диалога. Личностные особенности первого типа («экспрессивность проявлений личности»), а именно: активность в установлении контактов, открытость, общительность, естественность и непринужденность поведения, независимость мышления, уверенность в себе и своих силах, эмоциональная гибкость и развитое чувство своей защищенности, ответственность, склонность к лидерству, предприимчивость, склонность к экспериментированию, любовь к риску и острым ощущениям, способность добиваться своей цели, радикальность, стремление действовать смело, энергично и активно, избегая компромиссов, переносить трудные жизненные ситуации. Все это способствует яркости и открытости самовыражения человека на экране, демонстрируя таким образом зрителю авторскую позицию по отношению к содержанию сообщения, реализуя коммуникативную стратегию первого типа и позволяя воспринимать телекоммуникатора как личность, полно-

равного партнера по телеобщению, апеллирующего к личности зрителя – собеседника в диалоге, сопровождающемся непрерывным «обменом» личностных смыслов. Другой психологический тип («экономность проявлений личности») характеризуется следующими личностными особенностями: сознательность, обязательность, чувство долга, стремление к соблюдению моральных норм, дисциплина эмоций, социальная опытность, владение социальными навыками и манерами, способность к самоорганизации и самоконтролю, уравновешенность, реалистичность, практичность, требовательность к себе и окружающим. Перечисленные качества позволяют реализовывать коммуникативную стратегию второго типа и строить диалог со зрителем путем вовлечения его в реальность диалога с гостями телевизионной программы, причем такой диалог разворачивается именно как открытое, субъект-субъектное общение с непредсказуемым для самих участников результатом. При этом происходит актуализация смысловой сферы собеседников (в число которых включены и телезрители), способствующая обмену их личностных смыслов и порождению новых смыслов по отношению к предмету диалога.

Соблюдение условия, при котором телекоммуникатор обладает личностными особенностями, относящими его к одному из описанных типов, способствует реализации им определенной коммуникативной стратегии и осуществлению телевизионной коммуникации в форме диалога Автора телесобобщения и Зрителя, при котором возможна трансляция смыслов телевизионной аудитории. Участникам такого диалога важно помнить о том, что процесс переосмысления зрителями тех или иных аспектов реальности, происходящего в результате восприятия телевизионных сообщений, не всегда может быть ими отрефлексирован.

Работа выполнена при поддержке
Гранта РГНФ 02-06-00241а

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

О.С. Анисимов

*(Москва, Московский государственный социальный
институт)*

1. Социальная инженерия опирается на идею подчинения социальных процессов некоторой идее путем налаживания механизма корректирования процессов в рамках любой идеи. Естественно, что произвольное изменение неприемлемо ни для вмешательства в природу, ни для вмешательства в социальную динамику. Однако, если природа имеет свои законы существования, соотносенные с законами универсума, «космически-

ми» законами или предначертаниями создателя, то социодинамика строится людьми, в пределах способностей следовать своей воле. Поэтому сами социальные процессы могут быть предметом усовершенствования, если вводящий идею коррекции, доказал наличие «несовершенства» социальных процессов. Тем самым, социальный инженер изначально должен осуществлять реализацию рефлексивной функции критики текущих социальных процессов и показывать несоответствие этого процесса некоторому идеалу. Вся история реальной практики инженерного отношения к социальным процессам, к обществу в целом изобилует образцами критики и последующего социального и социально-политического, а также социально-экономического, социокультурного и т.п. проектирования.

2. Практика показывает, что последствия корректировочного воздействия на социальные процессы часто вызывают вторичную критику последующих социальных инженеров или выразителей негативного отношения к предыдущим инженерным усилиям. Гораздо реже инженерное отношение оценивалось как «положительное» в модальности безусловного. Обычно оценки были в модальности относительного или просто негативного. Чтобы преодолеть возможные «ошибки», социальный инженер вовлекал в процесс принятия социально-инженерных решений (СИР) различные формы исторического и научного изучения социальных коррекций, социального управления. Однако, при достаточно тщательной реконструкции образцов инженерных воздействий на социальные процессы, даже при более или менее глубоком построении знаний о сущности социальных процессов и факторов их изменений ответ на исходные вопросы об оправданности или неоправданности социально-инженерного воздействия (СИВ) остается достаточно сложным.

3. Чтобы придать вопросам и ответам, касающимся СИР и СИВ, желаемую определенность, обоснованность, следует, прежде всего, обратить внимание на механизм СИР и СИВ, так как только в его рамках выявляется зона ответственности за действия социального инженера. Основу механизма СИР составляет механизм «принятия решений» (ПР) и его наиболее проявленная и развитая форма – механизм «принятия управленческих решений» (ПУР). Современные теории ПР и ПУР остаются преимущественно эмпирическими и в лучшем случае несут следы эмпирической схематизации. Для того, чтобы придать анализу и технологическим формам ПР и ПУР необходимую глубину требуется сущностное изучение мира деятельности, использование самых фундаментальных положений «теории деятельности», ее языковой основы – «языка теории деятельности». Однако до сих пор этот язык (ЯТД) остается неизвестным большинству аналитиков процессов ПР, ПУР, ПСИР.

4. Общие контуры учения о деятельности имелись в философии (например, Аристотель, Плотин, Фихте, Гегель и др.). Но современный вид

учение о деятельности стало приобретать в концепции Маркса, давшего картину больших коопераций в экономическом пространстве, описавшего механизм усложнения структур деятельности. В конце XIX и в начале XX вв. происходило накопление отдельных различий. Но только возникновение Московского методологического кружка в середине 50-х гг. привело к теоретическому и инструментально-технологическому, языковому оформлению представлений о деятельности с начала 60-х гг., к созданию в начале 70-х гг. своего рода парадигмы ЯТД. После начала игрового периода работы ММК, с 1979 г., множество управленцев и социальных инженеров могло познакомиться с ЯТД во взаимодействии при решении многих проблем организации и управления. Однако результаты разработок ЯТД стали реально «перемещаться» в ВУЗ-овский и после ВУЗ-овский образовательный процесс вместе с осуществлением экспериментов методологизации образования, в том числе управленческого (см. наши работы конца 80 и 90-х гг.).

5. Следовательно, социальная инженерия может внести неслучайность в свои проекты и действия лишь путем использования в проектировании и обосновании критериальных систем, выражающих сущность деятельности, места деятельности в универсуме, условия оправданности и включенности деятельности в универсум.

ЛИНЕЙНО-КВАДРАТИЧНАЯ МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫБОРА

С.А. Анисимова

(Москва, Московский физико-технический институт)

В математической психологии основным методом описания морального выбора человека к настоящему времени стал рефлексивный подход к представлению субъекта, основы которого были заложены Владимиром Лефевром четверть века назад.

Им были предложены формальные модели субъекта, стоящего перед выбором одной из двух полярных альтернатив, одна из которых олицетворяет для субъекта добро, а другая — зло. Использованный при этом подход позволяет применить к психологическому материалу методы мягкого моделирования, то есть путём построения и исследования моделей выявить базовые закономерности человеческого поведения. Им была найдена функция, связывающая интенцию субъекта выбрать позитивный полюс (x) с его реальной готовностью сделать это (X_1) [1, 2, 3]. Эта функция в самом общем своем виде может быть записана как

$$X_1 = x_1 + (1 - x_1) \cdot (1 - x_2) \cdot M(x, y)$$

Здесь переменная x_1 отвечает за давление внешнего мира в сторону позитивного полюса в настоящем, в момент выбора; x_2 — за давление в сторону позитивного полюса, ожидаемое субъектом на основе его предшествующего опыта. Функция $M(x, y)$ соответствует оценке ситуации в будущем субъектом. Входящая в неё переменная y описывает партнёра субъекта, это суть представление субъекта о том, какова готовность его партнёра выбрать позитивный полюс. Величины x_1, x_2, x, y и X_1 , а также функция $M(x, y)$ принимают свои значения из отрезка $[0, 1]$ и интерпретируются как соответствующие вероятности. В булево-линейной модели Лефевра функция, соответствующая ситуации в будущем, была линейной по обоим переменным

$$M(x, y) = a \cdot x \cdot y + b \cdot x + c \cdot y + d, \text{ где } a, b, c, d \in R.$$

В квадратичной модели функция оценки ситуации в будущем вводилась как

$$m(x) = b \cdot x^2 + a \cdot x + c, \text{ где } a, b, c \in R.$$

Учёт квадратичной “поправки” по переменной позволил В.А. Лефевру ввести в рассмотрение важный параметр — индекс оптимизма α . Богатый экспериментальный материал и наша интуиция говорят о том, что этот фактор (настроение, индекс оптимизма) существенно влияет на наш выбор.

Но квадратичная модель не учитывает параметра, фигурировавшего в булево-линейной модели, — y , который характеризует партнёра с точки зрения самого субъекта. В реальности же мы редко сталкиваемся с ситуацией, когда выбор субъекта целиком и полностью зависит лишь от его собственной интенции. Предлагаемая модель учитывает и индекс оптимизма субъекта (α), и готовность партнёра выбрать тот или иной полюс с точки зрения самого субъекта (y).

Объединим булево-линейную и квадратичную модели, предположив, что субъект описывается уравнением

$$X_1 = x_1 + (1 - x_1) \cdot (1 - x_2) \cdot m(x, y),$$

где функция, соответствующая некоторой будущей ситуации, является квадратичной по переменной x и линейной по переменной y :

$$m(x, y) = a \cdot x^2 + b \cdot x + c + d \cdot x \cdot y + e \cdot y, \quad a, b, c, d, e \in R.$$

Введение в модель подобной асимметрии связано с тем, что нам свойственно более тонко и сложно оценивать свои действия, нежели действия партнёра, по крайней мере в том, что касается моральной стороны выбора.

Пользуясь подходом, предложенным В.А. Лефевром, наделим нашего субъекта способностью совершать мысленные оценки биполярного выбора своего и партнёра:

$$m(0,0) = \beta_1, \quad m(1,0) = \beta_2, \quad m(0,1) = \beta_3, \quad m(1,1) = \beta_4.$$

Как и в квадратичной модели, $\beta_i \in \{0,1\}$, $i = \overline{1,4}$.

Величину $a = m(0.5, 0.5)$ назовём *индексом оптимизма*, характеризующим оценку ситуации субъектом при условии, что у него и его партнёра отсутствуют какие-либо интенциональные предпочтения одного из полюсов. Действительно, чем выше a , тем положительнее субъект оценивает само стечение обстоятельств, обуславливающих его выбор. Очевидно, что $\alpha \in [0,1]$.

При поставленных условиях коэффициенты a, b, c, d, e выражаются однозначным образом.

Применение линейно-квадратичной модели к роману Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы” позволило выявить исключительную важность учёта настроения (индекса оптимизма) субъекта при анализе определённых ситуаций. Так, с увеличением индекса оптимизма увеличивается готовность субъекта выбрать позитивный полюс.

Проиллюстрировав удивительный христианский принцип “не унывай”, мы получим возможность на новом уровне осмыслить христианские заветы, показать их жизненную важность и подтвердить необходимость следования им для сохранения психического здоровья.

Построенная линейно-квадратичная модель позволяет расширить рамки предложенного В.А. Лефевром нелинейного подхода к представлению саморефлексии субъекта, что открывает новые горизонты в развитии настоящей теории, а также приближает нас к пониманию нелинейной природы человеческой психики.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2003.
2. *Лефевр В.А., Дж. Адамс-Веббер.* Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление, 2001, № 1, Т. 1. С. 34-46.
3. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДАЛЬНЫХ СТРУКТУР РЕФЛЕКСИВНЫХ ИГР

С.М. Аристова, П.М. Королев
(г. Кудымкар, Образовательный центр)

Предлагается модель рефлексивных процессов в контексте представлений о мыследеятельности (Г.П.Щедровицкий). Выделяются основные фазы и рассматривается структура связей в модулях гурджиевской энеаграммы. Дается интерпретация на примере анализа «золотого сечения» со ссылкой на модельные представления В.А.Лефевра.

ЗАКОНЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫМИ МОДЕЛЯМИ

С.М. Белозеров

*(Москва, Академия народного хозяйства
при Правительстве РФ)*

1. *Центральная функция психики* — моделировать среду жизни человека, чтобы *в моделях открывать законы* среды, в соответствии с которыми он мог бы с минимумом ошибок строить организованные виды своей активности — профессиональную деятельность, период жизни, поведение, обучение, игру и т.д.

Материал человеческой психики самоорганизуется в такие персональные модели, как композиции — внутренние органы управления организованной активностью по собственным законам организации психики человека, открывающие законы внешнего мира для жизни в нем. Иначе говоря, *природа законов самоорганизации внутреннего мира человека, их назначение — в открытии законов и правил внешнего мира.*

2. 20-летние исследования самоорганизации материала в пространстве внутреннего мира личности (более 10 тыс. испытуемых) и его объективаций в различных мировых культурах позволили найти *ряд базовых законов самоорганизации внутреннего мира человека: закон инвариантных отношений, закон дополнительности, закон связи, закон числа* и др. Их можно выразить математически.

3. Следовательно, математику в данном смысле можно трактовать как объективацию законов самоорганизации психики, ее структуры, но не содержания. *По этим же законам строятся все культурные модели* — музыкальные, художественные, литературные, театральные, архитектурные, физические, химические, религиозные, мифологические, лингвистические, психологические и т.д. Это не удивительно, так как все они сначала рождаются во внутренних мирах их авторов.

4. «Подсмотрев» эти законы в организации внутреннего мира человека, мы создали на их основе *психологические ИТ — информационные технологии сознательного построения человеком моделей деятельности, систем знаний, информации, решений, образов (PCM/CCM)*, открывающих каждому правила, закономерности и законы в той области, в которой он живет и работает. Такие ИТ, моделирующие информацию по естественным законам самоорганизации психики, не только резко снижают возможность ошибок в деятельности, жизни, поведении и игре, но и выполняют эвристическую функцию «машины открытий». Если человек строит модель на тему, значимую только для него, то правила и закономерности, открываемые им с помощью таких ИТ, имеют узкую область использования. Если

же тема модели общезначима (например, модель элементарных частиц), то законы, открываемые в ней остаются в культурных пластах человеческого сообщества.

5. *Особую ценность такие ИТ приобретают в организации управления и бизнесе.* Исследования в 43 компаниях РФ показали высокий уровень ошибочных решений менеджеров и топ-менеджеров – от 12% до 34% всех принимаемых решений, а также высокий уровень несоординированности их деятельности – от 25% до 48%. Это приводит к потерям от реально возможной прибыли компании в размере от 32% до 73%. Внедрение психологических ИТ приводит к снижению потерь до 12%-3% за счет снижения уровня ошибочных решений до 5-1% и снижения уровня декоординации решений и действий до 3-0,8%.

6. Использование таких психологических ИТ (персональных и корпоративных центров моделирования - РСМ/ССМ) *при решении личных психологических проблем* служит практическим доказательством *возможности «компьютерного психотерапевта»*, теоретическое доказательство которого приводится в книге автора тезисов «Организация внутреннего мира человека и общества. Теория и метод композиций». М.: «Алетейа».

ПО ПОВОДУ «НЕПРОХОДИМОЙ ГЛУПОСТИ»

И.П. Беляев, В.М. Капустян

(Москва, НИИ информационных технологий)

Проблемная ситуация (полигон) T понимается субъектом x_i как Tx_i . Тогда под пересечением $T \cap Tx_i$ будем понимать «уровень осознания» субъектом ситуации. Введем оценку уровня осознания ситуации в виде

$$\delta_{xi} = \frac{\| T \cap Tx_i \|}{\| T \|} \quad (1)$$

где $\| \cdot \|$ – мощность соответствующего множества. Величина δ_{xi} показывает степень расхождения «истинного» состояния ситуации и ее отражения в сознании субъекта x_i .

По аналогии с формулой совместной вероятности введем оценку согласованности осознания ситуации T совокупностью N субъектов как произведение соответствующих оценок δ_{xi} :

$$P_N(T) = \prod_{i=1}^N \delta_{xi} \quad (2)$$

Формула (2) вроде бы должна «чисто инструментально» и прозрачно просто давать оценку того, в какой степени (в процентах или долях еди-

ницы) совпадает осознание ситуации в группе субъектов некоторой общей деятельности. При равной для всех членов группы из 10 человек степени понимания (осознания) ситуации $\delta_{xi} = 0,9$ несложно подсчитать, что степень согласованности (индекс согласия) $P_{10}(T) = 0,35$. Для малой группы максимального объема $N = 7$ получим значение индекса согласия $P_7(T) = 0,48$. Понятно, что такие оценки практически ничем не обоснованы, но достаточно наглядны для понимания сути дела. Ведь мы отвлекаемся от того, что не все субъекты в группе заняты всем – профессиональная организация совместной деятельности требует спецификации и разделения труда. И здесь задача согласования деятельностей различной направленности ложится на руководителя. Недаром в японской промышленности практикуют ротацию кадров и обязательное овладение всеми типами деятельности в рамках некоторого производственного процесса.

Рассматриваемая модель позволяет понять и даже грубо оценить некоторые механизмы социально-общественной интеграции и коммуникации. Например, механизм передачи некоторой идеи T от субъекта x_1 «по цепочке» субъектам $x_i, i = 2, 3, \dots, N$ (без самостоятельных оценок) опишется также соотношениями (1)-(2). И, скажем, уже пятый участник «цепочки» осознает 0,59 от начального объема идеи, информации, сообщения. Этот же подход позволяет понять механизм порождения самых диких слухов из первоначально правдоподобного сообщения. Здесь же можно обсудить вопрос передачи знаний лектором на лекции, докладчиком на собраниях и т.п.

Данная простая, модель позволяет понять, почему сильно искажаются указания и распоряжения, передаваемые по достаточно иерархичной организационной системе управления, достигая низовых уровней. Так, уже для трехуровневой системы при том же условии $\delta_{xi} = 0,9$ получим $P_3(T) = 0,73$.

Можно понять, почему большие группы людей могут достигнуть взаимопонимания лишь по примитивным (простым) вопросам, касающимся взаимодействия в сфере простых потребностей. Ведь шкала человеческих потребностей начинается с витальных потребностей (в воздухе для дыхания, воде, пище и т.п.), далее идут социальные потребности (в общении, признании и т.п.), и вершиной являются духовные потребности.

И чем сложнее, более развита потребность, лежащая в основе данной деятельности, тем сложнее социальный комплекс, её удовлетворяющий, в том числе и по части инкорпорированных в него систем знаний. Потому-то она так трудно согласуется с деятельностью других.

И потому для лучшей управляемости часто применяются методы оглушения, низведения потребностей людей до витальных. Иногда такие методы вынуждены – например, в армии. То же практикуется при тоталитарных режимах. Достаточно вспомнить насильственную депортацию

из России представителей интеллигенции в первые годы после революции 1917 г.

По выражению Н.Ф. Фёдорова (из работы «Письма от неучёных к учёным»): «Для учёных история — это результат развития человечества под управлением объективных законов, а для неучёных так это просто море крови: непрерывная череда зверств и непроходимой глупости». По поводу причин непроходимой глупости, как нам кажется, можно наметить некоторые объяснительные схемы.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СИТУАЦИЯМИ С ПОМОЩЬЮ АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

И.П. Беляев, Е.А. Трофимов

(Москва, НИИ информационных технологий)

В основе принятия любого управленческого решения лежит знание и, при необходимости — анализ состояния предметной области. В этом ключе имеет смысл говорить не только о статистически накопленных данных, их динамике, но и о различного рода связях между событиями, описывающими предметную область (причинно-следственных, статистически определенных, ассоциативных и других связях).

Выявление «скрытых» связей между событиями, описывающими предметную область, их формальное представление в первую очередь позволяет лицу, принимающему решение построить рефлексивную модель поведения людей, влияющих на развитие событий.

Процедура аналитической обработки информации, программная реализация которой обеспечивает эффект приращения знаний о состоянии предметной области и тем самым построение рефлексивной модели поведения субъектов, влияющих на развитие событий, автоматически выявляет структуры статистически определенных связей, заданных на множестве значений переменных (поисковых дескрипторов) базы данных.

В отличие от известных методов анализа данных (Data mining, OLAP, методы статистического анализа и пр.) метод, положенный в основу процедуры аналитической обработки информации, решает в некотором смысле задачу, обратную постановке задачи многокритериального выбора.

В соответствии с задачей многокритериального выбора определяется некоторое множество допустимых точек $A = (a_1, \dots, a_k)$ пространства параметров A , описывающих модель предметной области, в которых совокупность задаваемых критериев $\Phi(A)$ не достигает наихудших значений. В нашем случае, точка $A = (a_1, \dots, a_k)$ пространства интерпретируется записью в базе данных, а множество параметров $\{a_i\}$ — поисковыми дескрипторами. При этом задается минимальная размерность допустимого

пространства точек (выборки записей в базе) и требуется определить систему параметрических ограничений, которые могут характеризовать выборку заданной размерности. Тем самым выявляются «скрытые» статистически определенные связи между событиями предметной области.

Таким образом удастся за счет выявления изначально скрытых связей на предметной области уменьшить «рыхлость» знаний лица, принимающего решения и тем самым более плотным планшет рефлексивного анализа. ■

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИИ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В.А. Буров

(Москва, МГТУ им. Н.Э.Баумана)

При построении модели рефлексии нам необходимо определить собственную исходную эпистемологическую позицию.

В кажущейся нам «естественной» классической парадигме научного знания не учитывается то, что принятая в ней эпистемологическая позиция является отражением определенного типа субъективных переживаний и соответствует первой классической глобальной научной революции XVII века. Молчаливо как аксиомы полагается, что субъект является индивидом, отнесенным к некоторой константной культуре, существующей постоянно и лежащей в некотором опыте.

Переходя к формирующейся сегодня в условиях четвертой глобальной научной революции современной постнеклассической парадигме (*В.С.Степин*), включающей субъекта научного знания в схему теоретизации, мы придаем научной теории характер субъектной реальности с соответствующим развитием внутренней организации субъекта динамическим развертыванием и актуальным существованием. Следуя этой парадигме, мы должны дополнять теорию анализом реальности субъекта и его эпистемологической позиции.

В качестве примера одного из возможных вариантов эпистемологической позиции, отличной от классической, мы можем трансцендировать субъекта за пределы опыта, определить переживаемую им реальность как лишь частично представимую в языке. От когнитивной модели рефлексии мы можем перейти к балансу актуальной структуры реальности и информационных представлений в этой структуре. Такая эпистемологическая позиция будет близка к практикам традиционных культур и религиозному опыту.

Возможность преобразований эпистемологической позиции сразу показывает необходимость решения проблемы идентификации (*В.Е.Ленский*) уже при создании теоретической модели – например, модели реше-

ния той же проблемы идентификации. Иначе мы опираемся на сложившееся в научном дискурсе догматическое закрепление одного из возможных решений, кажущегося нам «естественным».

Таким образом, постнеклассическая модель рефлексии кроме рефлектируемой и рефлектирующей позиции должна включить решение проблемы идентификации субъекта как актуальную динамическую составляющую теоретической модели: постановка задач, структура реальности и язык идентификации будут актуализироваться субъектом. Можно лишь предложить ему начальную «точку отсчета» из нашего субъективного решения проблемы идентификации, а также стратегию «навигации», сохраняющую эту точку отсчета.

Наша модель постнеклассического знания, выделяющая в нем теоретические конструкты и медиаторы духовной культуры, является также и моделью решения задачи идентификации субъекта научного знания.

В этой модели построения теоретического знания за основу берутся две составляющих. Первая, формально-логическая — это теоретические конструкты, формальные схемы, фикции которые могут конструироваться на основе обобщения опыта или братья в готовом виде из других областей знания. Вторая, смысловая — это медиаторы, вводится в теоретические схемы субъектом для их включения в пространство духовной культуры. В этом плане аспекты конструирования и медиации могут быть выделены в любой научной работе, некоторые из которых по своей сути представляют конструирование формальных схем, а другие — «медиацию на тему выбранного конструкта». Эти две составляющие теоретического знания необходимо дополнить наполнением конструкта онтологией области, куда он перенесен, и структурированием эмпирики этой области на основе данного конструкта (*В.С.Степин*).

Таким образом субъектная составляющая теоретического знания в предлагаемой конструкции оказывается сведена к выбору медиаторов духовной культуры.

Выбор ключевых медиаторов будем связывать с представлением о полноте объема бытия в данной культуре: статусе основных определенных Н.А.Носовым реальностей — телесности, сознания, личности, воли, внутреннего человека и духовности (виртуального тела субъекта).

Рассматривая вопрос сохранения национальных культур в современном информационном мире, В.Е.Лепский ставит проблему идентификации субъекта при «навигации» в поликультурном пространстве и формирования языка для решения этой проблемы.

В предложенной нами модели субъект поликультурной «навигации» может рефлексировать инокультурные воздействия как возникающие виртуальные (лишь актуально существующие) изменения статусов реальностей его виртуального тела. Сделать это он может на основе сопоставления

с опытом переживаний в опорной исходной позиции. Исходная позиция представляет собой набор ключевых медиаторов этноса, за сохранением которых и предлагается следить в процессе поликультурной «навигации». При этом субъект может делать осознанный выбор принимаемых им трансформаций своей базовой культурной бытийной позиции или возвращения в исходную позицию «навигации», возможно обогащенную межкультурным диалогом.

В данной модели рефлектирующая позиция существует актуально как субъектная реальность и постоянно перемещается; это реальность традиционной культуры и реальность поликультурной «навигации». Субъект рефлектирует свою «навигацию» из позиции традиционной культуры, а традиционную культуру — из позиции «навигации», и обе они включены в динамику своего актуального существования и эволюцию внутреннего психологического и духовного опыта субъекта. Возникает проблема вооружения средствами рефлексии двух культурных позиций субъекта с разным решением в них проблемы идентификации, и следовательно выстраивания как бы двух рефлектирующих субъектов с разной идентификацией.

Примером такой рефлексии может служить работа с этическими системами В.Лефевра как изменение базовой культуры в поликультурной «навигации» российского общества. Здесь возникает необходимость развития рефлексивной культуры как для национальной, так и для наднациональной позиции — с разным решением в них проблемы идентификации.

НРАВСТВЕННОСТЬ КАК МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А.Ю. Буров (Украина, г. Киев, украинско-американское предприятие «Украинские информационные системы»)

Борьба со злом всегда была главным двигателем сюжета в искусстве и политике. Для успешного следования написанному сценарию необходимо столкновение двух моделей — героя положительного и героя отрицательного. С этой целью на этапе завязки авторы сценария формируют у аудитории (читателя, зрителя или социума) модели (образы) главных героев. При этом формирование осуществляется путем отражения их гиперболизировано положительного и отрицательного наборов параметров в сознании аудитории. Сопоставление моделей отражает конфликт действующих героев, а развязка показывает, какая из моделей лучше. Но если в сказке добро всегда побеждает зло, поскольку ее цель нравственно-воспитательная, то в политике такая развязка не всегда возможна. Ярким примером тому стали политические события 2003 г.

вокруг Ирака, когда модель зла оказалась ложной и положительный герой вынужден признать: «доказательства» зла были ложными и «отрицательный» герой не обладал теми негативными качествами, которые ему приписывались.

В терминах математической логики военно-политическая операция против Ирака описывается не рефлексией (для которой справедливы построения типа «Если США – хорошая страна, она борется с террористическими организациями; в регионе Ирака существуют центры подготовки террористов, значит, США должны бороться с Ираком»), а импликацией, при которой даже при ложной исходной посылке и ложных действиях возможен положительный результат.

И в политике, и в искусстве используется рефлексивное управление сознанием людей, но действия на физическом уровне (политические события и война как «продолжение политики другими средствами») и на психическом (искусство) реализуются по-разному.

Во-первых, потому что конфликт является локальным и персонализированным – небольшое количество участников и достижение положительного результата возможно для одного конкретного индивидуума либо группы людей.

Во-вторых, поскольку существует добро, то существует и зло – если есть свет, то есть и тень. Разделение между ними происходит по отношению к конкретному объекту, одна сторона которого оказывается в этом случае положительной, а другая отрицательной. Математическим аналогом такого раздела является нулевая точка на шкале измерения (точка отсчета).

В то же время в социально-психологическом аспекте понятия «хорошо-плохо» имеют выраженное историко-географическое значение. Если до 1917 г. «слово русского офицера» было гарантией честного выполнения обязательств (максимумом порядочности и честности), в последние 10-15 лет ценность подобного утверждения приближается к нулю и используется для дезинформации собеседника (формирование у него искаженной модели событий), а максимальным ценным становится умение получить «свое» любой ценой.

Разница в географических нравственных ценностях видна на примере Европы и Северной Америки. Если в Европе национальными героями становились защитники отечества, то в США ими становились участники захвата чужих территорий.

Разница в критериях заключается не в «извращенности» идеалов, а в точке отсчета, точнее, в ее смещении по оси «добра-зла». В действительности, в рефлексии социального поведения на шкалу нравственности следует выделить несколько интервалов, т.е. шкала должна быть интервальной.

1. Нравственность индивидуума. Оценка событий строится по отношению к своему «Я», «добро» — это то, что положительно лично для меня, «зло» — то, что для меня неприемлемо.
2. Нравственность группы. Оценка события строится по отношению к идеалам и целям группы. Индивидуум либо согласует свои личные интересы с групповыми, либо покидает группу.
3. Мораль социума (государство, общество). Чаще всего она регламентируется определенными юридическими правилами и законами. Может не соответствовать интересам многих групп и индивидуумов, т.к. отражает модель социального поведения в интересах господствующей группы или групп.
4. Общечеловеческие ценности. Правила социального поведения индивидуумов и групп в интересах выживания биологического вида.

Совершенно очевидно, что между шкалами может существовать несоответствие, вызванное несовпадением точек отсчета и, как следствие, смещенная модель рефлексии социального поведения. Формирование нравственности индивидуума и группы состоит в совмещении «нуля» соответствующих шкал и рефлексивном управлении формированием модели их нравственного поведения с учетом исторических, географических, этнических особенностей индивидов.

РЕФЛЕКСИЯ В ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЯХ СОЗНАНИЯ

А.А. Бухтояров

(Москва, Институт компьютерных психотехнологий РАЕН)

1. Существует целый спектр состояний сознания, которые качественно отличаются как от обычного, так и друг от друга. Наше сознание, как и всё в этом мире, квантовано.

Содержание акта рефлексии полностью зависит от формы сознания, в котором она осуществляется. Между тем всё еще бытуют предположения, что существует только одно состояние сознания, и стандартом этого состояния является сам исследователь.

2. Наше сознание так и останется управляемым при помощи мифов, пока из всей <Короны> его состояний будет использоваться только одно. В этом случае можно говорить только о рефлексии в рамках одного состояния сознания, огороженного <красными флажками>. Заикленность в одном дискрете сознания — цена управляемости людской массы.

3. Многомерное сознание, позволяющее <рвануть за флажки>, становится востребованным из-за катастрофичного характера, который приобрело современное развитие. Его выпускают на сцену Бытия потому, что

<нормальные> решения и сценарии выхода из мирового цивилизационного кризиса не разрабатываются.

4. Вопреки утверждённому наукой восхождению по спирали, циклоиде и т.п., существует и одновременно действует и нисхождение по этой же спирали. И тогда пространство бытия человека задаётся только тем, какой процесс идёт быстрее. Бодрое детское сознание весело утверждает: всё тайное станет явным! Но переключение во взрослый режим говорит, что это вряд ли удастся. Явное может становиться тайным ещё быстрее. И жить нам, как информационному существу, станет негде.

5. Сегодняшнее положение вещей в глобальном плане невозможно поменять при помощи метода постепенных улучшений мира по частям или метода сохранения существующего порядка вещей. Он может быть только целостно обновлён, и механизм такого процесса должен быть записан в кратчайшие сроки.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БИОИНФОРМАТИКА И РЕФЛЕКСИРУЮЩИЙ СУБЪЕКТ

А.В. Воронов

*(Владивосток, Институт автоматизи-
рованного управления ДВО РАН)*

Существенное значение для изучения, поддержки и развития рефлексии индивидуумов могут оказать процессы информатизации, разработка и применение специализированных компьютеризированных средств. Рассмотрим находящиеся на уровне идей и на уровне предварительных решений новые информатизационные аспекты, которые могут представлять интерес для изучения, поддержки и развития рефлексии.

Сегодня все большее распространение получает идея необходимости создания интеллектуальной комплексной среды, содержащей интеллектуальные интерфейсы, обеспечивающие взаимодействие человека с разнообразными машинами и доступ человека к распределенному сетевому знанию. Такая среда может содержать также интеллектуальные объекты виртуальной реальности, интеллектуальные мобильные роботы, технологии обучения эффективному взаимодействию человека с интеллектуальной средой и др.

Эффективное взаимодействие человека с машинами предлагают реализовывать с помощью биологических сигналов человека. Чаще из биологических сигналов предлагают: электрокулограммы – записи сигналов движения глаз, электромиограммы – записи сигналов напряжения мышц, электрокардиограммы – записи сигналов ритма сердечной мышцы, электроэнцефалограммы – записи биотоков головного мозга, альфа-волны,

распространяющиеся по позвоночнику к головному мозгу и др. Ведутся разработки микроэлектронных устройств, имплантируемых в организм человека и животных. Технологическим институтом штата Иллинойс (США) разработаны устройства-микростимуляторы, взаимодействующие с нейромускульной системой человека. Исследовательская группа Национального института здравоохранения США разрабатывает устройства, имплантируемые в мозг человека. Предполагается, что устройства, имплантированные в мозг, позволят осуществлять мысленное общение человека с компьютером и принципиально новый метод взаимодействия человека с миром.

Большое значение придается исследованиям возможности использования среды виртуальной реальности. Так исследовательский проект blue-c [1] имеет цель построения коллективной виртуальной среды, интегрирующей реальных людей, снятых с помощью видеокамер. Изображения, снятые с помощью видеокамер, с поддержкой движений и речи людей в реальном времени интегрируются в сетевые виртуальные среды, а использование больших экранов и современных проекционных технологий дает возможность создавать ощущение полного погружения в виртуальную реальность. Таким образом, система blue-c может сделать доступным взаимодействие между людьми и виртуальными образами — моделями функционального и поведенческого характера.

Для успешного практического применения виртуальных образов необходима разработка интегрированных моделей восприятия, рефлексии, эмоций, поведения, адаптации и т.д., и реализация этих моделей в виртуальных образах. В двадцать первом веке ожидается интенсивное развитие в области создания «бытовых и обслуживающих» интеллектуальных роботов функционирующих в не детерминированной, изменяющейся среде и отвечающих высоким требованиям по уровню взаимодействия с человеком. В [2] обсуждаются перспективы реализации взаимодействия интеллектуального робота и человека, при котором человек является пассивным пользователем, не проявляющим какие-либо искусственные действия, а робот находится в прямом контакте с человеком, отслеживая его лицо. Разработан человекоподобный робот, отображающий некоторые эмоциональные оттенки выражения в ответ на непосредственные физические контакты в процессе взаимодействия с человеком [3]. Происходят существенные изменения в области разработки технологий обучения и тренинга пользователей человеко-машинных интерфейсных систем. Так, наблюдается постепенное не просто улучшение существующих систем, а использование новых сред и процессов, в которых осуществляется обучение и тренинг. В результате появляется новое поколение компьютеризированных систем, основным признаком которых является использование, например, среды приключенческих игр [4].

Существующие науки об информационных процессах (кибернетика, информатика, нейрокибернетика, нейроинформатика, социальная информатика, бионика, биоинформатика и др.) недостаточно учитывают знания психологии и практически не уделяют внимания психологическому “Я”. Это затрудняет и делает малопригодным использование достижений этих наук для изучения, поддержки и развития рефлексии индивидуумов. Приведенные выше новые информатизационные аспекты более применимы для изучения, поддержки и развития рефлексии, чем достижения общепризнанных наук об информационных процессах. Новые информатизационные аспекты следует отнести вернее к нейропсихологической биоинформатике [5].

Концептуально работу по практическому изучению, поддержке и развитию рефлексии предлагается реализовывать, интегрировав психологические представления о человеке, информационный подход и высокотехнологичные наукоемкие инновации в научное направление нейропсихологическая биоинформатика. Нейропсихологическую биоинформатику следует ориентировать на разработку антропологических биокомпьютерных средств, совмещенных функционально с человеком, поддерживающих постоянный контакт с человеком и участвующих практически во всей жизнедеятельности человека, и способствующих индивидууму эффективно организовывать, поддерживать, изучать и развивать рефлексию, а также формировать новые научные знания о закономерностях жизнедеятельности, функционирования и развития человеко-биокомпьютерных систем.

После выявления характерных для рефлексивных состояний признаков на изображении лица планируется развитие работ в данном направлении с применением аппаратно-программных средств информатики.

Литература

1. *Gross Markus, Staadt Oliver.* The blue-c project // ERCIM News. 2001. # 44. P. 41-42.
2. *Sekmen Ali~ESafak, Wilkes Mitch, Kawamura Kazuhiko.* Application of passive human-robot interaction: Human tracking based on attention distraction // IEEE Trans. Syst., Man, and Cybern. A. 2002. 32, # 2. P. 248-259.
3. *Canamero Lola, Fredslund Jakob.* I show you how i like you - can you read it in my face? // IEEE Trans. Syst., Man, and Cybern. A. 2001. 31, # 5. P. 454-459.
4. *Khan Masood Mehmood.* Implementing an intelligent tutoring system for adventure learning // Electron. Libr. 2002. 20, # 2. P. 134-142.
5. *Воронов А.В.* Мультидисциплинарный подход к рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы III Международного симпозиума 8-10 октября 2001 г., Москва / Под редакцией А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2001. С. 21-23.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КАК РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Д.А. Вятченин
(Беларусь, г. Минск, БГУИР)

Одним из основополагающих понятий в человеческой деятельности является понятие классификации. Под классификацией традиционно понимается разделение рассматриваемой совокупности объектов или явлений на однородные группы, причем, в зависимости от контекста, термином «классификация» обозначается как собственно процесс разделения, так и его результат [3]. Для решения задач классификации, возникающих в научной и практической деятельности человека, предложены самые разнообразные подходы, такие, как дискриминантный анализ, факторный анализ, многомерное шкалирование и многие другие, среди которых особое место занимают методы классификации объектов в условиях отсутствия так называемых обучающих выборок, то есть информации, характеризующей принадлежность объекта исследуемой совокупности одному из выделяемых классов [3].

В наиболее общем виде проблема классификации объектов в условиях отсутствия обучающих выборок состоит в разбиении на заранее известное (либо неизвестное) число однородных, в определенном смысле, классов, всего исходного множества объектов таким образом, чтобы объекты, принадлежащие одному классу, находились бы относительно близко друг от друга, а сами классы отличались бы между собой. Полученные в результате разбиения классы объектов именуется также кластерами, образцами или таксонами, а методы их обнаружения соответственно называются автоматической классификацией, кластерным анализом, распознаванием образов с самообучением или численной таксономией [3]. Методы автоматической классификации позволяют, с одной стороны, выявлять «естественное» расслоение объектов по классам, и, с другой стороны, определять «естественное» число классов, на которые «расслаивается» исследуемая совокупность, в случаях, когда количество классов является априори неизвестным. Эти методы условно объединяются в эвристическое, иерархическое, оптимизационное и аппроксимационное направления [2,3].

С гносеологической точки зрения, качество машинной классификации определяется ее соответствием классификации, проведенной человеком, так что при значительной «близости» человеческой и машинной классификации можно сделать самые общие выводы о корректности той или иной кластер-процедуры. Для определения адекватности существующих и разрабатываемых алгоритмов кластерного анализа человеческому способу классификации без обучения необходимо рассмотреть про-

цесс классификации с самообучением, проводимой человеком. Подобная установка нашла применение в моделях распознавания с обучением, к примеру, при разработке алгоритма «Кора» [1].

В рамках процесса классификации, проводимой человеком, можно выделить несколько этапов. На первом этапе процесса субъект выделяет общие, наиболее характерные для объектов исследуемой совокупности, признаки, по которым будет производиться классификация, либо определяет отношение сходства на исследуемой совокупности. На втором этапе субъект производит группировку объектов в классы на основании «близости» значений выделенных признаков либо сходства объектов. Третьим этапом процесса классификации является верификация результатов, предусматривающая, во-первых, рассмотрение «существенности» выделенных для классификации признаков, либо рассмотрение адекватности выбранного критерия сходства объектов, а во-вторых, соответствия полученной классификации критерию качества, формулируемому субъектом. Результатом третьего этапа процесса классификации является, либо, с одной стороны, выделение других признаков, по которым производится классификация объектов, или выбор другой меры сходства с последующей группировкой объектов на основании новых результатов, полученных при повторении первого этапа процесса, либо, с другой стороны, повторение второго этапа процесса классификации до тех пор, пока полученный результат не будет удовлетворять выработанному субъектом критерию качества классификации. Следует указать, что как признаки, характеризующие объекты, или мера сходства объектов, так и критерий качества классификации определяется субъектом на интуитивном уровне, исходя из условий конкретной задачи.

С позиции прикладной статистики, задачи, соответствующие первому этапу процесса классификации, проводимой субъектом, не являются задачами автоматической классификации, поскольку в задачах кластерного анализа исходные данные описываются либо матрицей значений признаков объектов, либо матрицей сходства объектов, то есть признаки, характеризующие объекты, либо мера сходства объектов являются известными, так что автоматическая классификация, проводимая субъектом, состоит из второго и третьего этапов рассмотренного выше процесса, причем результатом третьего этапа будет являться только проверка соответствия полученной классификации выработанному субъектом критерию качества. Более того, в результате проведения третьего этапа процесса классификации субъектом может быть сформулирован другой критерий качества классификации, более адекватный условиям решаемой задачи. Сущность третьего этапа заключается в том, что субъект, проводящий классификацию, становится в позицию наблюдателя по отношению к системе «классифицируемая совокупность объек-

тов – субъект, проводящий классификацию», что позволяет, во-первых, рассматривать указанную систему как рефлексивную, а, во-вторых, рассматривать классификацию без обучения, производимую субъектом, как рефлексивный процесс.

Таким образом, алгоритмы автоматической классификации, существующие, и, особенно, разрабатываемые, должны анализироваться не столько с точки зрения господствующего в этой области естественнонаучного подхода, сколько с точки зрения рефлексивного подхода, что обеспечит не только высокую точность результатов проводимого анализа, но и их более простую интерпретацию.

Литература

1. *Вайнцвайг М.Н.* Алгоритм обучения распознаванию образов «Кора» // Алгоритмы обучения распознаванию образов. М.: Сов. радио, 1973. С. 8-12.
2. *Мандель И.Д.* Кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1988.
3. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности: Справ. изд./ С.А. Айвазян, В.М. Бухштабер, И.С. Енюков, Л.Д. Мешалкин; Под ред. С.А. Айвазяна. М.: Финансы и статистика, 1989.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОКОВ ГЕНДЕРНОГО ДИСБАЛАНСА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.Т. Гам, А.А. Филимонов, Н.В. Чекалева
(Омск, Омский государственный педагогический
университет)

Попытаемся рассмотреть истоки гендерного дисбаланса в общем образовании основываясь на рефлексивном анализе одного из основных компонентов социальной организации школы, а именно содержания образования.

Традиционно содержание школьного образования заключается в изучении основ наук. Именно они составляют значительную часть учебного плана любой школы. Науки несут в себе в явном и скрытом виде гендерный дисбаланс. Это связано с тем, что научная картина мира вырастала на основе научных форм рациональности, которые присущи ее создателям – мужчинам. Они стремились рационально объяснить и упорядочить не рационально устроенный мир. Отсутствие иррациональности и интуиции, присущих женскому мышлению, мужчины пытались компенсировать знанием о законах существования мира.

Действительно, идеалы и нормы процесса обучения в школе фиксируют четкие научные схемы упорядочивания мира и явно выраженные «правила игры». Это проявляется в знаниях по предмету, аналитичности коммуникаций, рассудочности и схематизме процесса обучения, откры-

тости оценки, отсутствию рефлексии. С другой стороны школа представляет собой миф-организацию (по классификации организаций В.Тарасенко, представленной в Интернет-публикации «Диагностика организации: инструменты консультанта-мифодизайнера») и реализует достаточно закрытую реальность, стремящуюся к универсальной ценности и самоорганизующуюся через прошлые причины (в конечном счете, это отражено тезисом — «наше образование — лучшее мире» — и не надо ничего менять). Все должно быть узнаваемо и объясняемо с точки зрения «священных» текстов (учебный план, программы, стандарты, инструкции, методики, технологии, ...).

В результате, опыт познания школы индивидуален и для учителя, и для ученика, а потому, как правило, неverifiedи не falsifiedируем (очарование школой). При этом миф, в котором живет школа, не должен рефлексироваться, фиксироваться как схема или модель упорядочивания мира. Главный принцип жизни такой школы - отсутствие какого-либо организационного развития, стремление к максимальному гомеостазу процесса обучения по устойчивым самовоспроизводящимся схемам. Современная школа реализует принцип, сформулированный Я.А.Коменским [1]: «Искусство обучения не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода».

Таким образом, содержание школьного образования, построенное на «мужском» восприятии мира в ущерб «женскому», не является сбалансированным - разум (под которым понимается рационализм, логика, анализ) превалирует над интуицией, синтезом, духовностью даже в гуманитарных предметах. Заметим, что изучение наук также явно принижает роль женщины (достаточно посмотреть на портреты ученых в стенах школьных кабинетов математики, химии, физики, истории, биологии и даже литературы), однако науки в школе преподают преимущественно педагоги-женщины.

При получении общего образования явным и неявным образом мужское рациональное мышление влияет на все базовые идеи о человеке, природе и их взаимоотношениях. В результате обучения человек воспринимает мир как отдельные объекты, существующие во времени и трехмерном пространстве. Наука не обеспечивает личность качественным познанием, не считает ценностью субъективное знание и опыт. Преобладание мужских ценностей и установок приводит и к культурному дисбалансу, создает постоянный фон всех проблем индивидуального, социального, экологического, экономического и т.п. характера, разрушает социальный метаболизм, не способствует развитию рефлексивных способностей человека. С приобретенным в процессе обучения рациональным знанием, объективностью и логикой школьники (впрочем, и многие взрослые) совершенно беспомощны, когда имеют дело с человеческими ценностями

и человеческим опытом. Может быть, этим обусловлено то, что наряду с процессом обучения в школе происходит процесс отчуждения детей от возможного знания [2]. Результаты наших исследований показывают, что реально активно включены в учебный процесс не более трети учащихся.

Истоки гендерного дисбаланса, на наш взгляд, заложены в основах современного школьного образования, социальной структуре школы и, соответственно, приводят к искаженному социальному опыту, приобретаемому школьниками со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С нашей точки зрения, гендерный баланс в процессе обучения может быть восстановлен путем синтеза разумного (рационального) и интуитивного способа осознания. Это означает, что «мужское» начало в образовании должно «потесниться» и предоставить возможности для проявления «женского». Психологи отмечают явное преобладание контекстуальной перцепции и способностей к синтезу у женщин и аналитических возможностей – у мужчин. Женское мышление ближе к целостному (экологическому), так как оно способно к интуитивному осознанию единства всей жизни, взаимозависимости ее проявлений, циклов изменения и трансформации, пониманию мира как динамической сети взаимосвязанных событий.

Будущее образование должно ориентироваться не только на рационализм и логику, но и на интуитивное понимание, целостность восприятия мира, духовность и субъективный опыт. Такой подход требует нового языка в образовании, так как изучение основ наук построено на языке описательном, тогда как сообщение личностных переживаний требует языка выразительного, непосредственно выражающего опыт и отражая его качественный характер. Такое образование требует рефлексивной культуры в обучении.

Серьезный сдвиг к сбалансированности образования в рамках обсуждаемой в статье темы, на наш взгляд, содержится в концепции модернизации общего образования и заключается в переходе к деятельностному подходу в обучении на основе компетенций. Деятельность учащегося (в проектной работе, тренингах, различных формах групповой работы и т.п.) дает возможность для проявления интуиции, позволяет учесть собственный опыт, повышает значимость субъективного знания, развивает способность к синтезу, рефлексии, восприятию целостности. В деятельностном обучении теряют свою ключевую роль описательный язык науки (более важен язык выразительный, метафорический), количественные оценки (важнее качественные) и классно-урочная система.

Рефлексивное рассмотрение ситуации, в которой появилась классно-урочная система или количественные отметки, очевидно, также могут помочь обнаружить истоки гендерного дисбаланса в школьном образовании.

Литература

1. *Коменский Я.А.* Великая дидактика // Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие / Сост. В.М. Кларин, А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1989.
2. *Фрумин И.Д.* Тайны школы: заметки о контекстах: монография/ Красноярский гос.ун-т. Красноярск, 1999.

РЕФЛЕКСИЯ БИРЖЕВЫХ ИГРОКОВ ПРИ ИНФОРМАЦИОННОМ МАНИПУЛИРОВАНИИ РЫНКОМ

Э.П. Григорьев, В.Е. Лепский, А.Н. Лобанов

(Москва, Институт рефлексивных процессов и управления)

Биржевая цена, определяемая законом спроса и предложения, в каждый момент времени соответствует как текущему представлению игроков о «справедливой» цене, так и ожиданиями будущего. Систематическое получение прибыли от изменения цен может быть реализовано только при высокой степени надежности прогнозирования динамики цен (или при всеохватывающем манипулировании рынком). Движение цен вызывается как изменением спроса и предложения, так и модификациями поступающей новой информации в рефлектирующем сознании игроков.

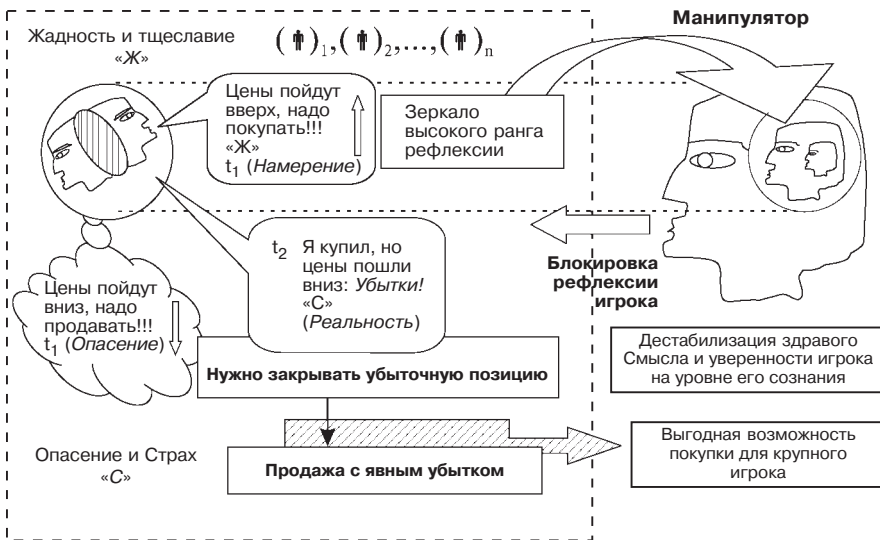
Для заметного изменения спроса или предложения нужны свободные финансовые или товарные ресурсы. Объемы их интервенций измеряются миллиардами долларов. Поэтому более дешевым и эффективным способом манипулирования является информационное воздействие, позволяющее вызвать движение рынка в сторону, выгодную для манипуляторов.

Средства массовой информации (СМИ) круглосуточно собирают новости о политике и экономике со всего мира. Эту информацию через радио, телевидение, газеты и Интернет они доводят до субъектов биржевой торговли: спекулянтов, хеджеров, управляющих взаимными фондами, инвестиционными компаниями, банками и корпорациями. Наряду с простой трансляцией новостей, СМИ предлагают их трактовку, делают аналитические обзоры, строят рейтинги корпораций и дают рекомендации биржевым игрокам.

Можно выделить следующие методы воздействия манипуляторов на рефлексию биржевых игроков, если предположить наличие универсальной закономерности – *рефлексии биржевых игр (РБИ)*, которая определяет психологические реакции всех без исключения субъектов, выступающих в различных ролевых функциях на плацдарме столкновения финансовых интересов.

Несмотря на множество индивидуальных проявлений и ситуационных специфик, достаточно четко вырисовываются два основных контура механизмов *РБИ*, взаимодействующих друг с другом (см. рисунок).

- (1) Контур внутреннего автоколебания игрока – $(\Phi)_1, (\Phi)_2, \dots, (\Phi)_n$. В этом контуре человек мечется между «жадностью» (Ж) и «страхом» (С), делает выбор между двумя полюсами этих ценностных ориентаций в поле «биполярного конструкта» Ж-С, соотнося свою игру с интуитивными ожиданиями успешных или неудачных шагов.
- (2) Контур внешнего воздействия со стороны манипулятора на поведение вышеуказанных субъектов. «Препарированная» информация взаимодействует в головах игроков с информацией об изменениях биржевых котировок.

Типичный способ рефлексивного манипулирования

Разумеется, игроки проявляют определенные способности к рефлексии, которая выражается в способности предвосхищения состояния будущей ситуации. Однако это – невысокий ранг рефлексии, обусловленный раздвоением их сознания. Игрок подвержен воздействию *изнутри* силами двух противоположных установок: намерению хорошо заработать и опасением потерять вложенные деньги. Игроки научились противостоять *внешним* силам, применяя методы технического и фундаментального анализа.

Манипулятор, осуществляющий *внешнее* воздействие, обладает более высоким рангом рефлексии, чем субъекты биржевой игры (Φ) . Он встраивает в обычный поток сведений такие элементы, которые способны воздействовать именно на иррациональную сторону психики человека. Транслируя такие элементы в сознание игроков, Манипуляторы учитывают особенности эмоций человека, его психики, интуиции – всего, что определяет «тонкие» свойства личности.

Не зная всей глубины подобного комплексного воздействия, игрок, сталкиваясь с ситуацией, когда цены пошли вниз, судорожно принимает решение: «немедленно закрывать убыточную позицию, продавать!». Это ведет к обогащению крупного игрока, намеревающегося осуществить массивные покупки (см. рисунок).

Тем самым, Манипулятор, действуя по *контуру внешнего воздействия*, использует мысленное «зеркало высокого ранга рефлексии», включая в свое сознание не только объективную ситуацию, но и все «раздвоенное» состояние сознания игрока. Он *блокирует рефлексию игрока*, дестабилизируя его здравый смысл и уверенность.

Обычно в этом случае начинает идти тенденциозный поток сообщений; либо плохие данные о товаре, который торговец купил, либо совокупность хорошей (для данной открытой позиции) или плохой информации, но с результирующим негативным уклоном. Другой вариант: цена товара начинает «стоять», т.е. находится в узком торговом диапазоне, не демонстрируя намерения идти вверх или вниз, начинают появляться сообщения о том, что рынок «скучный», «без направления». Сидящему у компьютерного монитора торговцу на «скучном» рынке трудно сохранить постоянное внимание и концентрацию, он отвлекается от игры или (не дожидаясь движения в нужном ему направлении) выходит из своей позиции (в нашем случае продает). Цель манипулятора достигнута: он приобрел перспективную покупку, не загоняя рынок вверх, так как в данный момент было достаточно продавцов.

Описанная выше схема манипулирования реализуется на разных уровнях и временных горизонтах — начиная от товара определенного вида (нефть, золото и т.д.) и кончая курсами валют и индексами фондового рынка. В последнем случае манипулирование может приводить не только к достижению манипулятором существенной прибыли и соответствующим убыткам других участников торгов, но и к серьезным политическим и экономическим последствиям для государства (можно вспомнить резкий обвал курса британского фунта, азиатский финансовый кризис или крайне резкое падение курса рубля в конце прошлого века).

Особую опасность представляет манипулирование в современных условиях широкого распространения биржевых счетов с использованием маржи и производных финансовых инструментов с высоким рычагом, значительно увеличивающим риски, так как при этом даже не очень сильные изменения котировок ($\pm 10\%$) могут приводить к катастрофическим финансовым потерям.

В данной связи представляют интерес методы раннего обнаружения информационного манипулирования рынками с целью разработки способов его нейтрализации и предотвращения негативных последствий.

МЕТОДЫ РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТИ

Г.И. Давыдова

*(Москва, Институт рефлексивной психологии
творчества и гуманизации образования)*

Базовой для разработки методов рефлексивно-диалогического развития мышления и личности является модель интеллектуально-личностных изменений, происходящих с субъектом в процессе преодоления им проблемно-конфликтной ситуации (*Семенов И.Н., Степанов С.Ю., 1983, 1990*). На основе исследования влияния рефлексивных процессов на изменение направленности личности в процессе преодоления проблемно-конфликтной ситуации, разработан метод диалогического взаимодействия в процессе решения творческой задачи (МЕДИВ), а также метод рефлексивной поддержки, выполняющий как самостоятельную, так и комплиментарно ведущую функцию коммуникации.

Процесс рефлексивно-диалогического взаимодействия подчинен конечной цели рефлексивного разрешения проблемно-конфликтной ситуации и обеспечивает формирование, коррекцию и восстановление личностных функций рефлексии в коммуникативном процессе, связанном с повышением целостности взаимодействия. Эту идею можно истолковать как идею со-творения общего поля двумя составляющими (или двумя личностями), как работу «self» или «мы-в-процессе» (*Латнер, 1986*). Ценностью рефлексивно-диалогических отношений является заложенный в них механизм саморазвития.

Метод рефлексивно-диалогического взаимодействия связан с обеспечением условий для прецедентов самопознания, самоанализа в проблемно-конфликтных ситуациях. В его основу положено моделирование элементов проблемно-конфликтной ситуации, связанное с развитием личностного поведения человека, необходимого для конструктивного преодоления «бесполезных стереотипов». В ходе рефлексивно-диалогического взаимодействия в разной последовательности решаются задачи актуализации рефлексии, ее функций для разрешения субъектом проблемно-конфликтной ситуации; формирование творческого подхода к решению задачи; осознания роли личной активности в конструктивном преобразовании ситуации «здесь и теперь»; переосмысление своих деструктивных паттернов взаимодействия, принятие своей адекватной самооценки в проблемно-конфликтной ситуации; осознание целостности своего «Я» (телесные проявления, задатки, способности, характер, ценности, цели, идеалы). Значительное место в рефлексивно-диалогическом взаимодействии принадлежит развитию самоорганизации и самопознания в процессе изменения отношений личности. Логика разворачивания реф-

лексивно-диалогического взаимодействия диктуется структурно-функциональной схемой, моделирующей рефлексивный потенциал личностного цикла преодоления проблемно-конфликтной ситуации: а) формирование побуждения; б) осознание намерений; в) смысл «здесь и теперь»; г) самоопределение относительно имеющихся альтернатив; д) осознание условий необходимых для ее решения; е) волевое действие, связанное с реализацией принятого решения.

Личностные функции, обеспечивающие протекание рефлексивно-инновационного процесса (побуждение, намерение, ценность, замысел, план, результат) являются элементами поведения человека в проблемно-конфликтной ситуации. Характер этих функций связан с разнообразием видов и свойств процесса рефлексии.

Метод рефлексивной поддержки связан с коммуникативным аспектом рефлексивной системы, атрибутом которой является характер отношений субъектов в процессе взаимодействия. Рефлексивная поддержка связана с проблемно-конфликтной ситуацией и имеет с личностью общую основу существования — смысловую. В связи с этим поведение личности (вербальное и невербальное) подается анализу и исследованию. Например, выделяется обобщенная самооценка — виды высказываний, представляющие личностные характеристики значимого характера, отражение личностного опыта, принципов и ценностей, социально-культурных норм, семейных традиций, отношения к себе. Обобщенная самооценка чаще всего завершает процесс выхода из проблемной ситуации, выступая в качестве обоснования принятого решения (напр.: «Какой я *умный!*» или «Нет, здесь я *не компетентен!*»), либо выступает в функции побуждения («Все O'key! Я — *любимый!*»), становится основой для построения новых личностных смыслов и др.

Методология рефлексивной поддержки подчинена культивированию того, чему исходно отводится только роль фона и периферии — человеческих отношений («высококачественных человеческих отношений» по Роджерсу). Если это становится ценностно значимым в процессе взаимодействия, то из положения «фона» человеческие отношения проявят свою подлинную сущность, свое значение и смысл. Оказываясь силой, «помещающей на свое место» каждое из совокупностей движений души человека, *отношения* в процессе рефлексивно-диалогического взаимодействия обнаруживают себя как подлинная причина происходящих изменений.

Рефлексивно-диалогическое взаимодействие выступает как двусторонний процесс: объективированный в продуктах взаимодействия, имеющих социально значимый характер и имеющий субъективный смысл, отраженный в изменении отношений личности. Это выражается в характере мышления и личностных особенностей человека, прежде всего его самооценки.

Выбор приемов рефлексивно-диалогического взаимодействия обусловлен принципом инновационной открытости по отношению к каждой практической задаче развития, использование конкретной техники основывается, прежде всего, на соображениях удобства, экономичности и доступности. Так, применяемая методика должна подчиняться требованию субъективной адекватности и соответствовать ожиданиям личности, возможностям осмысления, интеллектуальному (образовательному) уровню. Не менее значимым является соответствие метода личностным особенностям *диалогента*, учет эффективности применения директивных или когнитивных технологий, и проч.

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОГРАММ ПРИ ХРОНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

Е.А. Евстифеева (г. Тверь, Тверской государственный технический университет)

М.Н. Калинин (г. Тверь, Тверская государственная медицинская академия)

Н.И. Яблокова (Москва, МГТУ «СТАНКИН»)

Наличное состояние и «границы» здоровья населения современной России выявляют недостаточность использования только медицинской модели и традиционных медицинских технологий лечения многих болезней. Среди новых технологий, расширяющих возможности лечения хронических заболеваний человека, рефлексивный подход.

Так, сегодня в медицинской практике остается нерасшифрованным феномен «внезапной смерти», наблюдаемый при хронических сердечно-сосудистых заболеваниях. При отсутствии явно выраженных и «клинически зарегистрированных» симптомов ухудшения соматического состояния, внезапно наступает летальный исход, «непрогнозируемое» течение заболевания или резкое его обострение. Такие «верифицированные данные» явно не вписываются в традиционную парадигму лечения хронической болезни, применение которой эффективно для «острой стадии» болезни. Необходимостью становится поиск новых средств объяснения указанного феномена, а также герменевтика значимости реабилитационного периода.

Наши интуиции видят в пациенте активную фигуру, субъекта в реабилитационном процессе, который призван играть равную роль с медиком. От его рефлексивных установок, веровательных интенций («исцеляющая вера»), ожиданий и предпочтений, мотивации, связанной с сохранением жизни, атрибуции ответственности, культуры «заботы о себе» зависит, в конечном итоге, успех врачевания и «биографический ресурс»

динамики «от болезни». Вместе с тем — по нашим наблюдениям — очевидна опасность десубъективации больных в период реабилитации: нередко, поставив себя в позицию стороннего наблюдателя своей болезни, человек как бы объективирует и отчуждает свои проблемы, признавая, что не может с ними справиться. К субъективным препятствиям, встающим на пути выздоровления, относятся ригидность сознания, пассивный, «реактивный» способ существования больного в условиях хронического заболевания.

Для оказания помощи больным с хроническим заболеванием в реабилитационный период (особенно — на катамнестическом этапе) необходимо использовать «субъектный фактор» больного, стимулировать его рефлексивные процессы. Под рефлексией мы понимаем психическую (личностную) активность человека, интенцию к критическому осмыслению текущей деятельности, способность анализировать и соотносить с ситуацией собственные действия, а также обоснование необходимости внесения корректив в процесс «самоосуществления». Рефлексия направлена на выяснение способов конституирования себя в корреляции с другими.

Рефлексивная активность всегда селективна — это означает, что субъект может придавать большое значение одним полученным данным (как правило, положительных о себе данных) и «не замечать» других (обычно отрицательных, снижающих его самооценку). Сведения, полученные путем саморефлексии, имеют больше шансов привести к психологически ожидаемому результату.

Рефлексивный способ существования — это сознательный выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни (болезни, ограниченных возможностей) для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней. Продукт рефлексивной активности может проявиться в виде адекватной самооценки, самоконтроля, саморегуляции, психологически ожидаемого результата.

Демонстрацией возможностей рефлексивного подхода в границах реабилитационного периода при хронических заболеваниях, проверкой валидности конструкта «рефлексивная технология здоровья» должна быть адекватность веровательных установок и интенций пациентов с хроническим сердечно-сосудистым заболеванием активно-деятельностному, жизнеутверждающему отношению к себе и другому. Не менее важен скорректированный поведенческий сеттинг человека с ограниченными возможностями, его рефлексивная культура.

О РЕФЛЕКСИИ В УПРАВЛЯЕМЫХ СИСТЕМАХ

Ф.И. Ерешко

(Москва, Вычислительный центр РАН)

В теории управления, принятия решений и в теории игр рефлексивное поведение и рефлексивное управление (управление с рефлексией) является одним из первичных понятий и одной из главных проблем рассмотрения. Это связано с психологическими особенностями принятия решений субъектами во всех содержательных физических и общественных процессах, которые рассматриваются в этих науках. В одной из значительных работ в области психологии, посвящённых влиянию рефлексии на процесс принятия решений игроками, в качестве одного из образов автор использует физическую аналогию взаимодействия двух зеркал [4]. Основной содержательный мотив в этих работах связан с попытками активных участников предвосхитить, предугадать действия или намерения окружающих с тем, чтобы улучшить или вообще сформировать стратегию управления [5-7]. Во всех работах по исследованию операций при формализации принятия решений выделяется объективное описание конфликта и субъективное представление каждого участника конфликта о нём. Упомянем введение понятий «ошибочных» игр [2] и объективных и субъективных описаний игр [3]. Совокупность представлений участников процесса и соотнесение этой совокупности с объективным состоянием является основным предметом исследований в теории игр. Можно сказать, что анализ рефлексивных процессов (т. е. информированности участников и учёт этой информации в процессе формирования стратегий) является центральным местом принятия решений и, соответственно, теории игр. В некоторых работах [3, 4, 5, 8] рефлексия, с формальной точки зрения, рассматривается как элемент обратной связи в стратегиях, что придает моделированию процесса принятия решений рациональную адекватность, и упрощает анализ поставленных задач.

Термин рефлекс (рефлексия) в [11] используется в двух случаях: а) для обозначения процесса формирования реакции объекта на внешние обстоятельства без его сознательного участия (назовем этот процесс рефлексом первого рода) и б) для обозначения сознательного процесса формирования объектом **представления** о действии окружающего мира и выработки на этом основании своего поведения (рефлекс второго рода).

Рассмотрим два объекта, действующие во внешней обстановке, и обозначим их символами A и B . Фазовое состояние первого опишем буквой x_t , а фазовое состояние второго — буквой y_t , где t — момент времени. Если объект B бессознательно воспринимает (отражает в себя) доступную ему информацию о внешнем мире и, в частности, об объекте A и также бессоз-

нательно реагирует на нее, мы будем говорить об этом процессе, как о рефлексии первого рода. Определим рефлексивную стратегию первого рода для второго объекта, как выражения, зависящие от доступной ему информации о внешнем мире i , в частности об x_τ , $\tau \leq t$ и входящие в соотношения, описывающие динамику бессознательного изменения y_t . Если объект B воспринимает (отражает в себя) доступную ему информацию о внешнем мире i , в частности, об объекте A (например, об x_τ , $\tau \leq t$), о собственном состоянии y_τ , $\tau \leq t$, и на основе этого **отражения** сознательно создает **представление (образ, гипотезу)** о внешнем мире i , в частности, об объекте A , а затем сознательно использует это **представление** для выработки v_t — управляемого воздействия на внешний мир i , в частности, на первый объект, то мы будем говорить об этом процессе, как о рефлексии второго рода, а стратегию будем называть рефлексивной стратегией второго рода.

В работах [3, 5-7] рефлексное (рефлексивное) управление рассматривается как $x(y)$, как функция-отклик первого игрока x на возможное управление второго игрока y . В этом случае, для того чтобы постановки задачи принятия решения были логически непротиворечивы, необходимо привлечь ряд дополнительных условий относительно информационного взаимоотношения игроков. Это осуществляется путем введения понятия “право первого хода первого игрока” и принятия условия, что в момент выбора первым игроком конкретных значений своих управлений ему будет известен конкретный выбор второго игрока, и первый игрок использует свое преимущество в виде стратегии поведения — функции $x(y)$.

Если же положение вещей не таково, т.е. первый игрок не располагает преимуществом в получении информации, то использование стратегии $x(y)$ логически непротиворечиво может рассматриваться только как некоторая гипотеза первого игрока. В выступлении [9] содержалось краткое описание направлений исследований и первых результатов после ознакомления автора с [8]. В работе [11] основное внимание уделяется постановочным вопросам и математическому моделированию рефлексивных стратегий. В работе приводится развернутое описание содержательных рассуждений Дж. Сороса и А.О. Курно, приводится формальное описание модели Сороса и модели дележа динамического ресурса. Подробно исследуется рефлексивная игровая модель с привлечением аппарата теории иерархических игр Ю.Б. Гермейера. Теория игр не пытается предписать, как нужно поступать участникам конфликта. Как отмечает Н.Н. Воробьев в Приложении к [1], исследователь, не имея возможности указать игроку, что он должен делать, обращается к поиску теорем существования разумных стратегий. В этом контексте в работе [11] рассматривается вопрос о близости решений в «ошибочной» игре и в «истинной», объективной.

В работе [10] основное внимание уделяется исследованию уравнений Сороса с использованием аналитических и вычислительных средств, а также построению и подробному изучению модели рефлексивного принятия решений по распределению динамически поступающих ресурсов.

Совершенно ясно, что перечисленные выше задачи принятия решений в рефлексивной постановке носят исключительно иллюстративный характер, представляя собой не более, чем некую логическую схему на этапе предварительных рассуждений. Но и полностью игнорировать возможности такого анализа не следует, поскольку в сложных ситуациях принятия и обоснования решений всегда крайне необходимо иметь возможность сделать первый шаг, и результаты предварительного, может быть простого, но структурно верного, анализа предоставляют для этого широкие возможности.

По существу же, после рассмотрения статического варианта, сразу возникает вопрос, а какова будет реакция игроков, когда они обнаружат, что реальные ответы контрагентов не совпадают с рассчитанными выборами в соответствии с принятыми гипотезами? Последуют какие-то действия игроков, и они, естественно, будут носить рефлексивный характер. Данная проблематика представляется весьма интересной, и отдельные ее аспекты уже рассматривались некоторыми авторами.

Общий случай пока открыт для обсуждений.

Литература

1. фон Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
2. Льюс Р.Д., Райфа Х. Игры и решения. М.: Изд. иностр. лит., 1961.
3. Гермейер Ю.Б. Игры с противоположными интересами. М.: Наука, 1976.
4. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1973.
5. Ерешко Ф.И. Иерархические компромиссы при общих связях и параллельных угрозах. М.: ВЦ АН СССР, 1984.
6. Кукушкин Н.С. Роль взаимной информированности сторон в играх двух лиц с противоположными интересами // Ж. вычисл. матем. и матем. физ. 1972. Т.12, № 4. С. 1029-1034.
7. Ерешко Ф.И., Кононенко А. Ф. Решение игры с правом первого хода при неточной информации о цели партнера // Ж. вычисл. матем. и матем. физ. 1973. Т. 13. № 1. С. 217-221.
8. Сорос Дж. Алхимия финансов.: М.: Инфра-М, 1996.
9. Ерешко Ф.И., Лохныгина Ю.В. Рефлексивные стратегии в системах управления. // Тр. конф. Теория активных систем. М.: СИНТЕГ, 1999. С. 211-213 .
10. Ерешко Ф.И., Лохныгина Ю.В. Исследование моделей рефлексивных стратегий в управляемых системах. М.: ВЦ РАН, 2001.
11. Ерешко Ф.И. Моделирование рефлексивных стратегий в управляемых системах. М.: ВЦ РАН, 2001.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ф.Е. Иванов (Москва, Институт психологии РАН),

В.В. Смолянинов (Москва, Институт машиноведения РАН)

Понятие «культура» в научной литературе представлено как многозначное, многоаспектное. Культура — это одновременно деятельностная и личностная характеристика человека. В определении культуры обычно выделяются когнитивные (интеллект) и мотивационно ценностные компоненты (мировоззрение, нравственное развитие, уровень эстетического восприятия). Культура формируется сознательно, целенаправленно на основе использования специальных средств воспитания и обучения, с одной стороны, а с другой — это результат самовоспитания, самосоздания, свидетельствующий о социальной зрелости личности, его способности решать важные для себя и для общества задачи. Культура — это система норм деятельности, созданная на основании применения нравственных, ценностных и интеллектуальных критериев. На докультурном уровне все рефлексивные процессы протекают стихийно, неорганизованно и результат рефлексии случаен. На культурном уровне рефлексии придается организованный, целенаправленный характер (*Ф. Василюк. 1995*). Поэтому рефлексивную культуру можно определить как систему способов организации рефлексии, построенных на основе ценностных и интеллектуальных критериев. Она включает в себя: готовность действовать в ситуациях с высокой степенью неопределенности, гибкость в принятии решений, постоянную готовность к поиску путей решения творческих задач в проблемных ситуациях профессиональной деятельности, способность переосмысливать стереотипы своего личностного опыта, возможность реализовать личностные, коммуникативные и интеллектуальные свойства адекватно ситуации.

Рефлексивная культура — это возможность человека приблизиться к той границе самоактуализации, которая для него является предельной для конкретного хронотопа ситуации.

Активное развитие рефлексии происходит при преодолении профессиональной и/или социальной критической ситуации. Особым образом в этом случае происходят рефлексивные процессы (личностного, интеллектуального, коммуникативного и др. уровней) у «распределенного» субъекта труда (*Ф. Иванов. 1995, 1997*). «Распределенность» субъекта труда в современных исследованиях психологии безопасности понимается как реальное совместное выполнение профессиональных задач деятельности микро- и макроуровня, а также идеализированная (воображаемая) со-зависимость по вертикали и горизонтали субъектов труда, структурно и функционально объединенных выполнением единого плана деятельности.

Ведущей и самой значимой рефлексией успешного «распределенного» субъекта труда при этом является коммуникативная рефлексия, которую следует представлять как *правовую рефлексию*. Правовая рефлексия формируется и развивается в процессе межличностного взаимодействия. Ключевым моментом в развитии правовой рефлексии является усвоение иной, отличной от собственной, позиции, которое происходит в условиях совместного осуществления деятельности, организованной в форме кооперации, управления действиями другого и т. п. Важнейшее значение при этом имеет обратная связь «зеркального характера», позволяющая человеку самому увидеть свое поведение и результаты своих манипуляций. В этих случаях рефлексия выступает в своей меж индивидуальной форме (познание себя через другого и другого через себя). Развитие правовой рефлексии в процессе ее совершенствования характеризуется возрастанием адекватности рефлексивных представлений о других, себе и ситуации межличностного взаимодействия, что выражается в повышении точности рефлексивных представлений и рефлексивных ожиданий, углублении уровня анализа ситуации, появления новых, нестандартных способов разрешения проблемных, критических ситуаций.

Важным признаком уровня развития рефлексивной культуры личности является *гармоничность* ее различных типов. Под гармоничностью понимается не только наличие доминирующей направленности рефлексии, которое не подавляет, а стимулирует проявление других рефлексивных содержаний, полезных для конструктивной личностной реализации, но и *свободу* переключения с одного типа рефлексивных проявлений на другой.

Неадекватный уровень притязаний, проявляющийся в излишне завышенных или заниженных требованиях к себе, к другим или к ситуации в целом, приводит к неблагоприятным преобразованиям психического состояния субъекта труда (стресс, фрустрация, аутические проявления, внутриличностный конфликт и др.), которые могут спровоцировать асоциальные формы поведения или патопсихологические защитные механизмы, ведущие к нарушению правовых норм. При конкретных обстоятельствах проявления подобного рода становятся иррациональными, поскольку человек продуцирует аутоагрессию или эоагрессию, не способствующих преодолению критических ситуаций, а способствующих их усугублению.

Адекватный уровень притязаний является «творчески» завышенным, если позволяет субъекту вслед за расширением притязаний расширять границы субъективных возможностей, актуализируя их в новых условиях деятельности. Для адекватного творческого уровня притязаний характерно обнаружение многовариантности решения задач ситуации, переход от решения частных задач к поиску и открытию более общих закономерностей развития ситуации, а в случаях появления критических факторов

ситуации к нахождению превентивных мер «защиты» ситуации и прогно- стике возможностей благополучных исходов критической ситуации.

В отдельных исследованиях при анализе причин срыва нормативной деятельности человека разделяют ситуативную и индивидуальную предрасположенность к аварийным инцидентам или происшествиям (гипотеза В. Мишеля). Аналогичная предрасположенность к конфликтам и проявлениям агрессии имеется и в социальной деятельности человека. Исследовать истоки и механизмы асоциальной предрасположенности необходимо тщательно с целью разработки эффективных превентивных мер защиты человека от проявлений собственной враждебности и агрессии, от разрушения общественных правовых ценностей. Вопрос: *как научить каждого человека оберегать собственное правовое пространство достойно и чтить правовые пространства других людей как социальных партнеров?* — самый актуальный вопрос современного развития человеческого социума, вставшего на активный и, следовательно, творческий путь искоренения индивидуальных и, тем более, массовых проявлений агрессии и терроризма. Опора на научные достижения рефлексивной психологии несомненно необходима и для формирования новой научно обоснованной правовой культуры.

Актуальная задача современной психологической науки — это, на наш взгляд, разработка концепции правового сознания человека, как субъекта активной социальной деятельности. Именно массовое правовое сознание может стать надежным гарантом гармоничного развития всемирного человеческого социума.

Работа выполняется при поддержке РГНФ; проект № 02-06-00250а

РЕФЛЕКСИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ф.Е. Иванов, В.В. Смолянинов, Е.М. Филиппова
(Москва, Институт психологии РАН)

Критическая ситуация в профессиональной деятельности, связанной с высоким риском возникновения непредвиденных обстоятельств, характеризуется необходимой ограниченностью свободы выбора действий, связанных с преодолением развивающейся неблагоприятной ситуацией. Прогнозирование возможности неблагоприятного исхода ситуации требует от субъекта деятельности максимальной сосредоточенности на сложившейся ситуации при реализации рефлексивного поведения с целью нейтрализации проблемных моментов критической ситуации.

Произвольная профессиональная деятельность человека подразумевает владение большим репертуаром специфических навыков и умений, дос-

таточных для эффективного решения разнообразных профессиональных задач. Прежде всего, что естественно, уровень профессионализма человека — субъекта профессиональной деятельности, оценивается по успешности решений разнообразных задач в нормативных условиях с целью формирования профессионально ориентированно сенсомоторного интеллекта как единого комплекса сенсорных, моторных и интеллектуальных стереотипов, так называемых, синергиями. Решая в процессе обучения задачу синергетического оснащения своего деятельностного пространства человек, тем самым, автоматизирует свою оперативную деятельность, минимизируя свои либернетические ресурсы, элиминируя все избыточные степени свободы, доводя свое поведение по схеме «стимул-реакция» до рефлекторных алгоритмов. Превращаясь в хорошо организованную машину и в высоко специфический автомат, человек, конечно, не исчерпывает свои либернетические возможности и рефлексивные способности, а только реорганизует уровни управления целенаправленным поведением.

Следующий важный этап профессионального обучения связан с развитием инновационных навыков в нештатных условиях, когда формируется уровень тактического управления деятельностью, учитывающей изменчивость внешних условий и структуры решаемых задач. Именно здесь создаются базовые рефлексивные компоненты оценочного и сравнительного типов. Эти компоненты тоже должны быть синергичны, т.е. в достаточной мере автоматичны, чтобы обеспечивать высокий профессионализм в динамическом режиме деятельности.

Первый тактический уровень профессиональной деятельности полезно представить в лингвистической интерпретации как уровень синтаксиса, ошибки на котором следует считать недопустимыми, поскольку такие ошибки являются наиболее фатальными и наиболее трудно искоренимыми, даже при хорошо развитой рефлексии. Второй тактический уровень управления, допускающий инновации, можно в лингвистической интерпретации назвать грамматическим, поскольку у него тоже имеются свои жесткие правила.

Наиболее свободным для творчества является третий стратегический уровень управления, лингвистически адекватный семантическому уровню. Осмысление задач, проблем, целей и содержания деятельности происходит на этом уровне, с привлечением накопленного опыта и рефлексий, с генерацией гипотез и фантазий. Структурирование семантико-стратегического уровня деятельностного управления и есть, по существу, главная задача психологии сознания, которое традиционно подразделяется на два подуровня: 1) собственно сознание — когнитивное пространство оперативной мыследеятельности, оснащенное вербальным аппаратом выражения мыслей; 2) подсознание — довербальное мышление образного характера, предназначенное для инициации, вынашивания и созревания идей, допол-

ненное оценочными функциями эмоционального типа. По-видимому, рефлексии играют роль функциональных структуризаторов всего сознания для организации взаимодействий когнитивных процессов.

Свобода мышления есть главный признак высокой рефлексивной культуры человека во всех сферах профессиональной и социальной жизни. Несомненно, на успешность принятия решения в критической ситуации влияет адекватность восприятия информационных единиц ситуации и адекватность поведения с учетом изменения структуры ситуации. Кроме того, причиной принятия ложного решения могут явиться чрезмерная уверенность, или предубеждения, или тенденция принимать желаемое за действительное. Однако, искажение реального развития сценария ситуации является следствием недостаточного ее осмысления. В момент критической ситуации важно не переносить безоговорочно старый опыт в новые условия, а адаптировать его с учетом новизны ситуации, что возможно только при осмыслении ситуации и, главное, себя в данной ситуации.

Осмысление ситуации субъектом деятельности, профессия которого связана с высоким риском возникновения ситуаций, выходящих из нормативного пространства, происходит в нескольких планах:

во-первых, мыслительная деятельность всегда задействована на различное количество целей;

во-вторых, происходит осознание себя как индивидуальности, обладающей определенными способностями, навыками, умениями, осознание себя как профессионала, осознание ситуации и своих возможностей и т.п.

Поэтому можно утверждать, что рефлексия является необходимым условием формирования поведения в критической ситуации. Особенно значимо проявление рефлексии при намеренном блокировании одного из планов, которое можно наблюдать, к примеру, при возникновении внутреннего конфликта, вызванного противоречием внутренних и внешних мотивов. Так в сознании субъекта возникает конфликт между «образом профессионала» и «образом себя как профессионала», т.е. нарушается собственная профессиональная идентичность, что приводит к росту внутреннего напряжения, к так называемому эмоциональному выгоранию, а в общем итоге к срыву профессиональной деятельности.

Одним из способов нейтрализации внутреннего напряжения при таких условиях является процесс психологической защиты. Основной целью психологической защиты является не конструктивное разрешение возникшего конфликта, а лишь предотвращение или смещение неудовольствия, диктуемого обстоятельствами сложившейся ситуации. Разрешение внутреннего конфликта, в данном случае, нарушение профессиональной идентичности, возможно при активной позиции субъекта, актуализирующего процессы рефлексивной культуры. Таким образом, рабочий процесс в критической ситуации субъекта характеризуется не только после-

довательностью мыслительной деятельности, при которой осуществляется ранжирование объектов по значимости и моделирование значимых условий, но и параллельностью процессов мыслительной деятельности, действие которых способно как усложнять, так и стимулировать адекватность реагирования на критическую ситуацию.

Работа выполняется при поддержке РГНФ;
проект № 02-06-00250а

ПАТРИОТИЗМ КАК ЗНАЧИМАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.Ю. Иванова

*(г. Ставрополь, Ставропольский государственный
университет)*

Смена идеологических парадигм, социальных ценностей не проходит бесследно для рефлексивных механизмов индивида и общества. Осознание новых реалий, новых общественных связей и отношений, их принятие (или непринятие) требуют напряжения душевных сил, мобилизации внутренних ресурсов и, самое главное, времени. Процессы трансформации в России связаны с глубокой модификацией системы ценностей и моделей социально-экономического поведения. За последние десять лет страна претерпела сужение географических границ, изменилось ее название и государственная символика. Все эти обстоятельства еще больше усиливают и без того высокую нестабильность социальной среды.

В процессе адаптации к новым условиям в обществе формируется макроидентичность на основе новой системы ценностей. Однако процесс этот происходит очень медленно, так как разброс ценностей россиян чрезвычайно велик и подчас они являются полярными (общество – власть, столица – провинция, Сибирь – Центр, интеллигенция – народ, состоятельные – бедные).

Истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса позитивных качеств. Основой этого развития являются духовно-нравственный и социокультурный компоненты. Патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, любого другого субъекта, осознающего свою нераздельность, неразрывность с Отечеством. В этом плане он невозможен без рефлексии.

Лишь гражданское полиэтносоциальное общество обеспечивает историческую перспективу российской государственности. В условиях полиэтнического, поликонфессионального и поликультурного общества, где 83 % русских составляют государствообразующий народ, идея патриотизма

как социальной ценности и социального механизма в процессе формирования гражданского общества может и должна послужить альтернативой распространению националистических и космополитических настроений и сценариев.

Сценарий глобализации и планетаризма мировой цивилизации, рассчитанный на космополитизм и атомизацию общества, исчисление духовных и культурных ценностей через денежный эквивалент противоречит логике российской истории с ее высокими духовными ценностями соборности, любви и сострадания. Сегодня явно недостаточно высказывать неприятие навязываемых россиянам ценностей западного мира, необходима реалистичная и емкая альтернатива глобализму, которая видится в обращении к патриотическим традициям российской государственности, а также глубинному пониманию рефлексивных механизмов, повлиявших на ее историю.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА КИТАЯ, США И РОССИИ

Т.А. Иманкожоев

(Кыргызстан, Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына)

Сегодня регион Центральной Азии вызывает не малый интерес мировых держав (Китай, США, Россия). Интересно и само название региона, отражающее специфику его развития, что обусловлено его положением среди различных центров цивилизации – Срединная, Средняя и сегодня Центральная Азия. Отсюда значимость рефлексии над самими этими определениями региона. Не одну сотню лет Центральная Азия являлась объектом гегемонистических устремлений извне. Данные устремления основывались на ее привлекательности в сырьевом отношении, включая и человеческие ресурсы, при этом учитывался фактор отсутствия единого интегрирующего ядра, способного объединить страны региона. Рефлексивный подход может преодолеть разобщенность устремлений и целей, обусловленную спецификой цивилизационного развития.

Стремительная и качественная трансформация Центральной Азии в один из ведущих геоэкономических и геополитических регионов мира, в эпоху глобализации побуждает уделять ей пристальное внимание таких мировых держав, как Китай, США, Россия.

Государства Центральной Азии вступили в новый этап, при этом не представляя себе четкого пути развития. И теперь коренные преобразования привели к результату, который можно выразить мнением о том, что «Центральная Азия – это регион конкуренций ценностей».

Так, США проводят политику в регионе Центральной Азии, которая строится по схеме переустройства мира по модели Pax Americana (Пакс Американа). Согласно ей, наличие многих центров силы приведет к неопределенности, оптимальным же, по их мнению, является наличие единственного сильного центра.

Представители Китая заявляют, что они против борьбы держав и разных политических организаций в Центральной Азии, что Китай не стремится к расширению сфер своего влияния в регионе, не навязывает свою волю и взгляды его странам, но и не допустит никакой деятельности, наносящей вред суверенитету КНР.

При реальных процессах интеграции Центрально-азиатских стран и России требуется выработка специфических подходов, которые должны зависеть от степени взаимной заинтересованности стран, от трезвой оценки конкретной экономической ситуации в каждой республике. Налаживание рациональных отношений России и Центрально-Азиатской зоны возможно только в результате целенаправленной, скоординированной политической линии динамичного и гибкого балансирования в рамках реального складывания сил в регионе с учетом интересов и возможностей.

ОНТОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.В. Казаневская

(г. Кемерово, Кемеровская государственная академия культуры и искусств)

Исследование рефлексивных процессов [1] является новой нетривиальной задачей психологии. Расширение проблематики исследований рефлексивности делают актуальным вопрос об онтологическом статусе рефлексии в составе целой психики

Как понимается онтология рефлексивности в терминах категориальной психологии личности [2]? Какова ее функция и как она устроена? Об этом и идет речь в данных тезисах. В этой психологии рефлексия представлена в ее связи с категорией «отражение», и в категории «отражение» процессы рефлексии раскрываются в своем фундаментальном и многообразии функциональных значений. Так как система «личность» является конкретной системой, конкретно выстроенной системой, то в ней абстрактные процессы отражения имеют свой конкретный вид, форму и назначение. Конкретность и заданность построения системы «личность» названа в категориальной психологии принципом природообусловленного. Общий смысл принципа природообусловленного состоит в том, что

мы изучаем систему «личность» как некую природную данность, правда, на основе восприятия в системной терминологии. Первый смысл принципа природообусловленного заключается в том, что система «личность» наделена задачей и способностью и средствами к самосохранению.

Рефлексивные процессы имеют свой смысл в составе системы, порождаются системой и потому могут исследоваться в полном комплексе системных категорий. Положение рефлексивных процессов в психической системе, согласно обсуждаемых онтологических представлений, состоит в том, что именно способность к рефлексии является первой из тех, которыми природа наделила систему-человек для достижения им цели выживания. Человеку, наделенному целью выживания, недостаточно обладать, в частности, простой раздражимостью. Эта цель требует предвидения, а для этого — способности воспринимать информацию, анализировать ее, принимать решения и исполнять их. Эта способность — рефлексивность — и первая функция психики, именно для реализации этой способности служит психика; или, иначе, психика является способом осуществления способности к выживанию, способности рефлексии. Все дальнейшее развитие системы-человек идет по пути развития его рефлексивных способностей вместе с развитием его психики. Заметим при этом, что в целом развитие психики не исчерпывается развитием рефлексии.

Как и целиком психика, рефлексивность (и способность и реализация), принадлежа объективному, имеет в своем составе субъективное, то есть имеет свое место в сознании.

Отношение сознания и объективного, субъективного и объективного является центральной проблемой существования, и в этом же отношении выстроено направление возможного развития человека, так как именно здесь выстроено движущее различие системы «человек-мир». Согласно принципа природообусловленного изначально это различие выстроено в первоначальном функционировании человека, и это первоначальное функционирование снабжено своей рефлексивностью, то есть первоначальной рефлексивностью, связанной заданной динамикой со всей системой «человек-мир».

Таким образом, онтология рефлексивности определяется положением рефлексивных процессов в составе системы «человек-в-мире», то есть рефлексия связывает человека с внешним миром и с самим собой. Эта пара, являющаяся системой или способная стать системой, имеет своими элементами систему-человек и систему-мир. Эта пара изначально задана как неравновесная, (хотя бы в механизме потребления пищи, потребности в защите и других механизмах) и это неравновесие определяет функционирование системы-человек; это неравновесие реализовано в психике системы-человек и определяет его рефлексивные процессы данных уровней.

Подобное широкое толкование рефлексии, и особенно объективно существующая реализация рефлексии этого уровня позволяет ввести вполне научное единообразие в рассмотрение проблемы рефлексии в целом. Для этого остается применить уровневое строение окружающей реальности, то есть мира, начиная от матери младенца до всей культуры, этики, социальной системы и до всего космоса. Такое представление, с нашей точки зрения, определяет онтологию рефлексии в ее природообусловленности, в ее конкретной системности. Рефлексия в определении «способность анализировать собственные мысли» может быть отнесена адекватно на соответствующие уровни этой общей онтологии.

Такой критерий научности, как поверяемость (повторяемость в опыте), для психологических исследований был сформулирован не в своем уровне, то есть не в своем уровне адекватности. Уровень поверяемости для психологических исследований, согласно оснований категориальной психологии, находится не на уровне конкретных систем, поведение которых в общем неповторимо, а на уровне самих законов; то есть не на уровне феноменов, а на уровне законов, например, законов психодинамики. Психологические законы в категориальной психологии обладают критерием научности — в частности, поверяемостью (повторяемостью). Индивидуальная же психика функционирует на основе одних, общих законов (общей теоретической основы), которые не исключают ее индивидуальности и служат для нее основой; индивидуальность при этом реализуется, в частности, в индивидуальных константах и структурах.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: «Когито-Центр». 2003.
2. *Казаневская В.В.* Интегральная теоретическая психология личности. — Томск: Изд-во Томского университета, 2000.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБРАЗА ПАРТНЕРА И ОБРАЗА РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ У СУБЪЕКТОВ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Е. Караванова

(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Телевизионная рекламная коммуникация представляет собой вариант межличностного общения, то есть диалога между потребителем рекламы и ее создателем. Этот диалог отличается от непосредственного межличностного общения так называемой «разорванностью коммуникации»: партнеры по общению в телевизионной коммуникации не имеют возможности прямого взаимодействия, что влечет за собой своеобразное достраивание в ментальном плане образа своего собеседника и приписывание ему опреде-

ленных качеств. По сути своей подобные образы виртуальны, но воздействие их на картину мира человека, а, следовательно, на его состояние, образ мыслей, поступки, ценностные ориентиры и пр., вполне реально.

В рамках серии исследований, посвященных изучению представлений зрителей и рекламистов об информационно-психологической безопасности, нами была выявлена и описана категориальная структура восприятия телевизионных рекламных роликов, выполненных в разных культурных традициях (русской, американской, английской и японской). В качестве основного метода исследования мы использовали психосемантическое шкалирование, позволяющее наиболее полно — как на уровне сознания, так и на уровне подсознания выявить искомый образ. На основе уже имеющихся в нашем исследовательском арсенале психосемантических шкал были составлены две новые, по которым участникам исследования (респондентам) предлагалось оценить набор рекламных роликов с точки зрения опасного или неопасного их воздействия на телезрителей. Мы попросили респондентов оценить и эталонные образы — «идеальную» и «плохую» рекламу, что необходимо для выявления критериев хорошего/плохого вообще, имеющихся у наших испытуемых.

По результатам факторного анализа собранных данных мы построили для каждой группы респондентов категориальную (факторную) структуру восприятия и оценки рекламных роликов.

В группе рекламистов на первое место по значимости вышел фактор «Психологического комфорта». Качества, объединенные в данном факторе, характеризуют видеорекламу как доверительно обращающуюся к зрителю, заинтриговывающую его, доступную для понимания, вызывающую приятные ощущения и положительные эмоции. Второй по значимости фактор мы назвали «Уровень культуры». Фактор описывает рекламу, ориентированную на нормы и ценности общественной жизни. Третий фактор получил название «Тактичность». Четвертый фактор назван нами фактором «Динамичности».

Исключительно интересен тот факт, что категориальная структура восприятия телевизионных рекламных роликов телезрителями практически полностью совпадает с категориальной структурой восприятия у рекламистов. Причем не только по содержанию выявленных факторов, но и по их значимости. Так же как и в группе рекламистов на первое место у зрителей выходит фактор «Психологического комфорта». В целом, содержание фактора сходно с таковым в группе рекламистов, однако в представлении зрителей комфортное/дискомфортное состояние при просмотре телерекламы характеризуется, в первую очередь, психофизическими и эмоциональными переживаниями. Второй фактор, «Уровень культуры», в группе зрителей включает в себя больше качеств, описывающих когнитивную составляющую рекламного творчества. Третий фактор, выявлен-

ный в данной группе респондентов, мы назвали фактором «Правдивости». Четвертый фактор – фактор «Динамичности». Для зрителей на положительном полюсе этого фактора оказываются качества, описывающие состояния расслабления, покоя, тогда как для рекламистов хорошая реклама является мобилизующей. Здесь интересно еще и то, что для зрителей состояние покоя при просмотре телерекламы ассоциируется с чем-то традиционным для нашей культуры, другими словами, быстрый темп жизни, по мнению респондентов, не характерен для русской культуры.

Выделенные категории-факторы, по которым респонденты оценили рекламные видеоролики, по содержанию пересекаются с так называемой Большой пятеркой факторов восприятия Л. Гольдберга: 1) Экстраверсия; 2) Дружественность; 3) Совестьливость; 4) Эмоциональная стабильность; 5) Интеллект. То есть, восприятие телевизионной рекламы имеет и свои специфические особенности, но принципиально не отличается от структуры восприятия человеком любого другого события или персонажа. Телевизионная реклама, предлагая зрителям новые способы формирования представлений о реальности, вторгается в область действия глубинных, сформированных в течение всей истории жизни человечества, механизмов восприятия, понимания, рефлексии, переживания.

Как показало наше исследование, современная телевизионная реклама, вне зависимости от оригинальности идеи, национальной традиции, в которой она выполнена, уровня мастерства рекламистов и пр., воспринимается людьми в большинстве случаев как несущая в себе элемент вторжения и разрушения.

Работа выполнена при поддержке РГНФ;
проект № 02-06-00241а

СПОСОБНОСТЬ К РЕФЛЕКСИИ КАК ФАКТОР КОГНИТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СУБЪЕКТА

А.В. Карпов, И.М. Скитяева

*(г. Ярославль, Ярославский государственный университет
им. П.Г.Демидова)*

На современном этапе психология рефлексии представляет собой обширное поле теоретических и прикладных исследований, реализуемых в русле различных подходов и парадигм. С нашей точки зрения, плодотворной для исследования рефлексии как психического свойства выступает метакогнитивная парадигма, сформировавшаяся в 80х годах прошлого века на стыке когнитивной и возрастной психологии. В рамках этой парадигмы постулируется существование особого «мета» уровня познания, содержащего информацию о структурных и функциональных осо-

бенностях аналитических психических процессов и выполняющий по отношению к ним регулятивные функции. Метакогнитивная парадигма определяет рефлексивные процессы как основной механизм перехода между различными познавательными уровнями, и вместе с тем, как способность, являющуюся одной из детерминант психологической адаптации личности [4].

Результаты многочисленных эмпирических исследований, проведенных отечественными и зарубежными авторами в русле метакогнитивной парадигмы, показывают, что рефлексия является комплексным психическим образованием, выступая и как психический процесс, и как психическое свойство, и как особое психическое состояние субъекта [3].

В частности, исследования под руководством одного из авторов было показано, что, выступая в качестве психического свойства, рефлексивность имеет индивидуальную меру выраженности и может быть количественно определена с помощью психодиагностического инструмента (*Карпов А.В., Пономарева В.В.* Методика диагностики уровня рефлексивности). Будучи выраженной в большей или меньшей степени как способность у различных субъектов, рефлексия определяет весь «профиль» психической жизни личности: стилевые особенности познавательной деятельности, специфику построения ментальной модели мира, закономерности регуляции аналитических и интегральных психических процессов, характер и структуру социально – психологической адаптации.

Говоря о статусе рефлексии в структуре других психических свойств, следует отметить, что по уровню своей структурной и функциональной организации рефлексия следует относить к классу общих способностей, который образуют, согласно концепции В.Н.Дружинина, интеллект, обучаемость и креативность [1]. Трехкомпонентная структура общих способностей, с нашей точки зрения, не может рассматриваться как полная и завершенная. Она не учитывает такой важный и специфический компонент, каковым являются механизмы осознания и рефлексивной регуляции. Общая структура психики – именно как общая и самодостаточная – в принципе не может быть раскрыта с необходимой полнотой без учета высшего – рефлексивного – уровня ее организации.

Как показали результаты проведенных нами исследований, интеллект, обучаемость, креативность и рефлексивность, образуют взаимосвязанную систему, лежащую в основе когнитивной подструктуры личности и обладающую свойствами структурности и супераддитивности. При этом в структуре общих способностей можно выделить «дидактическую» (образованную интеллектом и обучаемостью) и «трансцендентную» (образованную креативностью и рефлексивностью) стороны, Каждая способность является «самостоятельной» по отношению к трем другим и базовой по отношению к более частным способностям.

Как и три другие общие способности, рефлексивность имеет такую важнейшую характеристику, как порог. Понятие порога применяется по отношению к конвергентным и дивергентным способностям, которые рассматриваются как детерминанты эффективности деятельности. Одним из первых теорию «порога интеллекта» для профессиональной деятельности предложил Д.Н. Перкинс. Согласно его концепции, для каждого типа деятельности существует нижний пороговый уровень развития интеллекта, определяющий возможность овладения данной профессией. Успешность деятельности как бы «ограничивается снизу» - индивид не способен овладеть деятельностью, если его коэффициент интеллекта ниже некоторого интеллектуального порога, специфичного для данной деятельности.

В отечественной психологии понятие «порога способностей» разработывалось В.Н. Дружининым [1]. Обобщив результаты уже существующих исследований и проведя серию экспериментальных исследований на материале учебной деятельности, автор разработал «модель интеллектуального диапазона», суть которой состоит в следующем. Верхняя граница когнитивной продуктивности личности задается индивидуальным уровнем интеллекта. Предельный уровень достижений является линейной функцией от интеллекта. Нижнюю границу индивидуальных достижений в деятельности определяет «интеллектуальный порог». Если интеллект индивида ниже определенного значения, он не может проявить минимальную необходимую продуктивность и реализовать деятельность. Таким образом, продуктивность индивида не может быть ниже определенного минимального значения, соответствующего уровню нижнего интеллектуального порога деятельности.

Анализируя рефлексивность в рамках «пороговой теории», следует отметить помимо характерного для всех общих способностей «нижнего порога», за пределами которого идет речь о психической дезадаптации, для свойства рефлексивности можно предположить наличие «верхнего» порога, за пределами которого эффективность деятельности либо выходит на устойчивый уровень, либо несколько снижается. Данная зависимость особенно ярко появляется при анализе деятельности субъект-субъектного типа, эффективность которой зависит от всех трех показателей: интеллектуальной состоятельности, личностной зрелости и коммуникативной компетентности. В результате проведенных нами исследований было установлено, что данные характеристики детерминируют максимальный уровень индивидуальных достижений в деятельности при значениях уровня рефлексивности 6-7 стенов. При заниженном уровне рефлексивности чаще имеет место невысокая интеллектуальная продуктивность и личностный инфантилизм, при завышенном – коммуникативные затруднения. Кроме того, как следует из полученных результатов, основной причиной затруднений при выполнении деятельности при завышенных значениях

уровня рефлексивности выступает нарушение отношения супераддитивности между количеством и вариативностью рефлексивных стратегий.

Таким образом, развитая на «оптимальном» уровне способность к рефлексии определяет высокий уровень когнитивной интеграции субъекта, так как обеспечивает легкость перехода между различными уровнями познания и в то же время, выступает эффективным регулятором самой познавательной деятельности.

Литература

1. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
2. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. М.: ИП РАН, 2000.
3. *Карпов А.В., Скитязева И.М.* Психология рефлексии. Ярославль, Аверс Пресс, 2002.
4. *Moon, J.* Reflection in learning & professional development. London: Kogan Page 1999.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Л.В. Коновалова

*(г. Ставрополь, Ставропольский государственный
университет)*

Ставропольский край имеет сложную этническую структуру, на его территории проживает около 100 наций и народностей. Близость межнациональных конфликтов и войн порождает нестабильность в общественной жизни, оказывает влияние на межнациональные отношения, вносит изменения в жизнь каждого человека. В этих условиях появляется необходимость рефлексивного поиска народами края способов гармонизации межнациональных отношений.

Важным фактором формирования и развития личности является межэтническое общение. Оно обеспечивает регуляцию поведения человека, его отношение с другими людьми создает условие для целенаправленного регулирования чувств поведения, ориентации оценок. Основанные на гуманизме факторы общения стимулируют развитие положительных человеческих качеств.

Особая роль в этом процессе принадлежит системе образования, которая закладывает основы аксиологического и праксеологического отношения к миру, налаживает рефлексивные механизмы взаимопонимания, формирует логику мышления человека, отдельных социальных групп и общества в целом.

В процесс образования включены реальные люди, имеющие и осознающие свою этническую принадлежность.

Совместная учеба и жизнь в многонациональном коллективе с одной стороны способствует формированию уважения к нациям и народностям, к их культурам, а с другой не все его члены способны правильно воспринимать ценности культуры разных народов (они им порой непонятны и непривычны), проявлять терпимость и тактичность. Отношение человека к той или иной национальности в большей степени зависит от личного опыта общения с ее представителями, с друзьями и знакомыми. Такой опыт может быть не только позитивным, но и негативным, возможна односторонность оценок абсолютизация отдельных черт в зависимости от личной симпатии и антипатии и т.д. Отсюда настоятельность подключения рефлексивных механизмов, способствующих тому, что человек ставит — хотя бы образно — себя на место другого. Особое значение имеет оценка психологического состояния людей оказавшихся вовлеченными в межнациональные трения. Эти тенденции создают возможности возникновения национальных и конфессиональных конфликтов.

РЕФЛЕКСИЯ СУБЪЕКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Е.В. Корецкая

(г. Курск, Курский педагогический колледж)

Рефлексивный подход в понимании человека создает основу для раскрытия перспектив внутреннего роста, резервов индивидуального развития субъекта, разработки стратегий психологической помощи людям в профессионально значимых жизненных ситуациях.

Согласно культурно-исторической теории (*Л.С. Выготский*) психическое развитие человека можно представить как решение им жизненных задач (*Г.С. Абрамова*): лично, социально, профессионально значимых (*В.Ф. Взятышев*). Решение жизненной задачи становится возможным в сотрудничестве с другими людьми. Человек как субъект избирательно формирует участников значимой ситуации своей жизни. Благодаря участию в событии Других оно (со-бытие) становится социально или лично значимым.

Успешное решение профессионально значимых задач становится возможным на основе культуры рефлексии субъекта. Культура рефлексии — это уровень развития самосознания, который предполагает умение понимать собственное психическое состояние, управлять им, воздействуя на себя как на другого, позволяет расширить возможности познания мира в себе и себя в этом мире.

Вхождение в профессию связано с решением жизненной задачи выбора профессиональной карьеры. Залогом успешной профессиональной

карьеры являются степень адаптации выпускников вузов, колледжей к потребностям рынка труда, а также соответствие качества подготовки молодых специалистов требованиям работодателей (*И.Г.Кухтина*). С вступлением в «профессиональную жизнь» решение жизненных задач в личностно и социально значимых ситуациях переходит в разряд профессионально значимых, и, в конечном итоге, затрагивая интересы государства, в разряд государственно значимых.

В основе выделения ситуаций, значимых для профессиональной карьеры, на наш взгляд, могут быть мотивационный и ориентировочный критерии. Мотивационный критерий определяет заинтересованность субъекта в решении жизненных задач, ориентировочный – направленность «Я» – усилий по достижению задач.

*Результаты сравнительного анализа рефлексивного
самосознания педагога*

Признаки	ПЗЖС	
	Вхождение в профессию	Вынужденная незанятость
1. Ведущая деятельность	Учебно-профессиональная	Профессионально-учебная
2. Этапы профессиональной карьеры	Начало карьеры	Завершение начатой или начало новой карьеры
3. Отношение к жизненному пути	Поиск и осознание смысла жизни, выбор жизненного пути	Переосмысление и корректировка жизненного пути
4. Отношение к миру профессий	Осмысление богатства самой профессии педагога и профессиональное самоопределение	Переосмысление богатства мира профессии и повторное профессиональное самоопределение
5. Отношение к «жизненным обстоятельствам»	Строительство «жизненных обстоятельств»	Перестройка «жизненных обстоятельств»
6. Ориентация на взаимодействие	Помощь и поддержка педагогов старшего поколения	Самопомощь и самоподдержка (собственная активная работа души)

Рефлексивное самосознание, с одной стороны, обеспечивает внутренний рост и активность личности, а с другой стороны, осуществляет регуляцию внешнего воздействия и самоподдержку. По данным различных социологических исследований 40-46% выпускников профессиональных учебных заведений сегодня не могут трудоустроиться сразу после окончания учебы. Они не могут отрефлексировать ситуацию «по-

тери работы» и определить для себя личностно-психологические последствия незанятости, так как работу они не потеряли, а не нашли. Таким образом, ситуация профессиональной востребованности реально взаимосвязана как с ситуацией вхождения в профессию, так и вынужденной незанятостью.

Процедура выявления новой информации, предложенная А.А.Криулиной и использованная нами в работе с группами безработных Клуба ищущих работу города Курска, служит важным средством трудовой деятельности, доступным для применения практическими психологами, открывает большие возможности в плане развития рефлексии как самого тренера, так и участников организуемого процесса. Сравнительный анализ элементов рефлексирующего самосознания будущих педагогов в ситуации вхождения в профессию и педагогов в ситуации вынужденной незанятости позволил установить различия по ряду признаков.

Анализ показывает, что по форме, количеству составляющих элементов рефлексия будущего педагога и безработного педагога идентична, а по ее субъективному содержанию, наполняемости и субъективной значимости этого содержания обнаруживаются существенные различия. Такие различия стимулируют по-новому взглянуть на процесс развития человека в современном обществе, его персонализацию и индивидуализацию.

О СИСТЕМАХ, СРАВНИМЫХ С КОНСУЛЬТАНТОМ ПО СОВЕРШЕНСТВУ ИЛИ О БОЖЕСТВЕННОСТИ ПОЗИЦИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И КОНСУЛЬТАНТА

В.А. Королев

*(Санкт-Петербург, НП «Северо-Западный центр
корпоративного управления»)*

Предложенный В.А. Лефевром [1] формальный аппарат применим для исследователя, не относящегося к миру, в котором существуют персонажи X и Y , исследующие друг друга. Такая позиция была названа «позицией Бога», при этом ее нельзя считать сравнимой с исследователем по совершенству, поскольку исследователь в позиции Бога более совершенен.

Предложенный формальный аппарат не может быть использован другими персонажами, за исключением гипотетического наблюдателя, в ситуации, для которой он заявлялся: в ситуации исследования системы, сравнимой с исследователем по совершенству. Это аппарат для запредельно совершенного исследователя – Бога.

Какой вывод относительно различия между позициями исследователя и консультанта можно сделать из этого рассуждения, если вместо ис-

следователя Z мы предположим позицию консультанта Z (или конфликтолога Z)?

Ответ напрашивается сам собой: поскольку консультант Z должен в какой-то момент вмешаться в ситуацию X и Y , то его тело должно принадлежать реальному миру T , и, в какой-то момент, оно с неизбежностью обозначится в картинах мира персонажей X и Y : в T_x и T_y . Причем кроме тела Z обозначиться может и картина мира консультанта: T_z , в которой найдут свое отражение и персонажи X и Y с их телами, и их картины мира. Единственное, чего не будет в этом спектакле — того, что в [1] обозначалось как T — единого для всех персонажей «внешнего мира», полностью включающего их тела.

Встает вопрос, что необходимо для того, чтобы построить аппарат, пригодный для реальных персонажей?

Вместо «внешнего (по отношению к Богу) мира» T , объединяющего тела персонажей, следует в качестве «внешнего (по отношению к персонажам) мира» ввести T , являющийся пересечением миров, внешних для каждого из действующих персонажей (мир в узком смысле слова).

Миром в «широком смысле слова», обозначаемым как T , называется то, что в [1] обозначалось как T — единый для всех персонажей «внешний мир», полностью включающий их тела, т.е. это внешний мир, с точки зрения Бога, не принадлежащего к этому миру.

Кроме этого вводится понятие «границы» между «внешним» и «внутренним» миром каждого из персонажей, обладающей следующим свойством: она не является «внешней» (т.е. наблюдаемой принадлежностью внешнего мира) для данного конкретного персонажа, и одновременно является элементом «внешнего мира в широком смысле слова», наблюдаемым остальными персонажами и Богом. Она обозначена как G с индексом в скобках (например, $G(x)$ для персонажа X), где индекс — имя персонажа, а скобки указывают на иное использование индекса, по сравнению с принятым в аппарате Лефевра: на то, что это не граница с «точки зрения» данного персонажа, а наблюдаемая извне другими участниками его граница.

Естественным продолжением является понятие мира «в среднем смысле слова». Это значит, что каждый персонаж может наблюдать мир, включающий в себя как T , так и наблюдаемые границы других персонажей (за исключением собственной). Этот мир можно назвать «миром в среднем смысле слова» $T(\text{ср})$ и также обозначать его с индексом в скобках, поскольку каждому персонажу будет соответствовать его персональный мир $T(\text{ср})$. Например, персонажу X соответствует мир в среднем смысле слова, обозначаемый как $T'(x) = T' - G(x)$.

Таким образом, необходимо 1) различать «внешние миры» по типам в зависимости от способностей персонажей их наблюдать; 2) ввести поня-

тие «границы персонажа», ненаблюдаемой им самим и наблюдаемой другими персонажами.

Граница $G(x)$ персонажа X (признак X , наблюдаемый другими персонажами и Богом) – это «наблюдаемый» признак. Состав собственной картины мира персонажа X (внутренний мир X) – это «представляемый» признак. Ее до начала взаимодействия и коммуникации с другими персонажами могут наблюдать только сам X и Бог.

С точки зрения виртуального наблюдателя (Бога), участник X может быть представлен как сумма его идентифицирующих признаков, отличающих его как от мира T , так и от других персонажей:

$$X = G(x) + T'(x)x = G(x) + Tx + G'(x)x = (\text{в случае 3 персонажей } X, Y, Z) = G(x) + (T+G(y)+G(z))x.$$

Отметим, что состав картины мира персонажа X всегда будет отличаться от состава картин мира других персонажей отсутствием в его картине мира представления о его собственной границе $G(x)$.

Другие персонажи представляются персонажу X только в виде их границ $G(i)$, т.е. только в виде «наблюдаемых» идентифицирующих признаков. Аналогично, сам персонаж X представляется другому персонажу Y и консультанту Z как $G(x)$. В этом отличие восприятия персонажа X Богом от восприятия другими персонажами.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: “Когито-Центр”, 2003. (Статья «Системы, сравнимые с исследователем по совершенству». С. 408-414).

РЕПУТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

А.Ю. Кошмаров

(Москва, Информационно-аналитический центр НОВОКОМ)

Развитие информационных инфраструктур, обеспечивающих политическое общение в государстве, привело к тому, что телевизионная коммуникация приобрела решающее значение при формировании образа политического лидера в системе отношений «власть-народ». По нашему мнению, образ политического лидера имеет сложную структуру и является результирующей составляющей таких подкатегорий, как имидж и репутация. Под образом в широком смысле слова в психологии понимается «субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» (*Психологический словарь, М., 1983*). Под имиджем, как правило, понимается экспрессивная, выразительная сто-

рона образа (Почепцов, 2000). Под репутацией, в свою очередь, понимается «приобретенная кем или чем-нибудь общественная оценка, создавшаяся общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого или чего-либо» (С. Ожегов. *Словарь русского языка*. М., 1975). Следовательно, образ политического лидера на телевизионном экране строится из взаимодействия формальных и содержательных характеристик. В практическом взаимодействии, как правило, категория образа подменяется категорией репутации.

Категория репутации в политической коммуникации нами понимается как сложное полисемантическое образование, содержащие имиджевую часть и содержательную часть. Имиджевая часть представлена такими составляющими как внешний вид, репертуар невербального поведения, индивидуальный стиль речевой коммуникации. Содержательная часть включает в себя личную идеологию, миссию, личную легенду и декларируемые принципы.

Основная работа с имиджем политического лидера в политической коммуникации, по нашему мнению, должна строиться на основе ряда психотехник, выявляющих точки личностного роста конкретного политического лидера, медиатренинга, формирующего харизматические черты публичного поведения. В свою очередь работа с содержательной частью репутации политического лидера предполагает создание концепции политической платформы, определение роли политического лидера в тех кризисных ситуациях, которые сложились в данный момент в обществе, проработку «героической легенды» становления его как политического лидера в обществе и оформление в медиасредствах основных политических принципов.

Предлагаемая нами технология репутационного менеджмента, которая была апробирована в ряде региональных предвыборных кампаний и зарекомендовала себя с положительной стороны. В частности, мы выделяем следующие этапы в технологии репутационного менеджмента: основная цель – выстраивание и упорядочивание информационных потоков в интересах лидера; стратегия – выделение референтных групп, выстраивание моделей взаимодействия между референтными группами, диагностика существующей репутации, создание образа «идеальной репутации» конструирование новой репутации; тактика – конструирование и трансляция несущей метафоры репутации (НМР), конструирование и трансляция мифа лидера, смысловое соподчинение информационных потоков, внутренний командный PR; реализация репутационного менеджмента в предвыборной кампании: разработка информационных поводов, блокировка неблагоприятных информационных ситуаций, мониторинг, разработка и проведение PR-акций, работающих на закрепление позитивной репутации, подготовка официальных и тематических информа-

ционных материалов, налаживание личных контактов, организация внутрикорпоративных мероприятий.

Экспериментальная работа, проведенная методом психосемантики, позволила нам выделить основные конструкторы коллективного сознания электората, на основе которых строится образ политического лидера. В частности, на примере изучения московского электората, разделенного на четыре группы по возрастному и гендерному признакам (молодые мужчины, молодые женщины, пожилые мужчины, пожилые женщины, критерийный возраст — 35 лет), мы выявили следующие категории оценки образа политического лидера. В группе молодых мужчин (перечислены в порядке убывания рейтинга): Сила личности, Артистизм, Близость к народу, Этика, Искренность. В группе молодых женщин: Сила личности, Близость к народу, Этика, Артистизм, Искренность. В группе пожилых мужчин: Близость к народу, Сила личности, Артистизм, Этика, Религиозность. И наконец, в группе пожилых женщин: Близость к народу, Сила личности, Артистизм, Этика, Искренность. Содержательно выделенные категории имеют свои особенности в каждой группе. Таким образом мы выявили как сходства, так и различия в восприятии образа политического лидера разными группами электората.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНФРАСТРУКТУРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ — ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ РОССИИ

Ю.В. Крупнов

(Москва, Общественное объединение «Партия Россия»)

Основное дело в России на ближайшие десятилетия — восстановление и развитие страны как мировой державы (см. Ю. Крупнов. *Стать мировой державой.* — М., 2003). Это возможно в том случае, если мы примем идеологию реконструкции страны (представлена в разработанной и изданной фондом «Стратегия развития» аналитическом докладе «О стратегии российского развития» (М., «Русский путь», 2003)).

Данное дело и идеология могут быть реализованы исключительно на основе принципиально новых практик и систем их обеспечения. Все попытки выстраивания реконструкции страны вокруг сложившихся и отработанных практик обречены на провал. К сожалению, анализ ситуации в армии, дипломатии, образовании, базовых отраслях промышленности и в других, буквально всех, сферах деятельности однозначно показывает их тупиковое состояние. Устоявшиеся и массовые практики, которые мы имеем в наличии в РФ сегодня, принципиально не могут быть перестроены (идеология «перестройки» конца 80-х годов), не могут быть рефор-

мированы (идеология начала 90-х годов), не могут быть модернизированы (идеология начала 2000-х годов). Существующие практики и сам тип подобных практик в лучшем случае может быть использован в качестве отдельных ресурсов для создания матрицы абсолютно новых практик.

Какими же должны быть новые практики?

Это должны быть практики, «вырастающие» из постановки и создания системы решения мировых проблем и организующие в совокупности эффекты мирового развития.

Ключевой типологической особенностью данных практик является их выраженная «субъектность», представленная в наличии протообщественных структур – инициаторов общественного мирового развития. Данная «субъектность» с технологической точки зрения определяется рефлексией – способностью обращать сознание на само себя и на средства организации, воспроизводства и развития систем деятельности, которые и образуют практики.

Новые практики будут отличаться конститутивным наличием в них рефлексии, рефлексивных пространств и рефлексивных процедур, их пронизанностью, образно выражаясь, рефлексивными «вакуолями».

Такие практики мы предлагаем называть рефлексивными или Р-практиками. Особое название служит задаче отличить новые типы практик для реконструкции России от практик вчерашнего отходящего в прошлое типа. (Проблематика рефлексии и её культивирования как основания новых практик представлена в работах В.А. Лефевра, Г.П. Щедровицкого, Н.Г. Алексеева, Ю.В. Громько, В.Е. Лепского. См. также полезную работу С.Ю. Степанова «Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций» (М., Наука, 2000)).

В частности, рефлексивными практиками являются складывающиеся в настоящее время непривычные практики качества – например, институционального качества (типа ISO), качества образования и качества жизни (наша позиция по качеству образования представлена, например, в статье «Управление качеством образования и образовательная аналитика» - http://spasem-shkolu.p-rossii.ru/8/249_1.shtml , а по качеству жизни в статье «Качество жизни – сверхиндустриализация XXI века» – <http://www.pereplet.ru/kрупnov/14.html#14>).

Создание новых Р-практик впервые позволит переориентировать и «поставить на службу человечеству» многочисленные ныне «пробуксовывающие» науки типа психологии и эргономики. Науки, как привычные, так и новые, станут в системе возникающих и формируемых Р-практик основой поддержки рефлексии в виде инфраструктур научно-методического обеспечения. Подобная ситуация наглядно представлена в виде популярных сегодня «мыслительных танков» (think tank), «фабрик мысли» типа РЭНД-корпорации и т.п., а также в невиданном росте значения СМИ

и медиа-систем в целом. Однако отечественные попытки создания подобных структур оказываются малорезультативными в связи с их исходной оторванностью от задач создания принципиально новых Р-практик. Не могут обеспечивающие инфраструктуры, несмотря на их гигантское значение, существовать в отрыве и безотносительно от формирования матрицы новых практик.

Полноценной структурой государственности, реконструкции и самого существования страны является органическое единство мыслительно-научных, медиа и практико-административных структур и инфраструктур (это, например, хорошо показано на примере современной государственности США в дипломной работе А.Л. Титовой «Формирование внешнеполитической модели США» – Дипломатическая академия МИД РФ, июнь 2003 г.).

Инфраструктуры, которые необходимы для обслуживания Р-практик мы предлагаем называть Р-инфраструктурами.

Рефлексия является абсолютно нетехнологизируемой и совершенно спонтанной способностью. Но из этого вовсе не следует, что невозможно или не нужно создавать специально организованные пространства или формы коммуникации, в которых рефлексия получает институализацию.

Одним из возможных типов такой Р-практики со своей Р-инфраструктурой является создание мировой сети лабораторий качества жизни (ЛКЖ), которые бы на местах помогали власти, бизнесу, интеллигенции, населению вырабатывать и принимать решения в пользу улучшения жизни на данном конкретном месте.

Именно сеть ЛКЖ является современной формой перспективной общественной жизни в России и инфраструктурной основой новой государственности, поскольку только такая сеть окажется в состоянии полноценно включать жителей территории в решение наиболее острых мировых проблем на данном месте и, в целом, обеспечивать реконструкцию страны.

Такое включение возможно тогда, когда, с одной стороны, самые активные жители систематически обсуждают ситуацию, выявляют и формулируют главные для данного места мировые проблемы, определяют приоритеты и необходимые средства решения проблем, и, с другой стороны, когда сами эти обсуждения и полагание приоритетов и целей имеет комплексное инфраструктурное обеспечение системными кадрами, знаниями, аналитикой, экспертными системами, организационно-технологической и финансовой помощью, а также присвоением вырабатываемому решению необходимого статуса (поддержкой «сверху»).

ЛКЖ-сеть можно представить в виде множества рефлексивно-коммуникативных площадок, на которых активные и разнопрофессиональ-

ные граждане периодически обсуждают проблемы и вырабатывают решения и при этом обмениваются своими проблемами и решениями в сети федерального и мирового масштаба — т.е. в итоге, локально осуществляют мировое развитие и принимают деятельное участие в мироизации (О мироизации как альтернативе глобализации см. указанные выше работы, особенно «Путь к себе» — <http://www.pereplet.ru/text/kgupnov23apr02.html> и наши книги «Стать мировой державой» и «Гнев орка» - последняя совместно с М. Калашниковым). ЛКЖ-сеть следовало бы формировать вокруг широкого общественного движения к мировому качеству жизни.

Каждая ЛКЖ и окружающие её общие или профильные (безопасность, здоровье, самообразование, взаимная финансовая поддержка — кредиты помощи, взаимопомощь и пр.) кружки качества жизни станут узлами сети мирового качества жизни. В каждом кружке будет по 3-5-7 активистов, а вокруг каждой лаборатории — по 3-5-7 представителей кружков (совет руководителей кружков). Сеть ЛКЖ будет связана инфраструктурой научно-методического, аналитического, кадрового, финансового и организационного обеспечения.

Через такую сеть будет определяться и воссоздаваться государственность в новом виде — как сетевая рефлексивная государственность XXI века¹. Имело бы смысл в технологических целях обозначить новую государственность как Р-государственность.

При правильной организации сеть местных лабораторий (кружков) качества жизни могла бы стать мощным общественным движением к мировому качеству жизни. Такое движение можно определить как ПРОТО-общественное, т.е. то, из которого вырастает новое развитое гражданское общество российско-советской традиции.

¹ Понятие сетевого государства было введено Мануэлем Кастеллсом, профессором социологии Университета Калифорнии в Беркли (США), испанцем по рождению, в работе *The Rise of The Network Society* (Vol. I, 2nd ed. The Information Age: Economy, Society and Culture, by Manuel Castells, Blackwell Publishers Due/Published July 2000). Эта книга является первым томом трёхтомной работы «Информационный век: экономика, общество и культура», а во втором томе - *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II.* — М. Кастеллсом, как мы уже указывали, достаточно интересно разбирается проблема идентификации и идентичности как ключевая проблема современного мира. См. также недавно переведённую на русский язык книгу М. Кастеллса и П. Химанена «Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель» (пер. с англ. А.Калинина, Ю.Подороги. Послесл. Б.Кагарлицкого. — М.: Логос, 2002).

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*В.В.Кульба, В.Д.Малюгин, А.Н.Шубин
(Москва, Институт проблем управления
им.В.А.Трапезникова РАН)*

Человек не только создает, генерирует, перерабатывает информацию, но и подвергается ее воздействию. Информационное воздействие на глобальном уровне основано на манипулировании сознанием масс и внесении в это сознание Целенаправленной информации, достоверной либо недостоверной. Результат такого воздействия виден в нынешней России, где проявляется явная тенденция, к вымиранию и наблюдается психологический национальный надлом народа.

Для России по выражению В.Распутина наступила эпоха за гранью жизни, естественный образ которой – Апокалипсис в Откровении Иоана Богослова.

Каков же механизм такого воздействия? Мы называем такое воздействие информационным управлением (ИУ), под которым понимается процесс выработки и реализации управленческих решений в ситуации, когда воздействие носит неявный, косвенный характер, а объекту воздействия поставляется информация (информационная картина), ориентируясь на которую объект как бы самостоятельно выбирает линию своего поведения. Целью информационного воздействия является поведение объекта, желаемое для задающей стороны. Результат воздействия может быть примитивным, когда человек совершает неверные поступки или глобальным, когда рушится его духовный мир и утрачивается смысл жизни. Например, информационное управление в рекламе, осуществляемое поэтапно, в соответствии с формулой AIDA, являющейся аббревиатурой понятий: Attention – внимание, Interest – интерес, Desire – желание, Action – действие.

ИУ реализуется средствами массовой информации (СМИ) и при этом осуществляются полезные и необходимые для общества такие функции, как:

1. Информационная, обеспечивающая права граждан на информацию;
2. Организующая, формирующая правила поведения;
3. Коммуникационная, связывающая сегменты общества.

Целью нашего изучения является деструктивная составляющая ИУ и механизм ее проявления на глобальном уровне.

Для раскрытия этого механизма обратимся к таким известным понятиям как «Я-образ» и «Культурное ядро».

«Я-образ» иначе «Я-концепция» человека - это сложившаяся, устойчивая совокупность его психологических установок, ценностных ориентаций, чувственных наклонностей, взглядов на различные стороны жиз-

ни. В понятии «Я-образ» выделяют описательную составляющую, свойств, присущих индивиду, и оценочную, содержащую положительные и отрицательные черты собственной личности. Важно, что понятие «Я-образ» – целостная конструкция, особый эталон, через который нами воспринимается окружающий мир и наши поступки в нем. Понятно, что для непрерывных действий и оценки изменений во внешнем мире нам необходим стабильный и неизменный эталон. Вот почему у человека существуют механизмы психологической защиты, направленные на сохранение «Я-образа» в неизменном виде.

Другое важное понятие – «Культурное ядро» общества – система моральных ценностей, нравственных установок, представлений о боге, добре и зле, героях и врагах, смысле истории и других базовых понятий. Можно считать, что культурное ядро общества – наш коллективный «Я-образ», т.е. «Мы-образ».

Методологической основой информационного управления в значительной степени являются установки Антонио Грамши, в основе которых лежат положения о том, что для достижения стратегических целей следует действовать не в лоб, меняя базис общества, а через надстройку – силами интеллигенции, совершая «молекулярную агрессию» в сознании общества и разрушая его «культурное ядро». В результате «Я образ» каждого, доверившегося пропаганде оказывается в противоречии с созданной пропагандой виртуальной действительностью.

Само воздействие осуществляется разнообразными средствами, главным из которых является язык.

Люди с детства приучены смотреть на мир и судить о нем через систему упорядоченных слов, фраз, высказываний. С момента рождения ребенок воспринимает окружающий мир посредством родного языка, в котором всем предметам, явлениям, чувствам есть свои обозначения. Постепенно основные знания о мире оказываются сформулированными в языковой, словесной форме, образующей логосферу.

Любой человеческий язык, в том числе и русский, имеет сложную грамматику, а используемые слова – разную частоту употребления и разный смысл, зависящий от контекста. Словесное информирующее воздействие отличается от обычного высказывания, в частности тем что, в нем меняется интонация и частота употребляемых слов.

А язык, как система понятий, в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство его подчинения. Заставить человека принять предложенные обозначения – это важный акт социальной власти.

Система языковых приемов воздействия сложна и многогранна, а поэтому требует специального рассмотрения. Отметим лишь, что она включает в себя анекдоты и песни, фильмы и спектакли, неверные дан-

ные и искаженную логику, а также предполагает употребление особых слов, метафор, лозунгов, мифов.

Некоторые выводы.

- Всякая информация воспринимается или отвергается объектом воздействия вовсе не потому насколько она правдива или ложна. Информационная картина признается адекватной действительности, если есть доверие к источнику информации, а приводимые детали соответствуют убеждениям, установкам и знаниям субъекта.
- Индивидуальная информационная защита человека осуществляется через его «Я-образ». Разрушение через молекулярную революцию силами интеллигенции «культурного ядра» общества ведет к разрушению «Я-образа» его граждан.
- Человек живет не только в мире предметов и событий, но и мире языка, который для него основа основ.
- Смена словарного состава языка может быть естественной – и тогда она отражает изменение условий жизни, либо искусственной, когда она призвана изменить жизнь, путем уменьшения ее понимания или путем более глубокого понимания, Искажения в понимании ситуации в значительной степени осуществляется посредством частого употребления эмоционально окрашенных слов, метафор, лозунгов, мифов.
- Массовое употребление в СМИ нового экзотически звучащего слова – вероятный признак проведения большой информационной кампании, преследующий экономические и политические цели.
- Мифы структурируют, упорядочивают нашу жизнь: героизируют или дегероизируют прошлое, объясняют или интерпретируют настоящее, формируют будущее. Искусственные политические мифы подталкивают народные массы к тем выводам, которые запрограммировали их создатели.
- Лозунги непосредственно «задают направление» поведения, ибо в них уже присутствуют готовые к исполнению указания к действию.
- Совокупность слов, метафор, лозунгов и мифов – вот та типовая последовательность управляющих воздействий при реализации информационного управления обществом.

НРАВСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЖУРНАЛИСТА: ПРИЧИНЫ МИНИМИЗАЦИИ

Г. В. Лазутина

(Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова)

Под нравственной рефлексией журналиста имеется в виду осознание им своих действий в процессе профессиональной деятельности с точки

зрения соответствия их нравственному закону¹, сложившимся в обществе этическим представлениям и профессионально-нравственным ориентирам, выработанным профессиональной общностью журналистов. Фактически это процесс соотнесения личного восприятия себя как члена общества и члена журналистского сообщества с возможным восприятием всех участников коммуникативного процесса (адресатов продукта, источников информации, персонажей произведения, коллег), которое предопределяется нравственным сознанием общества и блоком этических представлений группового профессионального сознания. Ориентированный на оптимизацию деятельности и оптимизацию межличностных и межгрупповых отношений, этот процесс является одним из необходимых условий не только для успешной индивидуальной деятельности журналиста и его развития, но и для совершенствования практики всего журналистского сообщества. В ситуации кардинальных общественных преобразований, переживаемых нашей страной, это приобретает особое значение.

Между тем исследования показывают, что сегодня в сознании российского журналиста признаки нравственной рефлексии представлены минимально². Именно с этим связаны многочисленные факты «выхода» работников СМИ за границы этического коридора, которым определяется свободное творческое пространство журналистики. Свобода творчества в таких случаях подменяется *журналистским произволом* – такой формой поведения в тексте или непосредственном общении, при которой оно не согласуется ни с нормами морали, ни с интересами общества. Это не только ведет к снижению авторитета журналистики как социального института, но и влечет за собой негативные последствия в жизни общества.

Причины, вызывающие минимизацию нравственных рефлексивных процессов в профессиональной деятельности журналиста, группируются вокруг цепочки нескольких отчетливо различимых для исследовательского взгляда факторов. Исходным звеном этой цепочки является экономическое положение, в котором оказалась печатная и электронная пресса в конце XX – начале XXI века. Тот факт, что в советский период немалые доходы прессы шли в партийно-комсомольскую казну, предопределил отсутствие финансовой базы для развития журналистики в новое время. Поиски источников финансирования поставили журналистские коллективы перед необходимостью акционировать средства массовой инфор-

¹ См.: Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М., 2000. С. 22-28.

² См. И.Н. Гринева. Антикриминальная деятельность прессы в осмыслении участников информационного процесса. – Гл. в дисс. «Печать как информационно-коммуникативный фактор антикриминальной деятельности общества в условиях его трансформации» на соиск. уч. ст. канд. филол. наук М. 2003; Письменная Е.В. Этические коллизии в деловой журналистике: источники и пути разрешения. М., 2002.

мации. Тем самым начался процесс сращивания информационного производства со сферой банковского и промышленного капитала, неизбежно ведущий к экономической зависимости журналистики от крупных финансовых и промышленных структур и одновременно — к гипертрофии товарных отношений в сфере информационного производства. Главным критерием успешности деятельности стала ее доходность. Возникла ситуация, когда корпоративные интересы «хозяев» прессы оказались приоритетными для журналистских коллективов. Фактически журналистский корпус страны стал растаскиваться по другим корпорациям. Столь явные центробежные тенденции поставили его на грань выживания как самостоятельный организм, имеющий свою систему профессиональных нравственных ценностей. Даже доминантное для нравственного блока профессионального сознания журналистов представление о профессиональном долге приобрело расплывчатость, неопределенность, потеряв значение основного инструмента рефлексии.

В таких условиях у журналиста не мог не сложиться по отношению к профессиональной этике негативный аттитюд, деформирующий нормальный процесс взаимодействия его как профессионала и со своей общностью, и с обществом в целом в лице его граждан и властных структур.

Поиск выхода из сложившейся аномальной ситуации сопряжен с немалыми трудностями и требует серьезной научной проработки.

ИСХОДНЫЕ ПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭРГОНОМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

В.Е.Лепский (Москва, Институт человека РАН)

1. Введение

Важнейшие достижения человечества в XX веке связаны с проектированием сложнейших человеко-машинных систем: различные виды оружия, автомобильные, авиационные и космические системы, автоматизированные производства, электронные офисы, «интеллектуальные» товары широкого потребления и многие другие. Во всех разработках такого рода эргономика успешно решала задачи связанные с комплексным учетом человеческого фактора на всех этапах жизненного цикла изделий. Известно немало случаев, когда эргономический подход позволял создавать прорывные технологии, обеспечивая новое качество разработок. Более того, комплексно рассматривая вопросы организации полисубъектных отношений в процессах проектирования, внедрения и эксплуатации сложных систем, эргономика естественным образом включила в состав своих задач обеспечение саморефлексии инженерии. Сегодня мы уверенно

можем сказать, что в ближайшем окружении большинства Главных конструкторов ВПК СССР достойное место занимал ведущий специалист в области эргономики. А в ряде случаев эргономисты становились Главными конструкторами специализированных подсистем для решения задач эргономического обеспечения.

В конце XX века эргономисты, обладая высокой культурой комплексного учета человеческого фактора и культурой инженерии, все чаще стали подключаться к решению различных задач чисто социального характера (проблемы качества жизни, методология измерения и использования человеческого потенциала, организация сообществ, проблемы информационно-психологической и общественной безопасности и др.).

Принципиально важно заметить, что эргономика как самостоятельная область знания оказалась органично связанной с различными видами проектировочной деятельности, выходящими далеко за рамки создания человеко-машинных систем и одновременно эргономика является официальной научной областью знания, по специализации которой защищаются диссертации в психологических, биологических и технических науках.

В XXI веке эпоха естественно-исторического экономически детерминированного развития исчерпала себя, и должна наступить эпоха целенаправленного искусственно конструируемого (неосферного) развития общества. Развитие человечества все в большей степени переходит от эволюционного к проектировочному, происходит смена доминанты парадигм: от каузального подхода (причинно-следственного) к телеологическому (целевая детерминация). Мы становимся свидетелями и участниками сложнейших процессов сотрудничества и конфликтов субъектов реализующих разнообразные социальные мегапроекты. Чтобы разобраться в сложнейших хитросплетениях полисубъектных отношений в современном мире, нужна высокая культура системного проектировочного подхода.

«Поиск новых стратегий развития, обеспечивающих переход к постиндустриальному информационному обществу, представляет собой исторический вызов, который был предъявлен России в конце XX в.» [1].

В конце прошлого века Россия получила печальный опыт недооценки социальных мегапроектов, направленных в ущерб ее интересов. Например, последовательная реализация на протяжении 50-ти лет «не силового» (информационно-психологического) проекта направленного на развал СССР (доктрина Далласа). И вслед за ним Проект затягивания России в рыночную модель XIX века (модель «дикого капитализма»).

XXI век – это век социальной инженерии. Готова ли Россия к вызовам нового века? Сегодня явно не готова. Сегодня только намечаются собственные стратегические ориентиры развития, зарождаются субъекты развития России, формируются адекватные новым проблемам различные виды обеспечения [2,4].

В этих условиях особенно остро встает вопрос о научном обеспечении социальной инженерии стратегических Проектов.

Разработка и использование современного научно-методического обеспечения стратегического проектирования (принятия стратегических решений) в определенной степени могли бы способствовать объективизации данных процессов их выводу из теневой политики и экономики.

Какая область знания в наибольшей степени готова стать интегратором по отношению к широкому спектру необходимых для решения стратегических социально-проектировочных задач гуманитарных и естественнонаучных знаний?

На наш взгляд, целесообразно становление «Эргономики социальной инженерии», которая могла бы стать системным интегратором в научном обеспечении социальной инженерии, включая задачи стратегического развития России.

2. Актуальность для России

Актуальность данного вопроса определяется не только сложностью проблем, но также рядом специфически российских факторов:

Во-первых, гипертрофированно завышенной ролью личности во всех крупномасштабных российских проектах (Октябрьская революция, НЭП, построение лагерного социализма, разработка ядерного оружия, прорыв в космос, развал СССР и др.).

Во-вторых, эпидемией болезни «бессубъектности России» [4].

В-третьих, сложившейся сегодня в стране ситуацией, в которой явно проявляется не заинтересованность коррумпированных чиновников в крупномасштабных проектах российского развития [2]. В частности, как следствие отсутствие организаций типа «фабрик мысли» (за исключением «мастерских мысли» в области политического PR, финансируемых, как правило, самими чиновниками в интересах захвата и удержания власти).

В-четвертых, слабая готовность научных гуманитарных и естественнонаучных элит к участию в конкретных крупномасштабных социальных проектах. У гуманитарных элит сформирована культура выявления связей и зависимостей, *рефлексия состояния*. Однако, практически полностью отсутствует культура поиска ответов на вопрос «Что делать?» и «Как делать?», культура социального проектирования. Более того, атрофированы ценности поиска ответов на данный тип вопроса, атрофирована *рефлексия действия*. Одна из причин, видимо, связана с последствиями советского периода, когда гуманитарной элите не позволительно было искать ответы на такого рода вопросы. За них все решал узкий круг лиц. У естественнонаучной элиты другие проблемы. Она легко берется за социально-проектировочные работы, создает сложнейшие модели, одна-

ко, как правило, эти модели неадекватно отражают гуманитарные аспекты проблем, а сами проектировщики в конечном итоге удивляются отсутствию заказчиков на их модели, неадекватно понимая сложившуюся ситуацию в стране. Сегодня остро стоит проблема интеграции гуманитарной и естественнонаучной элиты в рамках общей социально-проектировочной работы и создания адекватного научно-методического обеспечения.

В-пятых, отсутствие в России областей знания и организационных структур анализирующих и обобщающих опыт стратегических проектов.

3. Тенденции создания научного обеспечения социальной инженерии

Философские аспекты. Развиваемые В.С.Степиным научно-философские идеи содержат классификацию исторических типов рациональности в научных исследованиях (познании):

- классическую рациональность, когда научные исследования рассматриваются, как познание законов Природы, существующих вне человека;
- неклассическую, когда на результаты научных исследований накладывается осмысление соотносительности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности;
- постнеклассическую, когда решается задача осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и ценностями.

Другими словами классическая наука исследует законы и осваивает создание и применение простых систем (примером может служить часовой механизм), неклассическая — сложных саморегулирующихся систем, постнеклассическая наука — сложных саморазвивающихся систем.

Все внимание сегодня обращено на *человекоразмерные* саморазвивающиеся системы с их проблемой включения человека в сам процесс научных исследований. При этом все большее внимание уделяется этическим проблемам.

Психологические аспекты. В последнее десятилетие в центре внимания психологии оказалась проблема субъекта. Проблема субъекта актуальна для многих общественных, гуманитарных и технических наук. В психологии она имеет свою специфику, раскрываемую с позиций субъектного (субъектно-деятельностного) подхода.

Принципиальным для субъектного подхода является снятие противопоставления между «исследователем» и «объектом исследования». В контексте субъектного подхода появляется возможность перехода от парадигмы «субъект — объект» к парадигме «субъект — субъект», что позволяет, в частности, наметить пути преодоления определенной ограниченности естественнонаучной парадигмы.

Системообразующим механизмом для различного рода субъектов выступает сознание, которое выполняет функцию формирования внутренних представлений (образований) субъектов, регуляции действий и взаимодействий субъектов.

Инвариантными структурами сознания (по отношению к различным типам субъектов) выступают структуры сознания построенные на основе выделения «позиционных» представлений субъектов. *Рефлексивные структуры сознания* являются основой для анализа информационных воздействий во взаимодействия субъектов различных типов.

Кибернетические и синергетические аспекты. Создание кибернетики второго порядка, позволяющей расширить пространство проблематизации, включив в него наряду с вычислениями и структурами рефлексивные аспекты [5], видимо, по аналогичному пути пойдет и образование синергетики второго порядка.

Экономические аспекты. Формирование подхода «экономика, основанная на знаниях» (knowledge economy) как базового для создания наукоемких производств.

Обозначенные тенденции отражают базовые ориентиры субъектно-деятельностного подхода, который изначально определял основы отечественной эргономики [3].

4. Преимущества эргономики (как потенциального лидера в создании научного обеспечения социальной инженерии)

Ведущая ориентация на междисциплинарный подход в решении научных и практических проблем. Опора как на прошлый опыт различных областей знания и практики (крупномасштабные проекты русских космистов, ноосферная идеология, тектология и др.), так и на современные научные достижения (критерии качества жизни, соотнесение рациональности и нравственности, представления об этических системах и др.).

Ведущая ориентация на исследование и организацию неоднородных поли-субъектных систем (индивиду, группы, сообщества, организации, этносы, государства, общества и др.)

Ведущая ориентация на обеспечение конкретных проектов.

Ведущая ориентация на многокритериальный подход в эргономическом обеспечении конкретных проектов (продуктивность, безопасность, развитие, удовлетворенность, духовность и др.).

Уникальный опыт крупномасштабных проектов (эргономическое обеспечение автоматизации управления страной, автоматизации управления вооруженными силами и военными системами, авиационных и космических разработок, градостроительных и архитектурных проектов и др.).

Уникальный опыт интеграции специалистов гуманитарного и естественнонаучного профиля для решения общих научных и проектных проблем.

Наличие уникальных специалистов «системных интеграторов» одновременно с высокой естественнонаучной (инженерной) и гуманитарной подготовкой, готовых к решению задач эргономического обеспечения социальной инженерии (стратегических проектов).

5. Первоочередные задачи становления эргономики социальной инженерии

- Формирование основных понятий, объекта и предмета новой области знания.
- Разработка методологических, теоретических и методических основ «Эргономики социальной инженерии» как раздела эргономики, ориентированного на создание научно-методического обеспечения и практической организации среды самоорганизующихся, саморазвивающихся полисубъектных социальных систем.
- Определение и оформление междисциплинарных отношений и связей новой области знания.
- Консолидация и переподготовка специалистов в данной области знания.
- Организация эргономического обеспечения стратегических проектов российского развития.
- Координация исследований и разработок.
- Анализ и обобщение опыта.

Литература

1. *Степин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
2. *Ипполитов К.Х., Ленский В.Е.* О стратегических ориентирах развития России: что делать и куда идти //Рефлексивные процессы и управление. 2003. Том 3. № 1. С.5-27. (www.reflexion.ru)
3. *Ленский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН, 1998. —204 с.
4. *Ленский В.Е.* Становление стратегических субъектов: постановка проблемы / /Рефлексивные процессы и управление. 2002.Том 2.№1. С. 5-23. (www.reflexion.ru)
5. *Лефевр В.А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002.Том 2.№1. С. 96-103. (www.reflexion.ru)

ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСИИ И ЗАКОН СООТВЕТСТВИЯ

В.А.Лефевр

(США, Калифорнийский университет)

Наука о субъективном, наделяющая живое существо полостью для внутреннего мира, и наука о поведении, отказывающая ему в этом, имеют одну общую черту: организм предстает в них в своей целостности. При

этом в фокусе первой лежит отношение субъекта к самому себе, а в фокусе второй находятся отношения субъекта и среды. В течение последних десятилетий демаркационная линия между ментализмом и бихевиоризмом существенно изменилась: была создана формальная модель субъекта, одновременно отражающая и его ментальный домейн, и взаимодействие со средой. Верификация этой модели проявляется как ее экспансия в различные уже сложившиеся ветви психологии, социологии и антропологии. Однако именно бихевиоризм представляется наиболее привлекательным полем для такой экспансии. Причина лежит в его суровой внутренней дисциплине и методологической честности, позволяющих явно отделять понятое от непятого. Оной из главных нерешенных проблем науки о поведении является закон соответствия (*Matching Law*), сущность которого заключается в способности птиц и млекопитающих *странно*, с точки зрения утилитарного здравого смысла, регулировать отношения между последовательностью реакций и последовательностью стимулов. В течение последних пяти лет было показано, что рефлексивно-интенциональная модель субъекта (*RIMS*) позволяют объяснить закон соответствия (*Lefebvre, 1999, 2002*).

Создание этой модели стимулировалось попыткой понять, что собой представляет феномен «морального выбора», если подходить к нему не с моралистической, а с чисто научной точки зрения. Проблема вскрытия объективных законов морального выбора волнует огромное число специалистов, от психиатров до психологов, изучающих криминальную и террористическую активность. В рамках таких исследований ментальный домейн человека должен быть представлен столь же ясно и однозначно, как поведение в рамках бихевиоризма. *RIMS* это особая математическая репрезентация субъекта, совершающего выбор между двумя альтернативами. Эта модель отражает два аспекта активности субъекта - утилитарный и деонтологический. Утилитарный аспект связан с практически выгодным поведением, направленным, например, на получение денег или пищи; деонтологический — с идеалистическим поведением, таким, например, как выбор между добром и злом. При этом «моральная» ориентация альтернатив может не совпадать с их утилитарной ориентацией. Например, сделка с врагом может оказаться практически более выгодной, чем договор с другом. Эти два различных аспекта связываются формализмом модели в единый процесс генерации поведения.

RIMS является вероятностной моделью. Она предсказывает вероятности, с которыми субъект выбирает альтернативы; одна из них играет для него роль позитивного полюса, другая — негативного. Мысль о том, что выбор субъекта имеет вероятностный характер возникла в начале двадцатого века и была воплощена в нескольких теоретических моделях (*Thurstone, 1927; von Neuman & Morgenstern, 1944; Savage, 1951; Mosteller*

& Nogee, 1951; Bradley & Terry, 1952; Davidson, Suppes & Siegel, 1957; Bower, 1959; Luce, 1959; Audley, 1960; Spence, 1960; Restle, 1961; LaBerge, 1962; Atkinson et al., 1965). Эта линия исследований существенно изменила предшествующий взгляд на поведение как на процесс, однозначно детерминированный внешним миром. При этом, хотя были разработаны эффективные методы предсказания результатов вероятностного выбора, вопрос о его природе остался в стороне. У нас до сих пор нет ясного представления о том, все или только некоторые живые существа способны к вероятностному выбору, и как организм «узнает», с какими вероятностями он «должен» совершать выбор в данной ситуации. RIMS связывает вероятностное поведение субъекта с его ментальной сферой и позволяет сформулировать несколько новых гипотез. В рамках этой модели предполагается, что субъект перед актом выбора находится в неопределенном состоянии, которое может быть охарактеризовано распределением вероятностей выбора альтернатив. Используя квантово-механическую метафору, мы можем сказать, что субъект непосредственно перед актом выбора находится в смешанном состоянии, а сам акт выбора есть «коллапс» смешанного состояния, в результате чего субъект переходит в одно из чистых состояний. Следует подчеркнуть, что способность организма производить выбор альтернатив с *фиксированными* вероятностями говорит о его достаточно высоком уровне развития. Специалисты по математическому моделированию знают, как трудно создать техническое устройство, способное генерировать случайную последовательность нулей и единиц с заданной вероятностью их появления.

Мы можем предположить, что вероятностное поведение появляется одновременно с появлением у организма ментальной сферы. Их возникновение знаменует момент «освобождения» организма от «необходимости» однозначно реагировать на внешние воздействия. Чтобы выбирать альтернативы с определенными вероятностями, организм должен каким-то образом «загрузить» эти вероятности в самого себя. Мы полагаем, что «секрет» закона соответствия как раз и заключается в том, что он отражает процесс формирования у субъекта смешанного состояния, для перехода в которое субъект перерабатывает информацию, получаемую из внешнего мира в вероятностное распределение. Представим себе, что организм голубя, крысы и даже человека не способен решить эту задачу посредством активности во внутреннем мире. Поэтому в процесс вычисления вовлекается весь организм, и «беготня» животного в экспериментах с двумя кормушками (в которых обнаруживает себя закон соответствия) есть внешнее проявление этого процесса. В результате такой загрузки вероятности субъект оказывается способным произвести мгновенный вероятностный выбор. И эта способность достается субъекту не даром. Чтобы обладать ею, его организму приходится тратить энергию.

Эксперименты с двумя ключами, в которых участвовали люди, дают основание предположить, что генерация смешанного состояния у человека также связана с моторной активностью. Эта активность может проявлять себя и в других экспериментах. Например, при оценке интенсивности стимула с помощью категориальной шкалы, карандаш испытуемого совершает колебательные движения, прежде чем делается окончательная отметка. Иногда даже трудно установить, какая отметка является финальной (например, Poulton & Eimmonas, 1985). Мы можем предположить, что эти колебания являются функциональными аналогами беготни крыс между двумя кормушками. Отметим, что RIMS объясняет не только закон соответствия, но и процесс категориального оценивания (Lefebvre, 1992). Нельзя исключить также возможность того, что у человека, при некоторых обстоятельствах, загрузка вероятностей выбора происходит посредством движения глаз. Наиболее важное отличие RIMS от прежде существующих моделей заключается в введении в нее особой переменной, которая соответствует *модели себя* у субъекта. Мы интерпретируем значение этой переменной как *интенцию* субъекта совершить выбор. Интенциональное поведение в RIMS задается условием $B=I$, где B - значение переменной, описывающей поведение субъекта, а I - значение переменной, соответствующей модели себя. В этом случае переменная I может быть опущена, и мы получаем модель бихевиористского типа, потенциально опровергаемую. В рамках RIMS организм субъекта стремится генерировать такую линию поведения, при которой достигается и поддерживается равенство $B=I$. Этот принцип генерации поведения мы называем *законом саморефлексии*.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ МЕТОД В ОЦЕНКЕ И ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.М. Львов, Н.Л. Шлыкова
(г. Тверь, Эргоцентр)

Корпоративная культура определяет эффективность взаимодействия организации с внешним миром (заказчиком, государственными структурами и т.д.), а также устойчивость финансирования самой организации. О корпоративной (организационной) культуре можно говорить с разных позиций. Чаще всего используется определение **корпоративной культуры как системы ценностей, норм и правил организации, разделяемых всеми её сотрудниками**. Это индивидуальная для каждой организации категория и она достаточно трудно измерима. Причём при таком определении корпоративная культура может быть очень высокой, но при этом сугубо отрицательной, если исходить из общечеловеческих ценностей. Например, если она формируется, исходя из монополистических корыстных целей с

подбором сотрудников под эти цели. А это не вяжется с применением здесь словосочетания «высокая культура». Да и само определение не ориентирует на достижение высоких идеалов.

По нашему мнению, целесообразно рассматривать **корпоративную культуру, как систему гуманистических и нравственных ценностей, норм и правил организации, совместимых с профессиональными целями и задачами.** В этом случае безусловное достижение делового успеха обеспечивается за счёт современной мощной интеллектуальной поддержки без нарушения этических и моральных норм. Вот здесь уже можно говорить о разных уровнях проявления корпоративной культуры, как положительной психологической компоненты, определяющей миссию организации.

Для оценки корпоративной культуры должны существовать свои методические подходы. В любом случае при этом будут использоваться эвристические и эмпирические процедуры, основанные на рефлексивном анализе. В процессе оценки корпоративной культуры идёт взаимная рефлексия между исследователем (И) и субъектом (С) профессиональной деятельности. Исследователь ставит себя на место субъекта и наоборот.

Рефлексивный анализ по нашему мнению можно представить в виде последовательности следующих этапов:

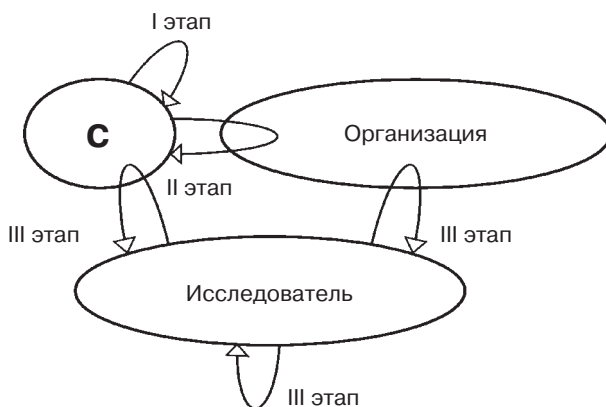

Схема рефлексивного анализа корпоративной культуры

I этап – представление субъектов профессиональной деятельности о своих ценностях и потребностях.

II этап – представление субъектов об уровне реализации их ценностей и потребностей в организации. В этом случае субъект как бы ставит себя на место исследователя.

III этап – представление истинного исследователя о критериях оценки корпоративной культуры, эвристическом механизме анализа представлений субъектов на I и II этапах.

Данная концепция была положена в основу методики-теста оценки корпоративной культуры, которая тоже включает в себя три этапа. На первом этапе осуществляется обобщение информации о результатах I этапа рефлексивного анализа, на втором этапе методики — о результатах II этапа рефлексивного анализа. На третьем этапе осуществляется эвристически-логическая обработка данных на основании данных III этапа рефлексивного анализа, проводимого исследователем. При этом рефлексивный анализ проводится применительно к семи сферам производственной среды: профессиональной, организационной, коммуникативной, креативной, социальной, материальной и этической.

СИНЕРГЕТИКА, РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, НАУЧНЫЙ МОНИТОРИНГ

Г.Г. Малинецкий

*(Москва, Институт прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН)*

Многие проблемы государственного управления современной России носят психологический характер и имеют непосредственное отношение к теории рефлексивного управления. О том, что проблемы есть, свидетельствуют:

— недопустимо низкий процент реально выполняемых решений Администрацией Президента РФ (ряд отечественных экспертов оценивают долю выполняемых решений в 5%, ряд зарубежных в 2%);

— неспособность в течение многих лет реформ перейти от отраслевой к функциональной схеме управления (в планируемой административной реформе эта проблема по существу и не ставится);

— неспособность осуществить провозглашенный более 5 лет назад переход от стратегии ликвидации и смягчения последствий бедствий катастроф и кризисных явлений к стратегии прогноза и предупреждения;

Анализ деятельности ряда государственных структур показывает, что их работу крайне затрудняет:

— отсутствие оперативной достоверной информации, необходимой для предупреждения чрезвычайных ситуаций и нестабильностей в природной, техногенной и социальной сферах;

— отсутствие представлений о стратегии развития и об ориентирах, по которым можно было бы судить о результатах деятельности государственного аппарата;

— отсутствие общего блока знаний и навыков — своеобразного управленческого минимума, необходимого для полноценной работы в системе государственного управления (Работа со слушателями Российской ака-

демии государственной службы при Президенте РФ показывает, что большинство чиновников, проходящих переподготовку, не знает, что 2/3 территории России лежат в зоне вечной мерзлоты, каково место страны в мировой экономике и т.д.);

– отсутствие должного облика государственного аппарата (прошлого, нынешнего и будущего) в общественном сознании;

Системный кризис, переживаемый Россией, заставляет сделать многие процессы в стране наблюдаемыми и прогнозируемыми. Чтобы быть управляемой, система должна быть наблюдаемой. При этом особое внимание должно быть, естественно, уделено опасным явлениям и процессам, кризисам в различных сферах жизнедеятельности страны и тому глубокому системному кризису, в котором сейчас находится Россия. Кризисы могут и должны стать предметом научного исследования, компьютерного моделирования, прогноза и мониторинга.

Группа 10 академических институтов во главе с Институтом прикладной математики им. М.В. Келдыша выступила с инициативой создания национальной системы научного мониторинга. Этот проект был поддержан МЧС России и нашёл понимание в стенах Государственной Думы.

Система научного мониторинга в концептуальном и методическом плане опирается на теорию самоорганизации или синергетику и на рефлексивное управление.

Синергетика, как её определил Герман Хакен, является междисциплинарным подходом, исследующим свойства сложных систем, которыми не обладают составляющие их подсистемы (то есть спонтанно возникающие свойства целого, которыми не обладают части). Кроме того, этот подход имеет дело с объектами, отношениями, свойствами, характерными для нескольких научных дисциплин, поэтому его разработка требует участия исследователей из разных областей.

Разработка системы научного мониторинга требует не только концептуальных представлений, методов и моделей, а технологии. Эту технологию естественно назвать системным синтезом. Системный анализ, как методология делал акцент на выделении исследовании и эффективном использовании системных свойств объекта (откуда анализ - дробление, расчленение). В то же время системный синтез основное внимание уделяет:

– задачам, которые не могут быть решены в рамках одной научной сферы и требуют взаимодействия с системами мониторинга и управления (отсюда синтез - объединение, обобщение, создание);

– исследованию и использованию различных сценариев саморазвития и самоорганизации сложных систем;

– развитию и использованию направлений и методов на стыке далёких, в рамках традиционной науки, областей (математическая психоло-

гия, теоретическая география, историческая механика, мировая динамика и др.).

Рефлексивное управление имеет принципиальное значение для системы научного мониторинга по многим причинам.

* Такая система, будучи создана, делает многие процессы в экономике, техносфере, обществе, массовом сознании наблюдаемыми. Это само по себе меняет общественное сознание и также делает общественные процессы в гораздо большей степени направляемыми, чем в настоящее время.

* Система научного мониторинга может стать важным фактором, стабилизирующим и упорядочивающим многие процессы в общественном сознании. («Прозрачность» для руководителей и отчасти для общества в целом угроз в природной и техногенной сферах, альтернативных стратегий и политик, возможностей прогноза, позволяет во многих важных случаях психологически быть «взрослым», а не «ребенком» и оценивать ответственность многих решений, связанных с выполнением профессиональных обязательств и с гражданской активностью. Близкое воздействие в идеале должно оказывать «электронное правительство» на общество).

* Факты, версии, сценарии, прогнозы, будучи обнародованы, меняют траекторию развития общества. Эта обратная связь, часто называемая «эффектом Эдипа» может быть использована и во зло, и во благо. Поэтому важным блоком системы должен стать блок прогноза реакции общества на информацию, связанную с научным мониторингом.

* «Рефлексивный блок» также необходим, чтобы осуществлять мониторинг и анализировать возможности управляющей системы по прогнозу и предупреждению бедствий и катастроф в стране. В зависимости от этих возможностей, методы информационной поддержки и, тем более, информационного управления должны быть различны.

* В сложившейся устойчивой эффективной социальной структуре основным потребителем прогнозов и информации, представляемых системой, естественно, должны быть лица, принимающие решения на стратегическом уровне. Однако в условиях кризиса зачастую появляется необходимость знакомить с результатами анализа и прогноза другие эшелоны управления или широкие круги. Естественно определить это, опираясь на теорию рефлексивного управления.

Подводя итог, можно сказать, что создание национальной системы научного мониторинга является важным элементом в реализации стратегии устойчивого развития России. Рефлексивный блок представляется крайне важным элементом в структуре этой системы.

Литература

1. *Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г. и др.* Управление риском. Риск, устойчивое развитие, синергетика. — М.: Наука, 2000.

2. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего/ 3-е издание. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
3. *Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П.* Нелинейная динамика и проблемы прогноза// Вестник РАН. 2001. Т. 71, № 3. С. 210-232.
4. *Малинецкий Г.Г., Осипов В.И., Львов Д.С. и др.* Кризисы современной России: Научный мониторинг// Вестник РАН. 2003. № 7. С. 579-593.
5. *Малинецкий Г.Г.* Сценарии, стратегические риски, информационные технологии // Информационные технологии и вычислительные системы. 2002, № 4. С. 83-108.

Работы поддержаны РФФИ
(проект № 03-06-80298).

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТУЮЩИХ ГОСУДАРСТВ

*А.С. Малков (Москва, Институт прикладной математики
им.М.В.Келдыша РАН)*

*Ф.А. Витюков (г. Королев, лицей научно-инженерного
профиля)*

Рассматривается модель конфликтующих государств, созданная с использованием математического аппарата клеточных автоматов. Предполагается, что на некоторой замкнутой территории находятся несколько государств, каждое из которых стремится расширить свою территорию за счет соседей. Ресурсная база, которой обладают государства, увеличивается с ростом их территорий. Государства тратят имеющиеся ресурсы на удовлетворение внутренних потребностей, а также на противоборство с каждым из своих соседей. Причем чем более напряженные отношения с конкретным соседом, тем большая часть ресурсов расходуется на противоборство с ним. Степень напряженности определяется каждым государством в одностороннем порядке исходя из оценки им угрозы агрессии соседа, поэтому ресурсы, выделяемые на противоборство с одной и с другой стороны, не обязательно равны. При этом в случае дисбаланса данных ресурсов повышается вероятность успешного захвата более «агрессивной» стороной части территории менее «агрессивного» государства.

Таким образом, чтобы не потерять свою территорию и не погибнуть, государство должно выработать адекватную стратегию перераспределения своих ресурсов на парирование возникающих от соседей угроз. При этом оно должно грамотно комбинировать собственную экспансию с защитой своих территорий. Гибкая внешняя политика, особенно остро требуемая в ситуации жесткой конкуренции и ограниченного ресурса, должна позволить государству оперативно вступать в альянсы с бывшими противниками ради ликвидации общей угрозы и столь же оперативно разры-

вать их в случае, когда угроза нейтрализована и возникает возможность расширить свою территорию за счет бывших союзников.

В модели реализован алгоритм рефлексивного формирования стратегий противоборства в духе Макиавелли или стратагем Древнего Китая. Она позволяет исследовать динамику противоборства при различных соотношениях параметров, определять условия, при которых возникает динамическое равновесие в системе конкурирующих государств. Модель планируется использовать для анализа таких исторических событий, как образование империй, формирование западноевропейской системы динамического военно-политического баланса и т.п.

Работа поддержана РФФИ
(проекты № 01-06-80142 и № 02-06-80219)

РАЗНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

С.Ю. Малков

(Москва, Академия военных наук)

В работе В.А.Лефевра [1] обосновывается существование двух этических систем, одна из которых основана на *запрете зла* (первая этическая система), вторая – на *декларации добра* (вторая этическая система). В первой системе одобряется стремление к компромиссу с партнером, во второй – считается правильным противопоставление себя партнеру. По мнению В.А.Лефевра, первая система реализовалась в американской культуре, вторая – в советской. Целью исследований В.А.Лефевра в [1] является разработка математического аппарата, позволяющего формализовать процессы рефлексии и морального выбора, осуществляемого в рамках этих этических систем. При этом автор не рассматривает вопрос, *почему* эти системы сформировались, он изучает вопрос, *как* они функционируют.

Обращает на себя внимание то, что данные этические системы являются достаточно устойчивыми (самоподдерживающимися) и подчиняются логике самоорганизации. Это наводит на мысль, что они – не что иное, как психологические аттракторы (устойчивые состояния) в динамической системе взаимоотношений социальных субъектов (индивидов, фирм, общественных организаций, государств и т.п.). Взаимоотношения этого типа описываются моделью конкуренции [2], которая в простейшем случае имеет вид:

$$\frac{du_i}{dt} = a_i u_i - \sum_{j \neq i} b_{ij} u_i u_j - c_i u_i^2, \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N. \quad (1)$$

Здесь t – время; u_i – показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования и т.п.) i -го субъекта в момент времени t . Член $a_i u_i$

описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го субъекта. Члены $b_{ij} \cdot u_i \cdot u_j$ описывают антагонистическое взаимодействие социальных субъектов (аналог межвидовой борьбы в биологии). Член $c_i \cdot u_i^2$ учитывает «эффект тесноты», то есть относительное снижение «силы» i -го субъекта вследствие внутривидовой борьбы, ресурсных ограничений, эффектов насыщения и т.п.

Известно [2], что в зависимости от соотношения параметров a_i , b_{ij} и c_i система (1) имеет разную структуру аттракторов. Например, при $N = 2$ возможны две основные ситуации. При $c_i/b_{ij} > 1$ (то есть когда межвидовая борьба в значительной степени подавлена) в системе возникает устойчивое *сосуществование* конкурирующих субъектов. В обратной ситуации, когда $c_i/b_{ij} < 1$, конкурентная борьба в системе (1) приводит в конечном итоге к победе одного из субъектов и *уничтожению* другого, причем побеждает тот, у которого соотношение параметров c_i/b_{ij} имеет меньшее значение. Коэффициент c_i характеризует интенсивность внутривидовой борьбы, остроту внутренних противоречий. Коэффициент b_{ij} характеризует жесточенность межвидовой борьбы, беспощадность к внешнему врагу. Другими словами, коэффициент c_i характеризует антагонистичность отношений в системе «свой - свой», а коэффициент b_{ij} — в системе «свой - чужой».

Из сказанного явствует, что в указанных ситуациях стратегии обеспечения устойчивости и «живучести» социальных субъектов прямо противоположны. В рамках первой ситуации в лучшем положении оказывается тот, кто более толерантен и более способен к выработке компромиссных решений с конкурентами (то есть имеет низкое значение b_{ij}). В рамках второй ситуации в лучшем положении окажется тот, кто обеспечит внутренние бесконфликтность и единство (уменьшит значение c_i), но будет бескомпромиссен и агрессивен к «чужакам» (увеличит значение b_{ij}). Понятно, что в рамках первой ситуации формируется и закрепляется первая этическая система (поскольку она оптимальна для социальных субъектов), а в рамках второй ситуации — вторая этическая система. Состояние с $c_i/b_{ij} \approx 1$ неустойчиво, это точка бифуркации. Здесь нет оптимальной стратегии, высока вероятность стрессовых ситуаций.

Анализ модели [1] позволяет лучше понять логику формирования этических систем. Начнем со второй: она направлена на минимизацию отношения c_i/b_{ij} в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. Снижение конфликтности среди «своих» и повышение согласованности их действий (то есть уменьшение значения c_i) достигается путем «декларации добра» — призыва к реализации общей целевой установки. При этом во взаимоотношении со «своими» возможен (и приветствуется) этический компромисс: любое средство достижения общей цели (которая и есть главное «добро») этически допустимо. Если же кто-то из «своих» отказывается стремиться к

общей цели, он наказывается — переводится в разряд «чужих» (остракизм) — и с ним начинается бескомпромиссная борьба (высокое b_{ij} в отношении «чужих»). Почему борьба? — Потому что ресурс ограничен, на всех не хватит, «чужих» от него нужно отсечь. Либо перевоспитать (перевести в разряд «своих») и заставить делиться (то есть делать «добро») — тогда ресурса хватит. Таким образом, вторая этическая система — это своего рода ресурсосберегающая технология социального выживания *коллектива «своих»* в ходе конкурентной борьбы с индивидуализированными «чужими».

В ситуации второй этической системы конкурирующие социальные субъекты не представляют собой коллективы «своих». Это — индивиды, каждый из которых преследует свою собственную цель (общего «добра» нет). Говорить об их единстве и согласованности действий бессмысленно, здесь значение c_i изначально большое. В этих условиях война всех против всех (повышение значения b_{ij}) губительна для общества в целом. Единственной разумной альтернативой является «мирное сосуществование» индивидов (снижение значения b_{ij}) на основе принятых всеми правил игры. Для этого нужна толерантность и готовность к компромиссу с «чужими» в пределах общепринятых рамок поведения, устанавливаемых посредством «запрета зла». Таким образом, «запрет зла» — это не средство организации совместных действий «своих» для достижения общей цели, не стимулирование данных действий через *поощрение*, а отсекание нежелательных действий через *наказание* (поскольку все «чужие», то наказывать или уничтожать за нарушение правил игры не жалко).

В свете сказанного становится ясно, почему первая этическая система реализовалась в американской культуре, а вторая — в советской.

США — страна эмигрантов, активных индивидуалистов (значение c_i — высокое), изначально не объединенных ни этнически, ни идеологически, ни каким-либо иным образом, кроме совместного проживания. Это сообщество «чужих», преследующих свои цели, но заинтересованных в сотрудничестве (ради достижения этих целей) и в наличии общих правил игры, единых для всех без исключения. Отсюда — приверженность первой этической системе.

СССР — это государственное образование, родившееся в стране, разтерзанной гражданской войной, разделенной на «своих» и «чужих», окруженной врагами, в условиях разрухи и нехватки самого необходимого, родившееся как сообщество «своих», объединенных общей целью — построением коммунизма (который и есть «добро» в конечной инстанции). Отсюда — логичная приверженность второй этической системе.

(Конечно, времена меняются. Уже нет СССР с его «железным занавесом»; современная Россия отказалась от концепции «врагов» и «друзей», стремится к партнерским отношениям со всеми странами. С другой стороны, в США усиливается тенденция разделения мира на «своих» и «чу-

жих», делается ставка на силовые действия на международной арене. Соответственно, отличие этических систем в России и США становится менее выраженным.)

Подводя итог, можно констатировать: выделенные В.А.Лефевром этические системы являются проявлением одного и того же механизма социальной самоорганизации, направленного на обеспечение «выживаемости» социальных субъектов в конкурентной борьбе, но для разных условий функционирования общества. Говоря образно, разные этические системы — две стороны одной медали.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М., Когито-Центр, 2003.
2. *Ризниченко Г.Ю.* Лекции по математическим моделям в биологии. Часть 1. Описание процессов в живых системах во времени. — Ижевск, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002.

Работа поддержана РФФИ (проект № 01-06-80142)
и РГНФ (проект № 01-03-00332).

ЭТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С.Ю. Малков

(Москва, Академия военных наук)

На основе выводов, полученных в [1], можно обсудить особенности формирования этических систем и их закрепления в обществах различного типа. В [1] показано, что формирование этических систем является результатом социальной самоорганизации, направленной на повышение «живучести» социальных субъектов в ходе их борьбы за существование в сложившихся исторических условиях. В условиях резкого позиционирования «свой - чужой» и дефицита жизнеобеспечивающих ресурсов в обществе закрепляется вторая этическая система [2], основанная на *декларации добра* среди «своих» и на жестком противостоянии «чужим». Если же общество состоит из независимых индивидов, преследующих различающиеся цели в условиях относительной достаточности ресурсов, то в нем закрепляется первая этическая система, основанная на *запрете зла*, установлении обязательных для всех правил общежития и способности индивидов к компромиссам с партнерами в рамках установленных правил.

Наиболее распространенными типами обществ в исторический период развития человечества являются аграрное и индустриальное общества. Рассмотрим логику формирования адекватных им этических систем.

1. Экономической основой *аграрных обществ* является сельское хозяйство; главным, жизнеобеспечивающим ресурсом является плодород-

ная земля. Этот ресурс по своей природе ограничен, вследствие чего за обладание им идет постоянная борьба. Население сообща охраняет свои земли от соседей, подозревая последних в агрессивных намерениях. Фактором усиления противопоставления «свой - чужой» является преобладание натурального хозяйства в аграрных обществах: сельское население живет замкнутым миром, «чужаки» вызывают настороженность и неприятие. В среде «своих» приветствуется взаимопомощь; социальная синхронизация общества достигается воспитанием коллективизма, путем «декларации добра».

В этих условиях закономерным образом формируется вторая этическая система. Ее укреплению способствуют внеэкономические методы социального управления, авторитаризм власти земледельческой и государственной элиты, жесткость социальных перегородок. Предпосылкой формирования первой этической системы в недрах аграрного общества является ослабление жесткости позиционирования «свой - чужой», развитие индивидуализма, усиление экономической и политической самостоятельности различных социальных субъектов. Однако развитие этих процессов постоянно прерывается в ходе политико-демографических циклов [3], присущих аграрным обществам.

Логика циклических изменений коротко может быть изложена следующим образом. Цикл начинается, как правило, с внешнего завоевания, в результате которого устанавливается жесткое авторитарное правление победителей, противопоставляющих себя завоеванному населению. Усилия победителей направлены на подчинение своей власти как местного населения, так и представителей бывших элит. Главой государства становится предводитель победителей, который формирует новую элиту из своих сподвижников и единомышленников. Лояльность новой элиты поддерживается раздачей завоеванных земель. В среде элиты сильны клановые традиции, обеспечивающие устойчивость отдельных семей и родов. Наследование имущества и земель проводится по пропорциональному принципу – всем сыновьям (или всем детям, включая дочерей): так обеспечивается принцип справедливости на уровне отдельной семьи. Однако уже через несколько поколений земельные наделы дробятся, центральная власть слабеет, поскольку уже не имеет свободного ресурса земель для раздачи приближенным. Усиливаются центробежные тенденции у элиты, растет индивидуализм. Государство постепенно распадается на слабосвязанные области, соперничающие друг с другом. Одновременно происходит неуклонное уменьшение крестьянских наделов (в силу все того же пропорционального принципа наследования). Из-за относительной перенаселенности начинается демографический кризис и сопутствующие ему волнения, бунты, восстания. Ослабевшая центральная власть уже не в состоянии справиться с ситуацией. Начинаются распри внутри элиты.

Дело заканчивается либо кровопролитной гражданской войной, в результате которой к власти приходит диктатор, либо вторжением в ослабевшее государство соседей, стремящихся воспользоваться ситуацией и расширить свои земельные владения. В любом случае вновь устанавливается жесткая центральная власть, авторитаризм, направленный на слом сопротивления старой элиты. И цикл начинается снова.

Таким образом, аграрное общество в ходе своей циклической эволюции постоянно воспроизводит условия для реализации второй этической системы.

2. Экономической основой *индустриальных обществ* является производство промышленной продукции и ее рыночное перераспределение среди членов общества на основе товарно-денежных отношений. В отличие от аграрных обществ, ресурсная база которых единообразна (земельный фонд) и с неизбежностью ограничена, ресурсная база индустриальных обществ многообразна (в нее входят полезные ископаемые, источники энергии, технологии, знания и т.д.) и, главное, изменчива (как правило, увеличивается в силу непрерывных технических инноваций). Другим важным отличием является переход от самодостаточности натурального хозяйства (способствовавшей замкнутости аграрных обществ) к производственной специализации и активному рыночному обмену продукцией между различными экономическими субъектами. Вследствие этого позиционирование «свой - чужой» перестает быть актуальным. Наоборот, полезной становится способность к установлению контактов с разными индивидами, к поддержанию бесконфликтных деловых отношений с ними. Активная экономическая деятельность подразумевает свободу действий и, в то же время, установление четко определенных правил игры. Нарушение этих правил есть «зло», дестабилизирующее общество. В соответствии с этим целью законодательной системы индустриального общества является «запрет зла».

В этих условиях закономерным образом формируется первая этическая система. Ее укреплению способствуют отсутствие жестких социальных перегородок, социальная мобильность, размывающая противопоставление «свой - чужой», развитый индивидуализм членов общества, адаптивная (демократическая) модель управления с постоянной корректировкой *статус-кво* во властных структурах посредством периодических выборов.

Очевидно, что социальные и этические системы аграрного и индустриального обществ кардинально отличаются друг от друга. Как же оказался возможным переход от одной системы к другой? Для этого нужны были *особые* условия. Такие условия сложились в эпоху Средневековья в Западной Европе. Она к концу династии Каролингов представляла собой лоскутное одеяло частных владений, центральная королевская власть была чрезвычайно слаба. По логике развития аграрных обществ соседи

должны были бы воспользоваться слабостью местных элит, напасть, и в результате их нашествия должен был бы начаться новый политико-демографический цикл. Но Западной Европе повезло: на нее не нашлось сильного завоевателя (это связано с ее лесистостью, пересеченностью рельефа и периферийным положением на континенте). Норманны и венгры, терроризировавшие Европу в IX-X веках, были заурядными разбойниками, которые только способствовали укреплению власти местной знати над крестьянами: чем дожидаться помощи от далекого короля, лучше спастись в замке местного графа (правда, затем будешь этому графу многим обязан, но тут уж ничего не поделаешь). Наличие *слабого внешнего врага* привела к уникальному результату: к XI веку Западной Европе сформировалась и закрепились примогенитура — принцип наследования, когда после смерти владельца земельный надел не дробится, а целиком наследуется лишь одним (как правило, старшим) из сыновей. Это нелогичный для аграрного общества принцип, он противоречит коллективистской морали, понятию справедливости в рамках второй этической системы (можно сказать, что это была своеобразная этическая флуктуация). Однако этот принцип оказался «полезным» в условиях средневековой Европы: благодаря ему окрепли экономические и политические позиции местной знати, что позволило ей самостоятельно противостоять набегам разбойников.

Примогенитура в крестьянских хозяйствах повысила их устойчивость, поставила преграду обезземеливанию, стабилизировала демографическую ситуацию. В итоге в Западной Европе на длительный срок была *законсервирована раздробленность*, которая сформировала новую политическую культуру — культуру *договорных* отношений на разных уровнях социальной иерархии (европейский феодализм, а затем и парламентаризм), культуру сдержек и противовесов, политических коалиций, препятствующих усилению какой-либо одного политического субъекта.

Примогенитура в крестьянских хозяйствах, остановив перманентный процесс уменьшения размеров земельных наделов, стабилизировала сельскохозяйственное производство, экономически усилило крестьянство. Одновременно, значительная часть населения (младшие братья, которым не достался в наследство земельный надел) стали работать по найму, что способствовало внедрению рыночных отношений на селе. Они же (младшие братья) стали демографической подпиткой растущих городов, фактором роста класса бюргеров. Необходимость самостоятельно добиваться устойчивого состояния в жизни без надежды на наследство способствовало развитию предприимчивости, индивидуализма в сознании, формированию первой этической системы.

Таким образом, эти и ряд других уникальных обстоятельств, сложившихся в Западной Европе к XI веку, прервали циклическую эволюцию

аграрного общества и ввели его в бифуркационное состояние, закончившаяся переходом на принципиально новую траекторию развития.

Литература

1. Малков С.Ю. Две этические системы: две стороны одной медали (см. настоящий сборник).
2. Лефевр В.А. Алгебра совести. М., Когито?Центр, 2003.
3. Нефедов С.А. О демографических циклах в истории средневекового Египта [<http://hist1.narod.ru/Science/Egipt/EgiptSV.htm>]; О демографических циклах в истории Ирака и Ирана (VII?XIII вв.) [<http://hist1.narod.ru/Science/Babilon/Irak.htm>] и др.

Работа поддержана РФФИ (проект № 01-06-80142)
и РГНФ (проект № 01-03-00332)

ПРЕДМЕТ КРИТИКИ И ПРОСТРАНСТВО РЕФЛЕКСИВНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ

В. Марача

(Москва, фирма «Навигатор. Учетные системы»)

1. Критика подразумевает параллельное развертывание двух «ленточек» размышления.

1.1. В первой «ленточке» осуществляется разбор(ка), реконструкция и оценка содержания текста, который является предметом критики. В этом смысле «осуществлять критику» означает не «ругать» (с чем у многих ассоциируется глагол «критиковать»), а «оценивать» — и притом делать это *взвешенно*, тщательно реконструируя предмет критики и приводя разумные основания своих суждений. На такой идее «взвешенной общественной оценки», которую И. Кант связывал со способностью суждения, построен институт *художественной критики*. *Философская и научная критика*, сверх того, предполагают восстановление пространства оценки, позволяющего отделять правомерные суждения о предмете критики от неправомерных (хорошей аналогией могут служить нормы о допустимости доказательств, принимаемые в уголовном процессе).

1.2. Вторая «ленточка» есть рефлексивное размышление по поводу первой, восстанавливающая *пространство* рациональной реконструкции и оценки предмета критики.

Иногда для восстановления такого пространства бывает достаточно сформулировать *рациональный критерий* оценки, привести общее понятие или теорию, под которую предмет критики «подводится» как частный случай. Но когда предмет критики сам является сложным теоретическим построением, для предъявления оснований его оценки требуется разворачивание особого рассуждения — параллельного исходному. Подоб-

ное рассуждение может включать формулирование *антитезиса* — тогда критика переходит в *спор, полемику*. Это происходит далеко не всегда, но в любом случае необходимым условием критики является «двухленточная» организация дискурса.

2. Пространство реконструкции и оценки предмета критики — это *объемлющая его система «рефлексивного мышления»*, включающая основания выделяемого содержания, контексты, в которые оно помещается, используемые мыслительные средства (понятия, схемы, идеальные объекты и т.п.) и способ их употребления в исходном тексте.

3. В истории философии появление «рефлексивного мышления» в указанном выше смысле «надстройки над» и «рефлексивного охвата» некоторого «первичного» размышления связывается с именем И. Канта. В данном контексте его «Критику чистого разума» (1781) и «Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» (1783) можно рассматривать как первую попытку построения рефлексивного размышления, по отношению к которому предшествующая «докритическая» философия становится «первой ленточкой» — и, стало быть, предметом критики.

4. Осуществляемый рефлексивным мышлением анализ способов употребления мыслительных средств в исходном тексте позволяет выйти на *проблемные области*: обнаружить противоречия между разными средствами, указать на методологические ограничения, недостаточность используемых средств, наметить путь «достройки» имеющейся системы средств до целостного *подхода*.

5. Реализация намеченного пути в дальнейшем подразумевает отрыв рефлексивного размышления от предмета критики и переход от критики в описанном выше смысле (как мышления двумя параллельными «ленточками») к *самостоятельному движению мысли*, полагающему собственное «позитивное» содержание (именно так действовал К.Маркс по отношению к «классической буржуазной политэкономии»).

6. В методологическом плане рассмотренное понятие критики опирается на представление о том, что «всякая мыслительная деятельность всегда предполагает, как минимум, *две интенциональности*. Одна связана с полаганием *объектов и предметов* мысли, вторая — с полаганием *пространств*, в которых эти предметы и объекты существуют (могут существовать).

7. Вторая интенциональность (которая еще в средневековой философии получила название «*intencia secunda*») связана с введением новых правил предметизации и может опосредоваться специальными понятиями, онтологическими или логическими конструкциями.

8. Наличие двух указанных интенциональностей в любом акте мысли, на наш взгляд, создает сам феномен *мышления* и делает его объемлю-

щим процессом по отношению к другим интеллектуальным процессам». При этом частные интеллектуальные процессы (важнейшими из которых являются *понимание* и *рефлексия*) «сосуществуют и разворачиваются внутри пространства мыслительной работы. Мышление... задает принципы и способы сборки, организации этих процессов, их место, назначение и роль в названном пространстве» (см.: *Шедровицкий П.Г. С чем войдем в XXI-й век? // Народное образование. 1992*).

9. Сказанное позволяет соотнести две «ленточки» размышления, образующих конструкцию рассмотренного понятия критики, с двумя интенциональностями, и уточнить привязку каждой из них к интеллектуальным процессам.

9.1. Вторую интенциональность можно связать «с рефлексией и рефлексивным мышлением; именно рефлексия отвечает за выявление фона, контекста, конституирование пространства существования. Функция рефлексии есть *функция проведения контуров и границ*; всякая рефлексия есть прежде всего *ограничение и оконтуривание*.

9.2. *Первая интенциональность, напротив, будет связана с привнесением смысла как материала мышления и рефлексии, выявлением «пятен» объектности и предметности (на этом фоне), конструированием объектов, и сопряжена с процессами понимания»* (см.: там же).

ЗАДАННАЯ РЕФЛЕКСИЯ И МОДИФИКАЦИЯ ДЕВИАНТНОГО СУБКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н.Е. Маркова
(Москва, ИСЭПН РАН)

Практическое изучение контркультурных явлений, вызванное широким распространением молодежных субкультурных течений в последнее десятилетие, ставит под сомнение основные подходы западной официальной науки:

а) «теорию субкультуры» британских социологов, рассматривающих молодежные движения как «момент идеологического сопротивления буржуазным ценностям современного западного общества»

б) функционалистский подход американских социологов, определяющих молодежные субкультуры как переходный период от детства к взрослости в современном индустриальном обществе.

Исследования показывают, что основную роль в формировании субкультурной идеологии как у отдельного субъекта, так и в субкультурных течениях и группах играет заданная рефлексия. Адрес формирования и направление заданности выражены известной формулой Лазарсфельда. Становление субкультуры сопровождается информационной поддержкой

в виде кинофильмов, журнальных и газетных статей, художественной и публицистической литературы, сайтов и форумов в интернете.

Направление рефлексии субъекта, затронутого субкультурной коммуникацией, определяют стимулы, присутствующие в подобной информации и мощно воздействующие на сферу чувств. Затрагивая важную для субъекта потребность, стимул определяет заданность рефлексии. Система благоприятных стимулов позволяет формировать желательный тип поведения. Положительные подкрепления формируют мотивацию субъекта.

Прагматичной приманкой субкультурной мифологии, транслируемой в информационное пространство, является удовлетворение потребности. Часто информация такого рода обусловлена половым стимулом и содержит обещание субъективной трансформации, расширение, увеличение личности, т.е. стимулирует потребности самоактуализации и реализации потенциала. Так происходит информационное заражение.

Субкультурная *модель* (поп-звезда, киноактер, спортсмен), транслирующая сексуальный стимул, обуславливает субкультурные внешние коды, положительно подкрепляя стимулирование. Изменение внешних кодов на субкультурные вознаграждает субъекта присоединением к группе и отвечает потребности принадлежности и приятия. Группа, объединенная рефлексией, заданной мифологией субкультуры, модифицирует девиации, чему способствует действие законов группы и психотехника ритуалов девиантной направленности, обозначенных в мифологии субкультуры:

1. Объединение единым ритмом (кричалки, речевки, хоровое чтение заклинаний);

2. Общее заражение эмоцией, обозначенной субкультурным текстом;

3. Последующее нивелирование индивидуальных личностных качеств индивидуумов-участников группы в сторону групповой идентификации, сопровождающейся эффектом регрессивной идентификации, выражаемой повышенным ощущением жизни, восторгом, эйфорией одновременно с резким понижением умственного уровня. Положительное подкрепление характерных реакций определяет дальнейшую рефлексию, приближает поведение к нужному типу модификации.

Регрессивная идентификация позволяет легко перейти к инициации, изменяющей нормы личности. Ритуальная инициация, выражающаяся в каких-либо совместных девиантных или преступных действиях против *врагов*, обозначенных в мифологии, изменяет личность и закрепляет модифицированные реакции. Субъект, совершивший девиантный поступок, оказывается *вне* общества. Происходит чудовищная подмена. Вместо трансформации увеличения, расширения личности – прямо противоположная субъективная трансформация – сужение, уменьшение личности.

Вместо самоутверждения и счастья — потеря себя, глубочайшее несчастье. «Это хорошо известное явление аналогично потере души у первобытного человека...» (К.Г. Юнг).

Признание субъекта девиантом ведет за собой стигматизацию, т.е. еще большее отчуждение от общества. Нарушение социальных норм порождает депрессию. Возникает порочный круг «депрессия - негативное самоощущение — депрессия». Члены модифицированной девиантной группы употребляют идеологически санкционированные субкультурой наркотики, совершают девиантные поступки и состоят в оппозиции к обществу.

Заданная рефлексия изменяет класс реакций (социальную норму) субъекта на прямо противоположный, характерный для данной субкультурной группы. Среди них: совместное преступление социальных норм, разрушение этических, физиологических, половых табу. Исходя из реально исполняемых девиантной субкультурой функций, можно предположить, что цели модификации субкультурного поведения — изменение социальных и культурных норм, распространение девиаций, маргинализация части общества.

Исследования выполнены на средства гранта
РГНФ №020318103 а

РЕФЛЕКСИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.В. Матвеева

(Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Глобализация информационного пространства и технические достижения в области СМИ превратили телевидение и Интернет в мощнейший фактор воздействия на картину мира как отдельного человека, так и политических и экономических коллективных субъектов. СМИ в настоящее время представляют собой громадный этнокультурный перекресток, на котором осуществляется попытка построения «информационной Вавилонской башни», проводятся информационные войны и реализуются сценарии информационного терроризма. Основной целью такого мощного информационного вторжения является структура индивидуального и коллективного сознания человеческого сообщества.

Главной задачей психологии в области информационной безопасности, на наш взгляд, является научная рефлексия характера информационных взаимодействий в ментальном плане с участием СМИ. Прежде всего нам хотелось бы выделить три основных черты, характеризующих существование человечества в информационной «глобальной деревне» Маклюэна.

1) Развитие средств массовой коммуникации породило феномен «*дефицита от избытия*» (Г.Г. Дилигенский). Этот дефицит выражается не «... в недостатке фактических сведений, а в типичном именно для общественно-политического познания каузальном дефиците (т.е. недостатке информации о причинно-следственных связях)» [1].

2) Повсеместное распространение мультимедийных средств коммуникации модифицировало все стороны жизни общества (общественно-политическую жизнь, информационные взаимодействия, межличностное общение и т.д.) в спектакль, отрежессированный как по содержательной, так и по пространственно-временной характеристике, т.е. породило еще одну размерность в картине мира человека — *перформансность*, что находит свое выражение в смещении игровой и практической деятельности. Все это Хейзинга называет универсальной характеристикой современной культуры, выражающейся в категории «пуерилизма» (ребячливость), и видит проявление этого феномена в потребности в банальных развлечениях, тяге к сенсациям, массовым зрелищам, а также в потребности поведения как бы по мерке отроческого и юношеского возраста, что выражается в обычаях, привычках и современных формах духовного общения [2].

3) Доминирование опосредствованных способов взаимодействия между людьми привело к тому, что визуальная коммуникация, визуальные коды и визуальные образы стали основным средством передачи информации. Понятие харизмы видоизменяется в понятие имиджа, а понятие красоты видоизменяется в понятие выразительности.

Все это приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества в информационном обществе, человек начинает искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в половой и этнокультурной сфере. В силу этого основными категориями анализа межкультурного информационного пространства являются этнические стереотипы и этническая картина мира, которая характеризуется прежде всего ритуалами, характером восприятия пространства и времени, системой ценностей и отношениями личности и общества.

В связи с вышесказанным мы можем выделить несколько типов границ психологической безопасности в информационном пространстве: биологический уровень — воздействие на человека может осуществляться с помощью изменений в технологии передачи аудиовизуальной информации через технические средства коммуникации; психофизиологический уровень — воздействие возможно через модификацию пространственно-временных характеристик сложных сигналов; собственно психологический уровень — воздействие осуществляется с помощью демонстрации определенных форм поведения индивидов, межличностного взаимодействия и характера реализации всех форм проявления

человека; социальный уровень — воздействие может быть произведено с помощью трансляции различных форм группового поведения, отношения меньшинства и большинства, отношений лидера и общества в целом.

Литература

1. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М.: Новая школа, 1996. С. 45-46.
2. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня. — М.: НЛ. 1992.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ
(проект № 02-06-00241a)

РЕФЛЕКСИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ – СРЕДСТВО ВЫЖИВАНИЯ КОМПАНИИ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Р.А. Мединцев

(Москва, ЗАО «Центр Обслуживания Продаж Энергии»)

Необходимость рефлексивного подхода в менеджменте двояка. С одной, стороны рефлексия необходима для описания поведенческих аспектов менеджмента. С другой стороны, рефлексия выступает как методология исследования в таких областях менеджмента как создание организационной структуры, планирование, контроллинг, реинжиниринг бизнес-процессов.

В узком смысле рефлексия понимается как операция осознания, мысль второго порядка, мысль о мысли. Мы будем определять рефлексию также как выход из поглощенности объектом, подчеркивая тот факт, что рефлексия является способом переосмысления сложившихся стереотипов.

Одной из основных проблем в управлении организацией является ограниченность руководителей и сотрудников рамками своих «системных представлений». Выход из «поглощенности объектом» является осознанием руководителем факта этой ограниченности. В условиях быстроменяющейся внешней среды многие правила ведения бизнеса устаревают ранее, чем становятся принятыми в компании стандартами.

Популярным способом выживания компании в современных условиях стал реинжиниринг бизнес-процессов. М. Хаммер и Дж. Чампи определяют реинжиниринг как «фундаментальное переосмысление и радикальное перепроектирование бизнес-процессов компаний для достижения коренных улучшений в основных актуальных показателях их деятельности: стоимость, качество, услуги и темпы». Речь идет не о небольшом усовершенствовании бизнес-процессов компаний на 10-100%, а о кардинальном повышении их эффективности, в десятки или даже в сотни раз.

Чтобы понять сущность реинжиниринга, мы должны найти некоторые инварианты, или принципы, которые не изменяются при проведении различных проектов реинжиниринга. Главный принцип, который подвергается критике Хаммером — это принцип разделения труда, предложенный А.Смитом в «Исследования о природе и причинах богатства народов». Однако в XVIII веке идея разделения труда явилась «фундаментальным переосмыслением и радикальным перепроектированием бизнес-процессов компаний», которая привела к коренному улучшению показателей деятельности компаний. Принцип разделения труда был подлинным реинжинирингом для своего времени, и отказ от него не может быть «инвариантом» при анализе реинжиниринга.

Второй основной принцип реинжиниринга: «клиент всегда прав», означает, что уже не существует «массового потребителя», и производитель должен подстраиваться под нужды каждого клиента. Однако этот принцип превращается в стереотип, для преодоления которого иногда требуется новый реинжиниринг. Так, при установке компьютерных информационных систем исполнитель подстраивается под бизнес-процессы конкретного заказчика. В результате процесс инсталляции растягивается на многие месяцы. Альтернативную методику (Fast Forward) внедрения информационных систем предложила компания Oracle. Идея, которая лежит в основе методики Fast Forward — стандартизировать внедрение корпоративных информационных систем, то есть применить конвейерный, промышленный подход не только к разработке системы, но и к ее инсталляции.

По нашему мнению, инвариантом при проведении реинжиниринга является *рефлексивное мышление*. На это обращают внимания и авторы реинжиниринга. «Реинжиниринг основан на концепции прерывистого мышления — отыскании устаревших правил и фундаментальных допущений, на которых строится работа, и решительном разрыве с ними».

В последнее время было осуществлено большое количество проектов реинжиниринга предприятий. Многие из них оказались неудачными. Одной из причин неудач при проведении реинжиниринга считается отсутствие взаимодействия между специалистами двух типов — профессионалами в области реконструируемого бизнеса и разработчиками информационных систем. Возникает проблема поиска общего языка, нового системного представления, которое интегрировало бы системные представления ИТ-специалистов и бизнес-профессионалов. Для описания бизнеса с помощью данного системного представления в моделировании бизнеса применяются объектно-ориентированные методы, CASE-технологии, имитационное моделирование процессов. Думается, что число неудач было бы меньше, если рассматривать реинжиниринг бизнес-процессов не как революцию, а как часть общей методологии.

Современной компании не выжить без способности к инновациям. «Инновация – это не изобретение и не открытие. Хотя и то и другое может иногда потребоваться. Ее сущность скорее концептуального характера, чем технического или научного. Характерным качеством новатора является способность объединить в систему то, что другим представляется несвязным набором разрозненных элементов. Это успешная попытка найти и включить в свой бизнес последнюю частичку, которой недостает, чтобы превратить уже существующие элементы (знания, товары, покупательский спрос, рынки) в новое и более продуктивное целое» (П. Друкер).

Фирма IBM в свое время отказалась от идей персонального компьютера и копировальной техники. Это яркий пример того, что инновация связана скорее с рефлексией, чем с научным открытием. В инновационном процессе важно соединить системные представления ученого-изобретателя и бизнес-менеджера. Новое системное представление формируют инновационные менеджеры. Главная ценность в компании в современных условиях – это люди. Часто проблемы компании заключаются не в организационной структуре или неоптимизированных бизнес-процессах, а в неспособности понять, что различные лица по-разному воспринимают проблемы компании, имеют различные интересы, мотивации. Учет этих факторов невозможен без способности руководителей к рефлексии.

Таким образом, рефлексивный подход позволяет объединить в единой идеологии различные концепции и теории менеджмента и сформировать у руководителя целостный взгляд на организацию.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И СПЕЦИФИКА ЕГО РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Н.А. Мусеева

(Москва, Российский государственный аграрный заочный университет)

По мере того, как общество все более осознает важность самоопределения и самоидентификации, возрастает потребность в изучении русского национального характера. Сегодня Россия переживает один из самых критических периодов своей истории, и создавшаяся ситуация заставляет внимательно исследовать этот феномен и процесс его трансформации.

Многими исследователями признаётся, что национальный характер образуется в результате взаимодействия генетических и традиционнокультурных, географических и социально-политических тенденций развития этноса, что он способен изменяться по мере развития общества, что народы и национальные характеры меняются, как с возрастом люди. На вопросы же о том, в какой мере национальный характер подвержен

изменениям и на сколько устойчиво его этническое «ядро», ещё только предстоит ответить. Обсуждение национального характера в большей степени идет в абстрактно-теоретическом ключе, без выхода на те реалии, которые охватываются понятием «русский национальный характер». Представляется, что без учёта своеобразия рефлексивной деятельности невозможно понять феномен национального характера и как социально-этнического образования, и как философско-психологического явления.

В изучении своеобразия рефлексивной деятельности в России можно выделить ряд аспектов.

Во-первых, познание национального характера позволяет выявить способы воздействия общества на личность, формирование образцов поведения человека и стереотипов его мышления. Необходим анализ специфических для России процессов рефлексивного управления личностью в обществе, поскольку своеобразия власти в России является отражением особенностей русского национального характера.

Во-вторых, особый интерес представляет анализ отношений «народ-власть». Если институты власти изучаются социологами, то властные субкультуры ещё только ожидают культурологического исследования. Культурологи должны обладать систематическим представлением о специфических субкультурах политиков, контролирующих органов и исполнительных государственных программ.

В-третьих, требует особого изучения специфичность рефлексивности не только властных элит, но и широких народных масс. Существует необходимость в знании противоречий русского национального характера, ментальности, типичных реакций на различные ситуации. Необходимо раскрыть и обсудить в этом характере его сильные и слабые стороны, выявить механизм его рефлексивности. Такой анализ мог бы быть и кросс-культурным. Серьёзный научный интерес представляет теория В. Лефевра о существовании двух типов этических систем, которые он связывает с поведением американцев и русских. Примечательно, что В. Лефевр считает: современные «компьютерно-виртуальные» возможности создают условия для формирования у подрастающего поколения иного типа морального сознания. Подобно врачу исследователь культуры должен чётко поставить диагноз и предложить методы лечения. Изменение некоторых черт национального характера вполне возможно и даже необходимо.

В-четвёртых, задачи рефлексивного исследования национального характера и попытка его трансформации являются делом интеллигенции, которая, по замечанию В.Е. Лепского, должна стать коллективным психотерапевтом, понимающим особенности национального характера и предлагающим через их осознание самоизменение как способ гармонизации отношений с мировым сообществом и нахождения в нём своего места.

В-пятых, одной из таких реальных серьёзнейших задач может стать формирование в России гражданского общества, отсутствие которого в стране — одна из причин неудачности социальных преобразований. Реальные предпосылки для построения гражданского общества в России позволяет создать только пробуждение рефлексии народа. Как уже отмечалось В.Е.Лепским, такая задача близка по духу российской культуре, но требует понимания и изучения свойственных русскому национальному характеру образцов поведения и стереотипов мышления с целью их корректного изменения. Безусловно, эта задача не может быть выполнена без конкретных исследований, проводимых на стыке социологического, культурологического и психологического знания. Очевидно, что задача пробуждения рефлексии предполагает возможность рационального поведения и со стороны среднего россиянина.

Изучение сути данных вопросов может многое объяснить в истории российского народа и российского государства, в видении перспектив развития. Понимание такого феномена как русский национальный характер позволит проникнуть в механизм развития России, поможет использовать потенциал её рефлексивности.

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КОММУНИКАТОРА КАК ОСНОВА УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТАКТА С АУДИТОРИЕЙ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю.В. Мочалова

(Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова)

Имидж телевизионного канала, на формирование которого оказывает влияние как общая концепция канала, так и возможности телевизионных выразительных средств его оформления, находит свое воплощение и в персоналиях ведущих различных передач канала.

Коммуникативный стиль ведущих телепрограммы, реализуемый ими для установления и поддержания контакта со зрителем, создания интересной для зрителя ситуации общения, является одним из важнейших выразительных средств телевидения, а иногда даже знаком его художественных достижений. Стиль общения ведущего телевизионной передачи опосредствует также процесс его личностного самовыражения.

Факт многократного увеличения за последнее время количества социальных заказчиков телевидения по-новому поставил перед телезрителями вопрос о том, какому источнику информации можно доверять. В то время как в межличностном взаимодействии контекст общения формируется опытом знакомства партнеров по общению, совместной деятельностью людей, сложившимися между ними взаимоотношениями, в теле-

визионной коммуникации пространств социального контекста взаимодействия со зрителем является задачей авторов передачи и руководителей канала.

В этих условиях на ведущих прямого эфира, обозревателей аналитических программ ложится ответственность за удержание зрительского внимания необходимое количество времени, кроме этого сама личность ведущего становится фактором, опосредующим доверие зрителя к добропорядочности работы большого числа сотрудников телевизионного канала. Ведь ведущий телевизионной передачи представляет зрителю не только собственную личность, но и героев передачи, видеоматериалы, подготовленные коллегами, цитирует высказывания официальных лиц.

Стиль общения ведущего телевизионной передачи мы определяем как индивидуальный рисунок коммуникативных действий по организации ситуации общения с героями программы и телезритателями.

В репертуаре индивидуальных средств общения личности принято выделять вербальную и невербальную составляющие.

Первая отражает особенности жанра передачи, а также такую психологическую составляющую личности ведущего как «экстравертированность – интровертированность». На эту составляющую оказывает влияние стилистика разговорной речи, а также личное отношение ведущего к художественной литературной традиции.

Невербальная составляющая идентифицируется при описании выразительных движений ведущего, рисунка позы, особенностей его визуального контакта с гостями студии и телезритателями. Важное место отводится квалификации характера жестикуляции, мимике лица. Также учитывается сила голоса, его высота, тембр и мелодичность интонации. Специальное внимание уделяется динамичности выразительного поведения телеведущего и его умению акцентировать важные смысловые моменты речи невербальными средствами.

Вслед за ленинградской исследовательницей Т.Б.Беляевой, имеет смысл выделить такие качественные характеристики невербального стиля общения телеведущих как 1) коммуникабельность; 2) динамичность; 3) выразительность. Невербальное поведение выражает отношение к партнеру по общению и некоторые другие так называемые глобальные аспекты интеракции.

Гармоничность стиля общения телеведущего, которая выражается в согласованности его вербальной и невербальной составляющих, повышает степень доверия зрителя к сообщаемой ведущим информации. В свою очередь, определенная дисгармония между вербальной и невербальной компонентами стиля общения ведущего на неосознаваемом уровне служит сигналом,стораживающим зрителя при принятии решения о степени объективности информации.

Литература

1. *Матвеева Л.В., Шкопоров Н.Б.* Связь с аудиторией в телекоммуникации. Ч. 2. Прикладные исследования. М., Гостелерадио, 1991.
2. *Беляева Т.Б.* Стиль общения ведущего и его влияние на восприятие учениками учебных телепередач. Дисс. на соискание уч. ст. к.п.н. Ленинград, 1982.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ
(проект № 02-06-00241а)

РЕФЛЕКСИЯ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

А.К. Мукашева

(г. Владимир, Владимирский государственный педагогический университет)

В социальной психологии рефлексия — это «не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие знают и понимают «рефлектирующего»... Это процесс «удвоенного зеркального взаимоотражения субъектами друг друга».

Анализ философско-психологических источников, касающихся рефлексии, позволяет сделать вывод о целесообразности изучения этого феномена в контексте психологии социального познания.

Психология социального познания изучает, как обыкновенный человек познает себя, других людей и социальную реальность. В повседневной жизни любой человек, даже высокообразованный, нередко выступает в статусе «наивного психолога». Как таковой, он стремится понять самого себя, анализирует свои жизненно важные задачи и поступки, рефлексировать по поводу своей жизни в целом.

С глубокой древности мыслители знали о житейском гнозисе, но предпочитали исследовать научное познание. В конце XX века проблема житейского гнозиса переросла индивидуальными рамками: искаженное познание социальной реальности даже одним человеком или небольшой группой людей способно отрицательно повлиять на ход крупномасштабных общественных событий. Возникла необходимость, говоря словами А.Ф. Лосева, «выйти за пределы обыденщины для осмысления самой же обыденщины».

В России сложилась богатая традиция изучения рефлексии, заложенная отечественными психологами. Сейчас рефлексия выступает в качестве объяснительного принципа для раскрытия содержания различных психологических явлений.

За рубежом, несмотря на известный отказ от изучения рефлексии, скомпрометированной в свое время интроспекцией, психологи, работа-

ющие в области социального познания, проявляют интерес к рефлексии, рефлексивному сознанию, саморефлексивному мышлению.

В 1966 г. Е.Т. Хиггинс, исследуя конструкцию субъекта «Я – дайджест», показал, что главным в ней для субъекта является отнюдь не проблема: «Кто Я?» (познание как цель); а испытуемого прежде всего волнует ответ на вопрос: «Каковы мои взаимоотношения с миром?» (познание как средство). Автор делает вывод, что рефлексивный момент в этой конструкции характеризует прагматическую, интерактивную направленность субъекта на обретение удачной возможности вписаться в окружающую среду для извлечения социальных благ. В этом же году В.А. Лефевр подчеркнул, что у психолога объект исследования таков, что без учета рефлексивного момента снять «объективные параметры невозможно».

В последующие годы новые идеи В.А. Лефевра о применении модели рефлексии к системам, «наделенным разумом», а также результаты исследований рефлексии отдельными учеными и научными коллективами вывели рефлексию на новый теоретико-методологический уровень. Это уровень огромного теоретического потенциала для исследования роли рефлексивных процессов в формировании и функционировании механизмов социального познания: Я-схем, стереотипов, аттитюдов, атрибуций и т.п. Их рефлексивные моменты не только воздействуют на познание субъектом социальной реальности, но и значительно влияют на его деятельность.

Социальное познание как «огромная исследовательская область» включает в себя социальное мышление, «мышление личности о своей социальной действительности». Но, «как ни важна аналитическая работа мышления, – писал С.Л.Рубинштейн, – она не исчерпывает задач познания». Задачи познания – «понять, осмыслить, объяснить мир явлений, в котором мы живем и действуем». Социальное мышление, направленное на познание социальной действительности, характеризуется высокой степенью рефлексивности.

Используя «Методику диагностики уровня социального мышления личности» К.А. Абульхановой и Г.Н.Ярошенко, мы провели исследование социально-психологической рефлексии студентов ВГПУ. Оказалось, что, объясняя свои житейские проблемы, студенты прежде всего исходят из понимания самих себя. В разрешении конфликтов с окружающими людьми студенты проявляют авторитарный стиль общения, обвиняют окружающих, а не себя. Обсуждение результатов указанного исследования со студентами показало, что студенты (в терминологии Г.Марселя) стремятся к восприятию себя как «анклава», каковым они на самом деле не являются. Г. Марсель указывал, что «только рефлексия высшего уровня в состоянии вскрыть обманчивый характер подобной локализации».

Размышления обыкновенных людей о своей обыденной жизни спонтанны. Таким размышлениям никто никого специально не обучает. Соци-

альное познание стихийно формируется социальной средой. Если человеку удастся получить адекватное социальное познание, он способен к рефлексии высшего уровня, «когда сосредоточенное на себе «Я», в конечном счете ждет своего признания единственно от другого». В стабильном обществе это происходит как само собой разумеющееся. В обществе нестабильном, коррумпированном, без четких нравственных норм и т.п., люди в своей обыденной жизни, «пожертвовав самостоятельностью суждений, не способны к рефлексии высшего уровня. Такой человек может рассматривать проблему своей жизни «как проблему голой эффективности», отринув изначально присущее человеку чувство «соотнесенности» с другим.

В связи с изложенным мы предполагаем, что рассмотрение рефлексии в контексте психологии социального познания представляется чрезвычайно плодотворным для становления и развития этой новой отрасли психологической науки.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ЭРГОНОМИКА

М.В. Найченко

(Москва, ГНИИИ ВМ МО РФ)

Эргономика призвана решать задачу проектирования деятельности человека путем соответствующего задания и реализации эргономических требований к орудиям и средствам труда, интерьерам рабочих помещений, производственной среде в целом, а также путем разработки способов их использования в трудовом процессе. Социальное значение эргономики определяется выявлением структуры социальных целей и результатов внедрения своих разработок в практику.

К социальным целям эргономики можно отнести всестороннее развитие человека, развитие и совершенствование общественных отношений, возникающих в процессе труда, безопасность труда и сохранение здоровья трудящихся. При этом необходимо подчеркнуть, что указанные социальные цели достигаются эргономикой в тесном содружестве с другими науками.

Сегодня задача освоения данных о возможностях и особенностях человека при проектировании и создании техники не может быть решена без высокой культуры проектирования, неотъемлемой частью которой должны стать фундаментальные знания о человеке и его деятельности. Наконец, решение этой задачи требует и правильной социальной ориентации в перспективах человека в эпоху информационных технологий.

Однако до настоящего времени в нашей стране продолжает доминировать технико-центрированное проектирование, рассматривающее в

первую очередь технические вопросы, а человека и организационные факторы, во вторую.

В ряде развитых стран выражена тенденция к преодолению техноконцентрированного проектирования путем изменения его ценностей, принципов и методов. Ускорителем таких изменений должно стать человекоориентированное проектирование техники, которое формируется в эргономике и уже воплощается на практике. Однако теория такого проектирования разработана еще не полностью.

Чтобы наметить пути развития эргономики и человекоориентированного проектирования, необходимо выйти за их рамки и обратиться к социологии, психологии, физиологии, в центре внимания которых всегда находится человек, его духовное развитие. Только опираясь на них, эргономика сможет действительно способствовать проектированию требуемых условий деятельности человека.

Объединение социального и эргономического проектирования, при котором взаимосвязано рассматриваются и социальные, и эргономические вопросы, обуславливает не только изменение методологии проектирования, но и формирование новых ценностей, которые становятся принципами создания техники.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ИГРЫ: МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Д.А. Новиков, (Москва, Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН)

А.Г. Чхартишвили (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Одним из фундаментальным свойств бытия человека является то, что наряду с природной («объективной») реальностью существует ее отражение в сознании. При этом между природной реальностью и ее образом в сознании существует неизбежный зазор, несовпадение. Целенаправленное изучение этого феномена традиционно связано с термином «рефлексия», который в различных философских системах (у Д. Локка, Г. Лейбница, Д. Юма, Г. Гегеля и др.) имел различное содержание. Систематическое исследование рефлексии с точки зрения психологии началось в 60-е годы XX века (школа В.А. Лефевра [1]). Настоящий доклад посвящен обсуждению математических подходов к описанию рефлексии и, в частности, описанию основных результатов исследования авторами нового раздела математической теории игр – рефлексивным играм [2].

Различают рефлексию первого и второго рода. Рефлексия субъекта относительно своих собственных представлений о реальности, принципах деятельности и т. д. называется *авторефлексией* или *рефлексией пер-*

вого рода, в отличие от *рефлексии второго рода*, которая имеет место относительно представлений о реальности, принципах деятельности и т. д. других субъектов. Пусть рефлексирующий субъект является экономическим *агентом*, который стремится максимизировать свою функцию полезности, выбирая одно из этически допустимых действий. Тогда природная реальность входит в функцию полезности субъекта как некий параметр, а результаты рефлексии (представления о представлениях и пр.) аргументами функции полезности не являются. Тогда можно сказать, что авторефлексия как бы не нужна — она не изменяет оптимальное действие экономического агента. Математическая теория игр (окончательное формирование которой обычно связывают с выходом в 1944 г. первого издания монографии [3]) традиционно сосредотачивает внимание в первую очередь на экономическом взаимодействии. Соответственно, в данном докладе под рефлексией имеется в виду рефлексия второго рода.

Под *игрой* будем понимать взаимодействие агентов, интересы которых не совпадают. Таким образом, основная задача теории игр заключается в описании взаимодействия нескольких субъектов, интересы которых не совпадают, а результаты деятельности (выигрыш, полезность и т.д.) каждого зависят в общем случае от *действий* (стратегий, выборов) всех. Описание игры заключается в задании следующих параметров: множества игроков; предпочтений игроков (зависимости выигрыша от действий); множеств допустимых действий игроков; информированности игроков. Условно говоря, множество игроков определяет, кто участвует в игре. Предпочтения отражают, что хотят игроки, множества допустимых действий — что они могут, а информированность — что они знают.

Пусть агенты совершают выбор своего действия одновременно и независимо. Для принятия решения в описанной ситуации каждый агент должен так или иначе смоделировать действия других агентов, чтобы самому выбрать действие, максимизирующее целевую функцию (предположение о том, что агент, выбирая свое действие, пытается максимизировать целевую функцию с учетом всей имеющейся у него информации, называется *гипотезой рационального поведения* [4]). Размышления агента о выборе своего действия включают в себя *стратегическую рефлексию* — какие действия выберут остальные агенты? Или, говоря более широко, какие принципы принятия решения они используют в рамках своей информированности об игре?

В более сложной ситуации выигрыши агентов зависят не только от их действий, но и от некоторого неопределенного параметра, значение которого не является общим знанием (*common knowledge*) (см., напр., [2, 5]). Тогда стратегической рефлексии логически предшествует *информационная рефлексия* — размышления агента о том, что каждый агент знает (пред-

полагает) о неопределенном параметре, а также о предположениях других агентов и пр. Совокупность всех этих взаимных представлений образует *структуру информированности* агента – бесконечное дерево, вершинам которого соответствует информация (представления) игроков о существенных параметрах. В качестве существенных выступают внешние по отношению к рассматриваемой системе параметры – *состояние природы*, а также представления игроков о представлениях других игроков о состоянии природы и т. д. Игра, участники которой принимают решение на основе своих структур информированности, называется *рефлексивной игрой* [2], и ее решением является *информационное равновесие* [6].

Наличие структуры информированности подразумевает, что у каждого агента имеется некоторое представление о структурах других агентов, а также об их представлениях о представлениях других и т. д. Эти представления могут быть как адекватными, так и не адекватными, т. е. не совпадающими с истинными. В последнем случае в сознании реального агента существуют *фантомные агенты* (структуры информированности которых являются поддеревьями его структуры информированности), и именно с ними он (субъективно) взаимодействует в момент принятия решения. Таким образом, фантомные агенты также участвуют, наряду с реальными, в формировании информационного равновесия. При этом бесконечность дерева структуры информированности порождает бесконечность его поддеревьев, т. е. бесконечное число фантомных агентов.

Хотя участвующих в игре реальных и фантомных агентов бесконечно много, это означает лишь потенциальную бесконечность осуществления актов рефлексивного отражения. Действительно, даже в простейшей ситуации возможно бесконечное развертывание рассуждений вида «я знаю...», «я знаю, что ты знаешь...», «я знаю, что ты знаешь, что я знаю...», «я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь...» и т. д. Однако на практике такая «дурная бесконечность» не имеет места, поскольку, начиная с некоторого момента представления «стабилизируются» и рефлексия не дает ничего нового. В таких случаях структура информированности, оставаясь бесконечной, имеет конечную *глубину* – начиная с некоторого уровня рефлексии «не возникает» новых фантомных агентов (строгое определение см. в [2, 6]).

Наличие модели рефлексивной игры позволяет конструктивно и корректно сформулировать задачу *рефлексивного управления*, заключающуюся в формировании управляющим органом такой информационной структуры, что реализующееся в ней информационное равновесие наиболее выгодно с его точки зрения. Примеры рефлексивных игр, постановки задач рефлексивного управления и методы их решения для ряда моделей (скрытое управление, информационное управление через СМИ, информационное управление экономическими системами, рефлексия в психо-

логии, художественных произведениях и др.) приведены в [2, 7]. Перспективным представляется дальнейшее развитие теоретико-игровых моделей взаимодействия рефлексизирующих субъектов и установление соответствия между этими моделями и реальными эффектами информационного управления.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
2. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. М.: Синтез, 2003.
3. *Нейман Д., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
4. *Губко М.В., Новиков Д.А.* Теория игр в управлении организационными системами. М.: Синтез, 2002.
5. *Geanakoplos J.* Common Knowledge. Handbook of Game Theory, Vol. 2, ed. R. Aumann and S. Hart. Elsevier Science B.V., 1994. 1438 – 1496.
6. *Чхартишвили А.Г.* Информационное равновесие / Управление большими системами. Сборник трудов молодых ученых ИПУ РАН. Выпуск 3. М.: ИПУ РАН, 2003. С. 94 – 109.
7. *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Активный прогноз. М.: ИПУ РАН, 2002. ■

К ПРОБЛЕМЕ УЧЕБНОЙ РЕФЛЕКСИИ

В.И.Панов, Э.В.Лидская

(Москва, Психологический институт РАО)

Необходимым условием для осуществления рефлексивного акта является расщепление субъекта рефлексии. Это расщепление может быть, по крайней мере, двух видов: а) в виде субъект-объектного отношения к самому, когда сознание субъекта расщепляется на того, КТО (какая часть сознания) осуществляет осмысление самого себя, и на то, ЧТО (какая часть сознания) подвергается осмыслению; б) в виде субъект-субъектного отношения, когда рефлексивный акт происходит в форме диалога двух «субъектных» подструктур сознания, например, диалог «Я Я другой» (*Ф.Д.Горбов*). Рефлексивный акт превращается из критического принципа в эвристический (т.е. в принцип развития) в том случае, когда указанное субъект-субъектное отношение имеет анизотропный (*А.И.Миракян*) и тем самым субъект-порождающий характер (*В.И.Панов*). Благодаря чему оба компонента указанного внутреннего, субъект-субъектного диалога образуют совместного субъекта рефлексивного акта, порождающего СЕБЯ ИНОГО посредством осмысления и преодоления предельных, исходных оснований деятельности СЕБЯ самого ПРЕЖНЕГО (себя предшествующего).

2. В качестве интегративного критерия качества развивающей образовательной среды рассматривается способность этой среды обеспечить

всем субъектам образовательного процесса систему возможностей для эффективного личностного саморазвития. При этом «возможность» понимается как особое взаимодополняющее единство свойств образовательной среды и самого субъекта, т.е., вслед за Л.С.Выготским как «социальная (учебная) ситуация развития». Образовательная среда и, соответственно, конкретные учебные ситуации, будут обладать развивающим эффектом, если они:

а) будут обеспечивать возможность удовлетворения потребностей (в данном случае познавательной) данного учащегося (*В.А.Ясвин, 1997, 2001*);

б) будут содержать учебные ситуации, опирающиеся на актуальный уровень развития данного учащегося и создающие возможность актуализации зоны его ближайшего развития «по Л.С.Выготскому» (*К.Н.Поливанова, 2000; В.И.Панов, Н.Ф.Круглова, 2001*).

3. Учебная ситуация фактор и условие развития учащегося может быть ориентирована:

- на уровень актуального развития учащегося. Обучение в этом случае может строиться только как такая передача готовых знаний-умений-навыков от педагога к учащемуся, психологической основой которой является репродуктивная деятельность по восприятию, запоминанию и воспроизведению учебного материала. Рефлексия в данном случае не является необходимым условием и тем более механизмом развития учащегося, а сам учащийся выступает как объект педагогического воздействия;
- на зону ближайшего развития учащегося, что предполагает наличие помощи данному учащемуся со стороны педагога или других детей в виде подсказки, намека и т.п. В этом случае учащийся предстает уже не как объект педагогического воздействия, а как квази-субъект педагогического взаимодействия. «Квази-» потому что расщепление сознания учащегося как субъекта обучения (на субъекта на «актуального» и «возможного») производит не сам учащийся как субъект рефлексии, а педагог, использующий различие между уровнем актуального развития данного учащегося и зоной его ближайшего развития. В этом случае рефлексия выступает как условие и механизм развития учащегося, но «в руках» педагога. По этой причине учащегося можно рассматривать только как квази-субъекта рефлексивного акта;
- на зону ближайшего развития в ситуации коммуникативного взаимодействия учащегося с педагогом или с другими учащимися. В этом случае учебная ситуация должна строиться таким образом, чтобы учащийся был вынужден самостоятельно (как субъект) встать в рефлексивную позицию к самому себе, реализуя вышеуказанные субъект-объектный и субъект-субъектный типы реф-

лексивного отношения. В подобной ситуации свою зону ближайшего развития учащийся выявляет сам и сам же ее актуализирует посредством взаимодействия с другими. Поэтому его можно считать субъектом рефлексии, реализующим ее как критический принцип своей деятельности;

- однако, если стоит задача развития одаренности (как системного качества психики) у явно одаренными детьми, то использования зоны ближайшего развития, также как и методов повышения их познавательной мотивации или мотивации достижений, оказывается недостаточно.

Учитывая наличие у особо одаренных детей повышенной познавательной потребности, мы вводим понятие зоны проблемного развития. Это понятие означает такую учебную ситуацию, в условиях которой решение проблемы обеспечивается не «подсказкой со стороны взрослого» (как в ситуации зоны ближайшего развития), а собственным усилием по нахождению решения и, соответственно, преодолению данной проблемной ситуации. В этом случае учащийся вынужден провести рефлексивный акт, который включает в себя субъект-объектный, субъект-субъектный и субъект-порождающий типы рефлексивного отношения. Следовательно, в случае успешного преодоления учебной ситуации, ориентированной на проблемную зону развития данного учащегося, его можно считать действительным субъектом рефлексии, реализующего принцип рефлексии и как критическое и как эвристическое основание своей деятельности, т.е. как принцип развития.

Работа выполняется при поддержке РГНФ
(проект № 03-06-00129)

ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПРОБЛЕМЫ СТАРЕНИЯ

В.И.Панов, К.Г.Сердакова

(Москва, Психологический институт РАО)

Как известно, существует много различных определений того, что следует понимать под рефлексией и рефлексивным актом. В настоящем исследовании под рефлексией мы понимаем выявление исходных оснований, определяющих содержание и метод выполнения определенной деятельности. В данном случае в качестве таковой выступает конкретно-методологическая процедура полагания «проблемы старения» в качестве предмета экологической психологии.

Первым шагом для введения проблемы старения в рамки экопсихологии, должно стать требование рассматривать эту проблему в контексте указанного отношения «Человек-среда».

В качестве исходной предпосылки психологической экологии выступают эмпирические данные о том, что химико-физический состав окружающей среды может оказывать существенное влияние на состояние физиологических систем организма и как следствие этого - на развитие и осуществление психических функций человека и его поведения в целом. Хорошо известно, что с возрастом человека, особенно на поздних этапах онтогенеза, имеет место ослабление защитных и адаптивных функций человеческого организма. Из этого следует, что отдельным предметом психолого-экологического исследования может и должно стать изучение влияния химико-физических параметров окружающей среды на психосоматическую, эмоциональную, интеллектуальную и личностные сферы психики человека на позднем этапе его онтогенеза, а также разработка соответствующих рекомендаций.

Исходной предпосылкой «экологического подхода к восприятию» (Дж. Гибсон, 1988) является определение окружающей среды как среды обитания. Данная среда своими свойствами предоставляет индивиду условия и возможность для удовлетворения его жизненных потребностей, или же, напротив, препятствует их удовлетворению. Таким образом, проблеме развития человека на поздних этапах онтогенеза следует рассматривать в логике соотношения имеющихся у данного индивида различных потребностей и наличия в окружающей его среде тех условий, которые обеспечивают возможность их удовлетворения. Исходя из этого, проблеме старения необходимо рассматривать в контексте соотношения потребностей и возможности их реализации в данных средовых условиях. Однако может оказаться, что условия, обеспечивающие возможность удовлетворения потребностей, имеются, но индивид не обладает необходимыми средствами для того, чтобы их использовать. Отсюда проистекает практическая задача: каким образом не только создать социальные и психологические условия, необходимые для полноценной жизни на поздних этапах онтогенеза, но и каким образом сделать, чтобы человек мог активно ими воспользоваться.

Методологической основой «психологии средовых влияний» выступает тезис о том, что окружающая среда выступает для человека как некий фактор, воздействующий на его психические процессы, состояния и сознание в целом. Тип взаимодействия индивида с окружающей средой здесь имеет объект-субъектный характер, когда субъект как пассивный компонент отношения «индивид – среда» принимает на себя воздействие со стороны окружающей среды как субъекта, точнее – квазисубъекта, этого воздействия. Мы предполагаем, что для выявления средовых факторов, наиболее значимо воздействующих на человека позднего возраста, должен быть применен системный подход, поскольку окружающая среда на каждом этапе онтогенеза имеет разнообразно значение и сложный,

многокомпонентный состав. Системный анализ социально-средовых факторов, под воздействием которых находится данный индивид, позволит решить, по крайней мере, две задачи:

1) получить субъективную иерархию (рейтинг) средовых влияний, наиболее значимых для данного индивида и наиболее сильно воздействующих на него в положительном и/или в отрицательном смыслах;

2) определить степень социальной, личностной, коммуникативной пространственной или иной депривации, которая вызывается отсутствием социально-средовых факторов, значимых для человека позднего возраста. Причем эта депривация может быть осознаваемой им самим, так и неосознаваемой.

Исходным основанием для нового направления экологической психологии — «экопсихологии развития» — выступает, во-первых, подход к системе «индивид-среда» как целостному субъекту совместного становления ее компонентов, т.е. «индивида» с одной стороны, и «окружающей его среды», с другой. И, во-вторых, в своем становлении эта система реализует общеприродные принципы бытия, в частности, принцип формопорождения (В.И.Панов, 2000, 2001). Согласно этому принципу, этапы онтогенеза, как и онтогенез в целом, должны рассматриваться как формы бытия, проходящие в своем становлении стадии «рождения», «развития и существования» и «смерти, т.е. перехода в иную форму бытия». Причем каждая предшествующая стадия онтогенеза (как актуализировавшаяся форма бытия) по отношению к последующей стадии выполняет антиципирующую функцию, т.е. предопределяет ее становление и протекание. Поэтому окружающая среда (в данном случае - на позднем этапе онтогенеза) предоставляет индивиду различные возможности для реализации этой антиципирующей функции, что в свою очередь приводит к различным типам старения.

Другим следствием принципа формопорождения выступает требование завершенности процесса становления каждой формы бытия, в нашем случае — завершенности взаимодействия между «индивидом» и «средой» как компонентами системы «индивид — среда» на каждом этапе онтогенеза (естественно, индивида). Незавершенность такого взаимодействия порождает необходимость его завершения на последующем этапе онтогенеза, что феноменально находит свое проявление в формировании определенной мотивации на последующем этапе его онтогенетического развития. Следовательно, анализ социально-средовых условий старения должен проводиться в соотнесении с содержательными особенностями предшествующего этапа онтогенеза, его завершенности или незавершенности.

Принципиально, что тип взаимодействия в системе «индивид-среда» здесь может иметь как ситуативный, так и надситуативный характер. На

наш взгляд необходимо выявить такую форму активности стареющего человека, которая позволила бы ему принимать воздействие окружающей среды, а также использовать ее условия в качестве субъективного средства преобразования самого себя и социальной ситуации развития. ■

ТЕХНОЛОГИИ МОБИЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

О.А. Попова, В.А. Филимонов

(г. Омск, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия)

Принятие решений в условиях чрезвычайных ситуаций всегда было одной из самых сложных задач. Это обуславливается объективной сложностью систем деятельности, с которыми имеет дело процесс принятия решений в чрезвычайных ситуациях (природные и техногенные явления, социальные взрывы и т.п.). Процесс принятия решений, в свою очередь, представляет тоже вид деятельности, и, следовательно, порождает собой всю совокупность проблем, связанных с организацией и осуществлением мультидисциплинарных комплексных исследований. Успех этой деятельности во многом будет определяться совокупностью средств и методов, определяющих технологию выработки решения. Среди таких технологий можно назвать технологии ситуационных центров [1], которые используют методы визуализации, виртуализации, средства когнитивного анализа и моделирования нечетких ситуаций (например, системы типа Ithink, MetaDesign, Design /IDEF и другие) [2].

В докладе рассматривается технология поддержки принятия решений в условиях чрезвычайных ситуаций на основе создания мобильных ситуационных комплексов. Создание технологической среды осуществляется на базе авторских разработок: «Экран»-технологии компьютерной поддержки работы многодисциплинарного коллектива экспертов и технологии «Винтсервинг». В [3] описаны основы технологии «Винтсервинг», которые близки к технологиям [1-2], однако имеют ряд существенных особенностей:

- технические средства коллективного пользования в обязательном порядке дополняются *сервисной командой* ситуационного центра (координатор, планшетист, психолог), а также особым *регламентом* работы (схематизация, прототипирование, мониторинг экспертов и др.); традиционные формы представления информации дополняются другими, учитывающими психологические особенности восприятия (*когнитивная графика*);

- особое внимание уделено *рефлексии* (воспроизведению логического хода рассуждений противника/союзника);
- процесс обучения направлен не только на отдельного человека, но на *коллектив в целом* (группа, команда, экипаж).

Такое построение технологии обеспечивает её *мобильность* - именно поэтому «Винтсервинг» расшифровывается как «*Виртуальные информационные технологии сервиса*». Для каждого конкретного коллектива создаётся своя информационно-организационная среда, наиболее эффективная для задачи, которые этот коллектив ставит и решает. Именно навык оперативной постановки междисциплинарной задачи необходим для эффективных действий в чрезвычайных ситуациях.

Литература

1. *Райков А.Н.* Системы виртуальной реальности для поддержки принятия государственных решений// Демиург, 1996, № 2.
2. *Григорьев Э.П.* Когнитивные механизмы синтеза альтернатив//Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций. Труды 2-й Междун. конф., Москва, 4-6 ноября 2002 CASC'2002 //М.: ИПУ РАН, Т. 2. С. 5-11.
3. *Попова О.А., Филимонов В.А.* Рефлексивные аспекты технологии обучения информатике в сфере сервиса//Рефлексивные процессы и управление.Тезисы III Междун. симпозиума, 8-10 окт. 2001 г., Москва// Изд-во “Ин-т психологии РАН”. С. 215-217.

КОНФЛИКТУЮЩИЕ ПРОЕКТЫ

Д.В. Реут (Москва, МГТУ им. Баумана)

В одном из своих романов братья Стругацкие дают в руки главному герою-стажеру книгу, которую он характеризует как «учебник, набитый постановками нерешенных проблем». Это единственная книга, которую стажер берет с собой в дорогу, укладывает в свой космический рюкзак. Учитывая знакомство авторов с жизнью Московского методологического кружка (ММК), можно предположить, что имелась в виду книга Владимира Александровича Лефевра «Конфликтующие структуры» [1], вышедшая 30 лет назад.

Идея конфликта структур послужила и служит до сих пор основой многочисленных исследований. Так, развернутая классификация конфликтов по различным основаниям, приведенная в [2], охватывает объектные и субъектные (в том числе, когнитивные); социальные, этнические, политические, юридические, трудовые, бытовые; межличностные, межгрупповые, межорганизационные конфликты.

В логике развития современной хозяйственно-экономической практики роль конфликта возрастает. Так, в работе [3, с.30] при сравнении функций традиционного линейного менеджера и повсеместно приходя-

щего ему на смену менеджера проекта отмечается, что основная задача линейного менеджера — оптимизация, а менеджера проекта — разрешение непрерывно возникающих в процессе развития проекта конфликтов.

Таким образом, в поле зрения практика, а, следовательно, и теоретика попадает новый субъект конфликта *проект*, являющийся, в отличие от ранее рассматривавшихся субъектов, целенаправленно изменяющейся пространственно-временной структурой. Под пространством здесь понимается не обычное метрическое пространство, но *проектно-организационное дискретно-непрерывное пространство*, точки которого обладают как дискретными характеристиками, так и характеристиками, изменяющимися непрерывно. К первым относятся характеристики качественные (используемые в проектах структурные схемы), и количественные (дискретно меняющиеся параметры), ко вторым — экспертные оценки характеристик проектной культуры.

В работе [4] ставятся проблемы управления *организационными проектами*, в частности, включающими внутреннего субъекта деятельности, «который, наряду с предметом деятельности, изменяется сам». В работе [5] «факторы конфликтности» при активном проектировании упоминаются в числе значимых, но не конкретизируются.

В соответствии с общей идеей взаимодействия рефлексизирующих персонажей на плацдарме для менеджера проекта целесообразно детализировать природу объектов обслуживаемого им класса с целью адекватного прогноза действий соперника.

В литературе можно найти множество определений проекта. Щедровицкий Г.П. говорит о проектировании как о переносе продуктов мышления из действительности мышления в реальность [6].

В наиболее общем значении *проектирование есть создание продукта мышления, перенос его из действительности мышления в окружающую реальность и сопровождение (пилотирование) до стадии завершения* включительно (рис. 1) [7].

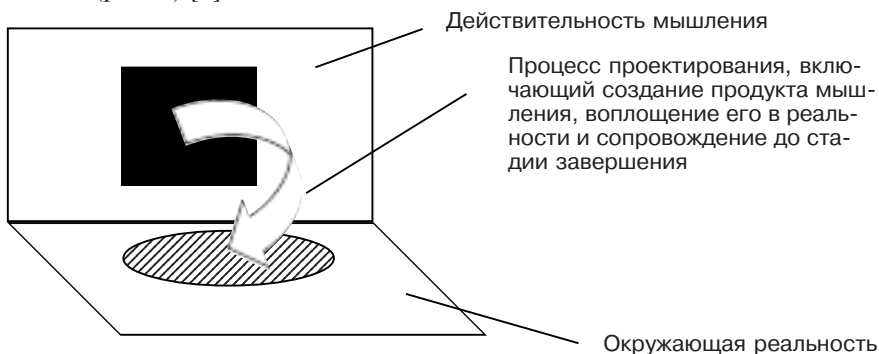

Рис. 1

В таком случае конфликт проектов можно представить схемой рис.2

Как и любой субъектный конфликт, межпроектный конфликт может иметь когнитивную составляющую. В особенности это относится к *исследовательским* и *личностным* проектам.

На практике взаимодействующие проекты могут находиться на разных стадиях развития. Частным случаем рассматриваемого конфликта является системный конфликт между проектом и порождающей его организацией. Организация построена на ценностях сохранения (частный случай проекта: скорость развития равна нулю), а проект на ценностях развития (успех его есть его абсолютное исчерпание).

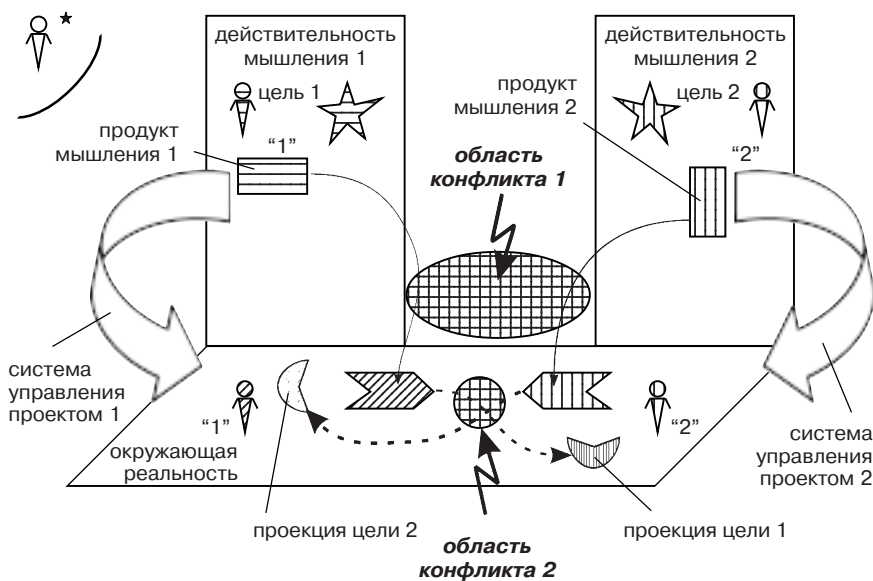

Рис. 2

Дополнительные возмущения в процесс взаимодействия проектов с его окружением вносит креативность человеко-населенных структур [8].

Организация, как правило, представляет собой конгломерат редуцированных мифов. Здесь под *мифом* понимается устойчивая самовоспроизводящаяся система в пространстве, включающем внутренний мир (индивидуальное сознание и личностное бессознательное) и внешний мир человека. Миф является формой организации опыта взаимного употребления человека и социума, той "клеткой", проекции которых в их множестве воспринимаются нами как культуры и другие длительно существующие феномены социума. Главным отличием мифа от прочих системных сущностей введенного указанным образом интегрального

мира является замкнутость траектории гетероморфного мифообразующего процесса.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
2. *Таран Т.А.* Анализ и моделирование когнитивных конфликтов. Труды 2-й международной конференции “Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC’2002)”. Москва, 4-6 ноября 2002 г., Т.2, М.: Институт проблем управления РАН. С. 96-109.
3. *Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г.* Управление проектами. М.: Экономика, 2001.
4. *Балашиов В.Г., Заложнев А.Ю, Новиков Д.А.* Проблемы управления организационными проектами. Труды 2-й международной конференции “Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC’2002)”. Москва, 4-6 ноября 2002 г., Т.1, М.: Институт проблем управления РАН. С. 116-124.
5. *Кабичын А.В., Коврова О.Е., Козырева М.Л.* Структуризация знаний в рамках активного проектирования. Труды 2-й международной конференции “Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC’2002)”. Москва, 4-6 ноября 2002 г., Т.1, М.: Институт проблем управления РАН. С. 149-154.
6. *Щедровицкий Г.П.* Организация. Руководство. Управление. (Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / из архива Г.П. Щедровицкого. Т.4). М.: “Путь”, 2000.
7. *Реут Д.В.* Управление проектами как аспект корпоративной культуры. Материалы встречи ODN 26 ноября 2002 года. Москва. М.: Московская сеть консультантов по организационному развитию (Organization Development Network), 2002.
8. *Реут Д.В.* Креативные структуры. Рефлексивные процессы и управление. Тезисы третьего международного симпозиума. 8-10 октября 2001, М: Институт психологии РАН. С. 161-163.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЖУРНАЛИЗМА

Л.Г. Свитич (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова)

Целесообразно рассматривать ценности как порождение исходных позитивных смыслов-сущностей, которые проявляются на всех уровнях информационных полей: от уровня человечества как социоприродной общности (метаинформация) через планетарный (мегаинформация) и существующий в рамках определенного общества, страны (макроинформация) до конкретных текстов (миниинформация). Таким образом, информация постепенно как бы проявляется из первоначальных номологических смыслов-логосов в процессе феноменологизации.

Журнализм имеют дело с фактами, ситуациями, явлениями, процессами, социальными общностями и личностями, их отношениями, идеями и т.п. Но их сущность, ядро, основной смысл журналистами могут быть поняты и отражены и верно, и с определенной долей приближенности к

истинному толкованию, и искаженно, весьма далеко от первоначального смысла.

Каждый уровень социальной организации привносит свои смыслы, свои шумы и негативы в эту систему. Процесс этот естественный и объективный, потому что в ходе освоения смыслов происходит превращение их в значения или понятия, то есть в схематический обобщенный образ факта или явления в нашем сознании, перекодировка его. Человечество и человек с процессе своего развития, во все увеличивающейся способности к самостоятельному существованию в сложном мире имеет возможность выбирать из нескольких вариантов перекодировки исходных смыслов. Не удивительно, что часто люди выбирают не самые верные значения и решения. Это может быть связано с гносеологическими проблемами, с человеческой способностью мышления или интуитивного постижения истины, с социальными, национальными менталитетными традициями, особенностями и предрассудками, выбором более легких и доступных путей и способов решения мыслительных и реальножизненных проблем и т.п.

Но так же верно и то, что система обучения, воспитания, культура и, конечно, журналистика имеют возможность нивелировать, сводить к минимуму негативные влияния, пытаться возродить первоначальные существенные смыслы фактов, явлений, процессов. Однако реалии таковы, что современный журнализм тем более в наше время и в нашей стране, где идет перестройка всего социального организма и поиск новых путей развития (часто ошибочных), еще более усугубляет ложные трансформации исходных позитивных смыслов тем, что продуцирует антисмыслы и антиценности, или по недопониманию, или из эгоистических коммерческих побуждений.

Чтобы уяснить суть ценностей и антиценностей, которые важно учитывать современному журналисту в своей работе, попытаемся классифицировать *исходные смыслы и их возможные негативные трансформации-антисмыслы* на разных уровнях информационных полей.

На *метауровне* социоприродной информации исходные позитивные смыслы порождают необходимость гармоничной связи человеческой цивилизации с природой, ее оптимальным существованием во Вселенной, с исходными, истинными ценностями человека как социоприродного существа. Антисмыслы - это дисгармония с природой, стремление властвовать над нею, экологическая неравновесность, преувеличение роли мистических, эзотерических феноменов.

На *мегауровне* глобальной информации исходные ценностные смыслы связаны с оптимальным, бескатастрофным, позитивным развитием человечества как планетарной системы, с пониманием неизбежности интеграции и взаимопонимания разных наций и народов на основе гуманитарных

ценностей, сохранение целостности планеты как жизнеобиталища человечества. Противоположными антисмысловыми будут эгоистические национальные, социальные, политические интересы, ведущие к разобщению, розни, вражде, войнам и конфликтам, возвеличению одной из наций или стран за счет других, территориальные, национальные, духовные, религиозные притязания на лидерство в ущерб другим странам и народом.

На *макросоциальном уровне* высшие смыслы связаны с осознанием социальной целостности отдельных стран, наций в рамках человеческой цивилизации, оптимальным функционированием конкретной социальной общности, ее бескризисным существованием на основе сочетания национальных интересов с общепланетарными, общечеловеческих гуманитарных ценностей, гармоничного сочетания духовного и материального развития стран и их народов. Антиценности на этом уровне - это эгоистические притязания социальных общностей внутри социума, групповые пристрастия и корпоративные интересы, которые идут вразрез с интересами страны, разрушают ее целостность, мешают оптимальному развитию страны и народа, разрушительные конфликты, отсутствие взаимопонимания.

И далее на всех остальных уровнях социальной организации и информационных полей вплоть до миниуровня - соотнесение сущностных смыслов-ценностей и антисмыслов-антиценностей показывает, что позитивность всегда связана с оптимизацией жизнедеятельности социальных субъектов, с их взаимопониманием, взаимопомощью и повышением уровня духовных, гуманистических ценностей, а негативность – с разрушающими, эгоистическими, корпоративными притязаниями в ущерб другим общностям, с конфликтностью, необоснованными претензиями на расширение зон влияния, разрушительными тенденциями пессимизации и нигилизма, крайнего индивидуализма, потребительства в ущерб созидательным тенденциям, с различными патологиями и пороками.

Таким образом, на уровне конкретных журналистских текстов (микро- и миниинформация) должны в снятом виде как бы присутствовать смыслы-ценности всех информационных уровней, вплоть до самого высшего, сущностного.

СМИ, СОХРАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК

В.А. Севастьянов
(Москва, НИИКОРТ)

1. Электронные средства массовой информации и прежде всего телевидение, глобальная компьютерная сеть Интернет, массовая видео-, аудио- и мультимедийная продукция, компьютерные игры и программы облада-

ют беспрецедентной силой воздействия на массы людей. В условиях интенсивной информационной глобализации они могут способствовать решению гуманитарных проблем культурного, интеллектуального и социально-экономического характера. Однако все больше

2. Особенность применяемых СМИ, прежде всего электронными, психотехнологий позволяет легко управлять массовым сознанием и поведением. Технологии Глобального Информационного Общества становятся идеальной средой для применения информационного оружия, средством достижения геополитических целей. Применение психотехнологий и информационного оружия состоит в их относительной дешевизне, а их применение трудно поддается определению и то, преимущественно по наступившим последствиям.

3. Почти полная утрата государственного контроля за теле- и радиэфиром позволила трансформировать зачастую единственное на территории России доступное людям средство приобщения к культуре, источнику объективной информации о деятельности государства и его органов власти в средство рекламы шоу-бизнеса и сомнительной продукции, инструмент недобросовестного PR. Используемые в средствах массовой информации, особенно электронных, формы представления информации весьма пагубно отражаются на культурном и интеллектуальном уровне людей, на их нравственном, психическом и физическом здоровье.

4. Согласно исследованиям Всемирной организации здравоохранения примерно 400 млн человек во всем мире страдают от расстройств здоровья психического и психосоциального характера, в Российской Федерации эти недуги поразили около 10 млн человек. В мире на сегодняшний день внимание уделяется проблемам туберкулеза, СПИДа, раковых заболеваний, но ошибочно замалчиваются вопросы психического здоровья. По неофициальной статистике, каждый второй человек сталкивается с проблемами такого характера, и даже в развитых странах только 50% случаев психических заболеваний диагностируется. Наблюдается высокий рост суицидов, довольно высок уровень наркомании и алкоголизма, особенно среди молодежи. Одной из главных причин называется негативное информационное воздействие.

5. Фактически уже сейчас большинство развитых стран мира нуждается в принятии программ психологической реабилитации населения и его адаптации к условиям информационного века. Особенно актуальна эта задача для России, где массовое приобщение граждан к новым информационным технологиям произошло в очень короткие сроки, наложилось на период динамичных, взрывных перемен в социально-экономической и политической жизни.

6. Разработка и особенно реализация государственной политики в области электронных СМИ стали в настоящее время важнейшей и одной

из самых насущных проблем для всех государств мира и особенно России. Чрезвычайная сложность и актуальность этой проблемы заключается в необходимости сбалансированного разрешения противоречия между одновременным обеспечением информационного развития и информационной безопасности, с одной стороны, и узко отраслевыми подходами при решении каждой из обозначенных задач и их частей.

Неуклонно возрастает необходимость регулирования деятельности СМИ в связи с усилением негативных последствий однобоко и ложно понимаемой сущности свободы слова и свободы совести, коммерциализации СМИ, вызванной отсутствием их экономической независимости, содержательно не согласованной по вертикали и горизонтали нормативно-правовой основы регулирования деятельности СМИ, отсутствия независимого объективного контроля.

7. Одним из главных факторов осложняющих регулирование деятельности электронных СМИ и контроль за ней выступает сопротивление части общественности, воспринимающей их как покушение на демократические права и свободы граждан. Этой частью общественности, представляющей преимущественно интересы, политических и коммерческих группировок контролирующих СМИ, деловых кругов сферы информационного коммуникационного бизнеса, лоббирующих эти интересы государственных и общественных деятелей, еще не осознается степень опасности вызова и угроз информационной глобализации, игнорирующей необходимость защитных мер безопасности информационной, психологической и биогенной.

8. Опасность проектов информационной глобализации – в неясности самой угрозы на фоне провозглашенных гуманистических целей глобализации. Истинные цели информационной глобализации скрываются и мотивированы теми же гипертрофированными потребностями лидеров социумных групп, стремящихся определять политику государств и подчинить себе народы мира. Путь к достижению этой цели – создание коммуникационной среды, способной доставлять «информационное оружие» и в сознание широких масс людей, и индивидуально для устранения или нейтрализации конкурентов. Реализация этих проектов на начальном этапе направлена на достижение промежуточной цели – экономическое укрепление клана олигархов сферы ИКТ и высоких технологий как социумной группы, вытеснение клана олигархов сырьевой и перерабатывающей отраслей экономики с позиций, позволяющих определять политику.

Борьба между кланами олигархов проявляется и в действиях международных террористических организаций, которые ведут подготовку к проведению ширококомасштабных операций в сфере информационных технологий. Наиболее уязвимыми перед применением информационного оружия, скрытным навязыванием поведенческих установок, разрушаю-

щим психосоматическим и мутагенным воздействием случайных артефактов окажется наиболее интеллектуальная часть населения государств с развитой коммуникационной инфраструктурой.

9. Вхождение России в глобальное информационное общество без принятия параллельных действенных мер, делающих невозможным использование информационных и психических технологий манипулирования сознанием или скрытым внедрением поведенческих установок, активизирует основные механизмы разрушения субъектности государства, ликвидации независимости экономических субъектов России, понижению ее интеллектуального потенциала, «перехвату» государственного управления лидерами иностранных олигархических социумных групп.

Предотвратить превращение СМИ в инструмент экспансии шоу-бизнеса и информационной продукции сомнительного содержания, агрессии разлагающей низкопробной продукции, все больше замещающих ценности истинной культуры и духовности, не допустить трансформации современных цифровых информационных и коммуникационных технологий в среду распространения информационного оружия – важнейшая и безотлагательная задача.

Промедление в решении этой задачи чревато не только переделом мира в ближайшем будущем и утратой индивидуальности каждым человеком на Земле, но и гибелью биосферы. Обеспечение собственной сохранности, в прямом и переносном смысле, каждого индивида в российской общности и государства в целом зависит того, будет ли принят и реализован в ней рефлексивный способ жизнедеятельности. На уровнях государственной и региональных общностей это возможно лишь при выполнении трех необходимых условий:

- согласии и сотрудничестве гражданского общества с органами власти всех уровней;
- беспристрастности представляемой населению информации средствами массовой информации и плюрализме всех значимых точек зрения;
- исключении возможности использования любых и особенно скрытых манипулятивных психотехнологий и вредных артефактов в информационных и коммуникационных системах.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

А.А. Сейтов

(Москва, Институт системного анализа РАН)

Научный менеджмент на пути своего развития к середине XX века преодолевает важный рубеж: из «машинного» (механистического) века он вступает в «системный». Сравнение системной динамики и системной

политики позволяет поставить принципиальный вопрос: что мы должны понимать под управлением — только оптимизацию ресурсов (контроль) или также расширение социальных возможностей, т.е. развитие (социальное развитие, включая развитие способности управлять). Плодотворное значение при этом имеет социокультурная модель системы, позволяющая различить культуры и идеологии, определяющие в свою очередь характер управления.

Со стороны науки управления за последние два-три десятилетия были сделаны самые существенные шаги. Развивающаяся деятельностная парадигма менеджмента исходит из того, что микро и макро подходы суть не две различные сферы социального исследования, а две оси по которым должна развиваться наука управления, образуя «пространство» подходов, школ, концепций: вертикальную ось эволюции теории управления назовем «от простых задач к трудным», а горизонтальную — «от простых задач к сложным».

Двигаясь по вертикальной оси, мы имеем дело с традиционно-понимаемой сложной динамической системой; по горизонтали — вступаем в «сложный» мир множества объектов, множества «организационных порядков». При этом речь идет о выходе за рамки «чистого» исследовательского, или научного, подхода и обращении к деятельностному подходу.

Деятельностный подход рассматривает процесс управления как сугубо смыслопорождающий, творческий, во многом интуитивный акт. Оптимизационные операции (формальные, расчетные) играют в этом акте лишь вспомогательную роль, и даже их использование — во многом продиктовано неформальными соображениями. В этой связи приобретает совершенно новое значение проблема человеческих ресурсов.

Эту проблему предлагается рассмотреть в двух срезах: общественно-политическом и хозяйственно-управленческом. В результате можно сформулировать следующие признаки новизны в характеристике человеческих качеств в конце XX века с учетом как универсальных, так и специфических изменений:

- субъективизация человека, освобождение от патерналистской опеки государства, осознание своего человеческого потенциала;
- развитие способностей ответственного поведения в условиях неопределенности, готовности к риску, поведения с опорой на собственные силы («Не обвиняй сильного в своей слабости»);
- готовность к самообучению, развитию творческого потенциала; освобождение от стереотипа «враг снаружи»; умение разрабатывать альтернативные жизненные стратегии;
- стремление к солидарному поведению в условиях многообразия и конфликтности представлений, освоение правил «игр с ненулевой суммой»;

- освоение новых общепланетарных ценностей; «Мыслить глобально, действовать локально»;
- приобретение новых знаний и квалификации в «рыночной» и «информационной» областях;
- социально-психологические навыки работы в «плоских» структурах, многокультурной среде, в командах;
- выработка новой этики делового сотрудничества.

В качестве инструментального оснащения выступает концепция организационного развития, в особенности ее поздняя модификация «обучающейся организации», которая базируется на следующих пяти постулатах о качестве организации: системность мышления, персональное мастерство каждого члена организации, признание важности понимания ментальных структур, т.е. базовых представлений каждого, «разделенность» этих представлений в организации и командное поведение. Есть все основания утверждать, что концепция организационного развития предполагает существенно иное представление о работе с персоналом, чем традиционный менеджмент.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНО-ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА

И.Н. Семёнов

(Москва, Государственный университет — Высшая школа экономики)

Творчество — не только одна из ведущих ценностей современной культуры, но и важнейший фактор научно-технического прогресса и социального развития в целом. Отсюда неизменный интерес к проблематике психологии и философии творчества, к методологии и технологии его изучения и развития.

Отсюда видно, что хотя категория рефлексии так или иначе всегда учитывались в фундаментальных философских изысканиях и психологических исследованиях в качестве одного из объяснительных принципов духовного бытия человека, однако, выделение ее в качестве специального предмета научного изучения происходит под влиянием прикладной проблематики, связанной как с философско-методологическим, так и с психолого-педагогическим обслуживанием науки, образования, проектирования, техники, управления. Наиболее ярким выражением этого является практика, с одной стороны, рефлексивно-методологического консультирования решения научно-социальных инженерно-психологических и эргономических проблем (*И.С. Ладенко*) специалистами в области освоения и развития интеллектуально-коммуникационных сис-

тем, а, с другой – рефлексивно-психологической экспертизы и развития творческого потенциала человека, а также организации игровых способов интенсивно-группового обсуждения научных и прикладных проблем (*Ф.Е. Иванов, М.И. Найденов, С.Ю. Степанов и др.*).

Важным достижением рефлексивной методологии является, например, категориально-понятийная технология анализа и построения концептуальных схем деятельности (*Н.Г. Алексеев*), а рефлексивной психологии – выделение таких механизмов творчества, как интеллектуальная, личностная, коммуникативная, кооперативная, экзистенциальная, культуральная рефлексия (*И.Н. Семенов*) и разработка содержательно-смысловых способов культивирования экзистенциальной, мыслительной и игровой рефлексии.

Поставленная И.Н. Семеновым и С.Ю. Степановым (*1984*) проблема типологизации рефлексии решалась через ее дифференциацию на рефлексии интеллектуальную (*Алексеев, Давыдов, Зак*), личностную (*Гуткина, Столин*), коммуникативную (*Лефевр, Машбиц*), кооперативную (*Щедровицкий, Тюков*) и экзистенциальную (*Достоевский, Бахтин*). Наиболее разработаны психологические представления о механизмах рефлексии интеллектуальной (дифференцирующейся на такие ее виды, как рефлексия экстенсивная, интенсивная, конструктивная); личностной (ее виды: ретроспективная, ситуативная, перспективная); коммуникативной (эмпатийная, проективная, игровая); кооперативной (фиксационная, адаптационная, ролевая, коррекционная, организационная); культуральной (историческая, социальная, экологическая, философская, методологическая); экзистенциальной (эгоцентрическая, герменевтическая, аксеологическая, этическая, эстетическая, мировоззренческая). Проведение и обобщение рефлексологических исследований обеспечит уточнение и развитие намеченной типологии рефлексии.

Так изучение роли рефлексии в организации творчества привело нас к трактовке рефлексивности как противоречивому единству негативно-разрушающих предпосылок творческого мышления и конструктивно снимающих их позитивно-созидательных смысловых регулятивов творческого процесса. Поэтому, рефлексивность заключается как в осмысленности деяний человека в контексте его существования (путем замыкания всех актов поведения и деятельности на ценности целостного самовыражения и самореализации “я” в культурно-символическом пространстве социального бытия), так и в осознанности действий и процедур путем размыкания человеком своего поведения и деятельности на их основания и средства, которые постоянно развиваются в ходе общественно-исторического прогресса, совершенствуются и создаются в процессе индивидуального и группового творчества. Исследование психологических механизмов творчества вскрывает помимо таких структурных компонентов рефлексивности, как

сознательность и осмысленность, также еще интуитивность и установочность. Поскольку проблема организации творчества в практическом аспекте заключается в создании условий для такого технологического управления креативным процессом, которое эффективно привело бы к инновационному результату, то построение рефлексологических оснований рефлексивности предполагает процессуально-результативный анализ компонентов рефлексивности. В рамках созданного нами системно-смыслового подхода к творческому мышлению (*Семенов, 1973*) эта процессуально-результативная методологическая характеристика рефлексивности нуждается в специальной содержательно-смысловой интерпретации.

Существенную роль в комплексном изучении творчества человека играет психологическое исследование проблемы развития и реализации творческого потенциала человека. Отправным пунктом методологического анализа этой проблемы может служить ее рассмотрение сквозь призму категориальной оппозиции «потенциальное – актуальное». Актуальное проявление творчества является моментом реализации уже накопленного потенциала наличных творческих способностей, который в свою очередь служит предпосылкой их дальнейшего развития. Тем самым, в общем виде, творческий потенциал трактуется как творческие возможности человека, становление которых представляет собой их существенное развитие, а раскрытие – симультанную реализацию. Психологический анализ специфики творческого потенциала предполагает использование категориальной оппозиции «естественное – искусственное». При этом оба процесса – сукцессивное развитие творческого потенциала и его симультанная реализация могут рассматриваться как в естественной модальности «стихийного», так и в искусственной модальности «управляемого, организуемого».

В первом случае оба процесса осуществляются естественным, спонтанным образом, как бы сами по себе: развитие творческого потенциала носит стихийный характер, а его реализация осуществляется спонтанно. Во втором напротив, велика роль специальных внутренних усилий субъекта и целенаправленных внешних организующих и управляющих воздействий. В силу этого искусственного вмешательства в естественное существование творческого потенциала обеспечивается управление обоими процессами. Стихийное развитие творческого потенциала приобретает более оптимальные формы и виды, а его спонтанная реализация осуществляется более эффективными путями, определяемыми состоянием как психологических знаний о творческом потенциале, так и базирующимися на них педагогическими технологиями и рекомендациями, которые направлены на оптимизацию реализации его творческого потенциала.

В онтологическом плане анализ проблемы творческого потенциала человека предполагает выделение её собственно психологической специ-

фики на фоне рассмотрения его биологических и социальных предпосылок. Именно такой подход был предложен С.Л. Рубинштейном при психологическом изучении важных компонентов этого потенциала мышления и сознания (рефлексии). Если в социальном аспекте внешние предпосылки творческого потенциала связаны с социально-экономическими условиями жизни и труда человека, а внутренне с характером его профессии и особенностями работоспособности, то в биологическом аспекте внешние предпосылки определяются здоровьем человека, а внутренне психофизиологическими резервами его организма. Хотя эти биосоциальные предпосылки служат важными детерминантами естественного, стихийного развития творческого потенциала, однако они оказывают все же меньшее влияние на процесс его спонтанной реализации по сравнению с факторами, определяемыми собственными усилиями субъекта творчества или производными от психолого-педагогических воздействий на него как на объект симуляции и управления.

Биосоциальная детерминация творческого потенциала должна быть рассмотрена не только в исходном плане его предпосылок, но и в результирующем плане — в связи с обратным влиянием успешного или безуспешного характера реализации творческого потенциала человека на биологические по своей природе параметры жизни и на параметры его социального статуса. Если социально-адекватная реализация творческого потенциала ведет к профессиональному признанию и продвижению (принося соответствующе духовное и материальное удовлетворение творческих ожиданий субъекта) то внешняя их социально-негативная оценка (независимо от позитивного или негативного характера внутренней самооценки индивидом результатов своих творческих усилий) чревата снижением профессионального статуса и продвижения,

Итоговая же валентность реализации творческого потенциала человека — в виде положительной или отрицательной социальной оценки его творческих усилий и достижений (как раз и определяемых именно психологическими механизмами при наличии нормальных биосоциальных предпосылок, их функционирования) — оказывает соответствующее влияние на биологические параметры жизнедеятельности человека. Творчество мобилизует его жизненные силы, гармонизируя функционирование психических процессов в уникальный ансамбль и раскрывая психофизиологические, эмоциональные, интеллектуальные, личностные резервы. Отсюда присущий творцам особый рефлексивно-интенсивный, интуитивно-обостренный стиль мышления, деятельности, характеризующийся углубленными, «мировоззренческими чувствами» (С.Л. Рубинштейн).

Собственно психологический аспект проблемы развития и реализации творческого потенциала человека заключается в раскрытии природы этого креативного стиля бытия человека-творца, изучение интуитивно

рефлексивных механизмов функционирования его психических процессов и определении условий, путей и способов управления ими в целях обеспечения социально-значимых достижений и культурно-прогрессивных инноваций.

Литература

1. *Алексеев Н.Г., Семёнов И.Н.* и др. Методология рефлексии концептуальных систем деятельности поиска и принятия решения. – Новосибирск, 1991.
2. *Ладенко И.С., Семёнов И.Н.* и др. Формирование творческого мышления и культивирования рефлексии. Новосибирск, 1990.
3. *Семёнов И.Н.* Психологические проблемы развития творческих способностей в условиях гуманизации образования. Инновационная деятельность в образовании 1994, №1, Красноярск, С 20-30.

ФУНКЦИЯ И ГЕНЕЗИС РЕФЛЕКСИИ

Г.Н. Солнцева

(Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова)

Одним из способов введения понятия рефлексии в объяснительные схемы психической реальности может служить рассмотрение генезиса психической системы и оснований для возникновения рефлексии в ее структуре.

Рассмотрим кратко основную функцию психической системы и результат ее реализации для организма. Начнем с аксиоматических тезисов. Психическая система опосредует взаимодействие организма с внешней средой, обеспечивает его адаптацию к меняющимся условиям среды. Направления развития психической системы определяются возможностями адаптации. Пределы адаптации определяются возможностями преобразования психической системой гомогенной для организма среды (физической картины мира) в ее субъективный гетерогенный образ. Трех уровням отражения внешней реальности (отдельные свойства и характеристики, целостные объекты и явления, закономерные связи и отношения) соответствуют три уровня познавательных процессов в психической системе: ощущения, восприятие, мышление. Трех уровней организации психической системы достаточно для отражения всего многообразия внешней реальности, в том числе и ее энергетических и информационных свойств и тем самым для реализации своего приспособительного потенциала.

Совместная активность живых организмов в известной степени подготовила почву для возникновения элементов нового механизма адаптации. Однако только совместная деятельность людей и рождение социальных отношений привели к формированию механизма, обеспечивающего отражение закономерностей социальной жизни и адаптацию к ней.

В совместной деятельности активность каждого сама по себе может не соответствовать цели (потребности) индивидв и приобретает целесообразность только при соотношении будущих действий себя и других. Формирование субъективной картины будущего действия другого есть картина собственных действий при условии различения «Я»-«другой», т.е. отражения себя, соотношенного с другим. Аналогично отражению физической реальности, отражение «Я» - «другой» предполагает построение гетерогенной картины гомогенной социальной среды. Рефлексию как способность к отражению «себя/других» во всей полноте субъективных явлений и отношений следует рассматривать как новый механизм построения этой картины.

Специфика этого механизма состоит в том, что в картине социальной среды критерии различения значимый / незначимый для субъекта обусловлены не биологическими (физическими) потребностями, а формируются только в результате общения и связаны с оценочными категориями. Если критерием гетерогизации физической среды является отношение к биологическим потребностям «полезно, нужно» и т.п., то различение и означивание социальных объектов связано с категориями «хорошо - плохо», «можно - нельзя», «принято - не принято» и т.п. Эти критерии обусловлены уровнем развития социальных отношений, культурой, традициями и т.д. Усваиваемые правила взаимодействия в социуме в индивидуальной деятельности представлены как результаты различения, означивания (гетерогизации) отдельных проявлений социальной жизни, в том числе и собственной деятельности. Все этические нормы поведения есть по сути критерии-ориентиры оценки значимости элементов собственной деятельности и деятельности других, выполняющих функции социального взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что социальная адаптация (в широком смысле) не может быть обеспечена психической системой, направленной на приспособление к условиям физической среды в силу физико-химической природы механизмов приспособления и «исчерпанности» отражения физического мира. Появление рефлексии это необходимый этап развития живого организма. Она выступает как объективно существующая способность человека к самоидентификации и самопознанию, обеспечивающая означивание (гетерогизацию) социальной среды.

Исследование рефлексии сопряжено со многими трудностями. Эмпирические исследования предоставляют лишь косвенные данные о возможном участии рефлексии в психических явлениях, интроспекция дает лишь некоторые сведения о том, что представлено в субъективном, рефлексивном пространстве. Методы измерения семантического пространства не дают ответа на вопрос, в каком виде предстает рефлексивная картина, какими факторами обусловлены ее инвариантность и вариативность.

Продуктивным методом исследования рефлексии, на наш взгляд, является метафорическое модельное описание, в частности, представленное в работах В.А.Лефевра, а также В.А.Петровского, объясняющее неадаптивное поведение.

Одним из направлений, раскрывающих закономерности рефлексии, является исследование процессов принятия решений. На феноменологическом уровне связь между рефлексией и принятием решения представляется явной. На онтологическом уровне требуются разъяснения.

Изложенная выше представление о системной функции психического — гетерогизации гомогенной среды (физической для психических познавательных процессов и социальной для рефлексии) может быть описано в терминах «определенность-неопределенность». Гомогенная среда характеризуется высоким уровнем неопределенности ее элементов относительно живого организма и для приспособления к ней необходимы реакции на те элементы среды, которые соответствуют биологическим потребностям. Другими словами, необходимо различие «значимое-незначимо», что означает устранение неопределенности. Механизм рефлексии служит для устранения неопределенности в социальной среде в соответствии с оценочными критериями актов и результатов собственной будущей деятельности. Это предполагает сравнение и выбор одного (направления) действия из ряда мыслимо (в рефлексивном пространстве) возможных, т.е. принятия решений.

Актуализация возможных вариантов действий (альтернатив), оценка их будущих результатов (исходов) по критерию полезности для себя и критерию приемлемости для других в полной мере соответствуют описанию структуры принятия решений. то означает, что принятие решений есть рефлексивный процесс устранения неопределенности в структуре собственной деятельности, а исследование принятия решений есть по сути исследование закономерностей рефлексии.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТИ И МЫШЛЕНИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.К. Солондаев

(г. Ярославль, Педагогический центр социальной адаптации детей)

Психология практического мышления, разрабатываемая Ю.К. Корниловым и сотрудниками (*Корнилов Ю.К., 2001*), располагает большим эмпирическим материалом, относящимся к процессуальным особенностям мышления в практической деятельности. Однако связь личности практика и особенностей его мышления остается недостаточно исследован-

ной, хотя именно мышление в практической деятельности предоставляет нам широчайшие возможности для таких исследований.

Актуальность исследования практического мышления в его взаимосвязи с личностью практика обусловлена тем значением, которое приобретают результаты действий практиков в условиях стремительной глобализации (*Лепский В.Е., 2001; Юрьев А.И., 2003*).

Корреляционное исследование, в котором некоторые свойства личности сопоставляются с особенностями процесса практического мышления, на наш взгляд, может лишь фиксировать сам факт такой связи, не раскрывая ее механизма. Опираясь на результаты проведенных нами исследований, мы попытаемся далее схематически очертить общие контуры этого механизма, имеющего рефлексивный характер.

Начальным звеном мышления в практической деятельности является проблемная ситуация. Однако появлению проблемной ситуации предшествует некоторая объектная ситуация, которая называется стимульной (*Конева Е.В., 1997; Панкратов А.В., 2002; Трифонова С.А., 1999*). Чаще всего стимульная ситуация выделяется субъектом потому, что реально или потенциально вызывает сбой в деятельности. Переход стимульной ситуации в проблемную не происходит автоматически, именно здесь ярко проявляется специфика мышления в практической деятельности. Практик сам строит (и затем решает) свою мыслительную задачу, сам определяет требования, предъявляемые к ее решению. На основе одной и той же стимульной ситуации у разных практиков могут возникать различные проблемные ситуации.

В наших исследованиях обнаружилось, что в ряде случаев у субъекта мышления в практической деятельности возникают особые проблемные ситуации, которые в дальнейшем мы будем называть смысловыми проблемными ситуациями.

Смысловая проблемная ситуация отличается от других видов проблемных ситуаций тем, что может возникать без сбоя в деятельности, «на пустом месте». Однако, в такой ситуации субъект ощущает сильный психологический дискомфорт, связанный с деятельностью. Подчеркнем, что нормальное течение деятельности при этом может ничем не нарушаться. Поэтому часто субъект не может определить предметное содержание возникшей проблемы, затрудняется в описании стимульной ситуации.

Нами получены эмпирические подтверждения того, что смысловая проблемная ситуация возникает тогда, когда в ходе достижения цели привычным способом появился или существенно изменился личностный смысл ситуации, субъективно проявилась связь ситуации со значимым мотивом. В процессе практических действий по достижению поставленной цели субъект обнаруживает смысловое рассогласование или

конфликт. Выполняемое практическое действие приобретает новый, еще не определенный личностный смысл возникает смысловая проблемная ситуация.

После возникновения смысловой проблемной ситуации мыслительный процесс идет в двух измерениях. Первое предметное измерение задается содержанием деятельности, а второе личностное измерение возникает с появлением рефлексии, предметом которой становится взаимодействующая система субъект практическая задача, а результатом осознанная индивидуальная профессиональная позиция субъекта, включающая в себя как профессиональные, так и личностно, эмоционально значимые требования к результату решения практических задач.

В предметном измерении после возникновения смысловой проблемной ситуации субъект мышления проводит сбор информации и построение условий мыслительной задачи, которая затем решается. Для мыслительных задач, строящихся на основе смысловых проблемных ситуаций специфично то, что любое найденное и реализованное решение не приводит к значительному снижению субъективного дискомфорта. Поэтому субъект иногда оценивает найденное решение как неприемлемое и начинает поиск нового решения.

Полученные нами данные показывают, что субъективный дискомфорт может быть устранен при помощи рефлексии, с выходом в новое личностное измерение мыслительного процесса.

Выход в личностное измерение может происходить при помощи рефлексии только на основе предметного измерения, когда субъект сознательно определяет свою личностно и эмоционально значимую профессиональную позицию на основе полученных в предметном измерении результатов действий. Здесь идет разделение сложной взаимодействующей системы, выделение себя как субъекта действия, осознание личностных смыслов, субъективных оценок объектов, первоначально не осознававшихся как таковые, как бы «объективированных», слитых с ситуацией. Кроме формирования профессиональной позиции личности, результатом рефлексии является устранение психологического дискомфорта.

Личностный аспект мышления в основном осуществляется на уровне сознания и на уровне рефлексии (*Брушлинский А.В., 1994, 2001; Семенов И.Н., 1998, 2000*). Поэтому для дальнейшего изучения рефлексивной взаимосвязи личности и мышления в практической деятельности нами ведется разработка методов исследования и воздействия, которые обеспечивали бы дальнейшее развитие и самоактуализацию субъекта.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

В.И. Сороковикова

(Москва, Московский авиационный институт)

На первоначальном этапе становления культурологии как науки *дивергенция* философии культуры и культурологии была доминирующим процессом, но параллельно с ним шёл и процесс *конвергенции*, особенно набирающий силу в настоящее время. При анализе проблемы соотношения философии культуры и культурологии необходимо учитывать ту роль, которую выполняют различные уровни рефлексии (внутринаучная и философская).

Критико-рефлексивный момент в способах функционирования научного знания присутствовал всегда. Исследователи выделяют такие этапы внутринаучных форм рефлексии как онтологизм, гносеологизм и методологизм. В развитии культурологии как науки о культуре обнаруживаются три данных этапа. Если на первом из них культура исследуется как система и строятся общие типологии культур, то на втором описываются и сравниваются конкретные культуры (таков был вклад культурной антропологии) и создаются «идеальные типы культур» как мыслительные модели. На третьем этапе возникает предположение о том, что исследователь не только описывает культурную деятельность, но и конструирует её. Учитываются такие факторы познания как классовая, этническая и половая принадлежность.

Рефлексивность научного знания предполагает перенос внимания с объекта исследования на средства познавательной деятельности. Приобретает важное значение пристальное рассмотрение особенностей субъекта познания. Рефлексивные процедуры имеют явную критическую направленность, заключающуюся в пересмотре на первый взгляд очевидных положений, проблематичный характер которых и выявляет рефлексия. Примером такого критического пересмотра в культурологии может быть тенденция отказа от культурного центризма (евроцентризма) в пользу культурного релятивизма.

Организация научной деятельности перестраивается таким образом, что наряду с личностной формой рефлексии появляется и надличностная форма самосознания науки. Происходит обогащение самого типа внутринаучной рефлексии во многом благодаря идущим процессам *дивергенции* и *конвергенции* философского и культурологического знания. Философская рефлексия во многом способствует самосознанию и самопознанию культурологии как науки.

По отношению к культурологическому знанию как научному философия выполняет целый ряд функций: во-первых, осуществляет анализ условий и предпосылок данного типа исследования культуры; во-вторых,

определяет особенности и специфику культурологического подхода и свойственных ему методов изучения культуры; в-третьих, изучает социально-практическую ориентацию данного типа научного знания, поскольку культурология, как любая наука, существует и в качестве социального института; в-четвёртых, выявляет нравственные аспекты развития и применения культурологии как науки.

В то же время остаются проблемы, которые открыты только философской рефлексии. К ним следует отнести выявление специфики культурологического знания, его сравнения с другими подходами и методами исследования культуры, выяснение взаимовлияния категориального аппарата и соответствующего стиля мышления, понимание роли позиции исследователя. Философия, возвышаясь над той рефлексивной картиной, которая нарисована самой наукой, позволяет выявить логику становления культурологических концепций и парадигм. ■

НЕЙРОКИБЕРНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

А.М. Степанов

(Москва, Фонд «Стратегия развития»)

Феномен рефлексии, рассматриваемый в различных культурологических проявлениях человеческого сообщества, основан на особенностях функционирования пластичной структурной организации мозга, перерабатывающего информационные потоки внешней и внутренней сред организма.

В докладе рассматриваются гомеостатические модели, которые характеризуются тем, что внутри себя конструктивно содержат противоречия. Такие модели широко распространены в живой и неживой природе, социуме. В частности явление гомеостаза в живых объектах поддерживается благодаря работе гомеостатических механизмов регулирования. Как пример, были рассмотрены механизмы формирования моделей внешней и внутренней сред на нейронных структурах мозга человека и их взаимодействие. Было показано, что адаптационная функция систем организма к изменениям внешней среды является в основном неосознаваемой и лишь небольшая часть, принадлежащая к произвольному поведению, осознаваемой.

Структура элементарного компенсационного гомеостата внутри себя содержит конструктивные первичные элементы взаимоотражения, которые можно трактовать как рефлекссию потоков информации одного плеча гомеостата на другой. Гомеостаты, объединяясь в иерархические сети, образуют также гомеостатические системы более высокого иерархического уровня, где тоже происходят рефлексивные процессы сравнения потоков информации. На организменном уровне в рефлексивных про-

цессах участвуют информационные модели внешних и внутренних сред организма. Рефлексия заключается в отображении моделей внешней среды на модели внутренней среды. При их совпадении организм находится в оптимальном режиме функционирования; при несовпадении возникает управляющий сигнал на такое изменение внутренней среды, которое изменит эту модель под модель внешней среды, если недостаточно ресурсов организма, возникает сигнал на изменение поведенческой активности, которое переведет организм в комфортные условия обитания.

На основе предложенного нейрофизиологического аппарата была сделана попытка построения гомеостатических моделей схем этических статусов по В. Лефевру, которые формализованы им в книге «Алгебра совести». 12 формул Лефевра были воспроизведены в виде кибернетических схем.

Этика и нравственность как императивы управления поведением являются эпифеноменами рефлексивной способности высшей нервной деятельности человека. Представленный материал свидетельствует о возможности моделирования формализмов математической психологии, развитых В. Лефевром, на кибернетических схемах функционирования мозга.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ОБРАЗЫ

П.Е. Строганов

(Москва, Телекомпания «НТВ»)

1. Современные телевизионные образы (СТО) несут в себе элементы виртуальной реальности, свойственные компьютерному пространству. Это обусловлено все возрастающей роли персональной компьютерной техники в процессе порождения, переработки и передачи информации человеком. В частности можно отметить увеличение объема информации, ее наглядность и образность. Все чаще элементы компьютерного дизайна используются вместо или совместно с реальными дорогостоящими декорациями. Это подчеркивает «современность» канала или передачи.

2. СТО телепрограмм предлагают новые формы стилистики и жанров. Здесь отмечаются процессы синтеза жанров. Новостные передачи постепенно вбирают элементы развлекательных программ, образуя жанр «Inforteament». Развлекательные передачи увеличивают информационный блок, а также повышают скорость и объем взаимодействий между элементами в кадре. Стремление к процессам, происходящим в реальном времени и так называемому «Action» отличает современную телевизионную картину развлекательных программ. Публицистические и аналитические программы вбирают в себя все больше от новостных и развлекательных.

3. СТО телеведущих меняются в сторону увеличения значения личностных особенностей и близости к критериям современного преуспевающего человека и уменьшения значения степени влияния этой личности на общественные процессы.

4. СТО требуют для своего воплощения людей, с одной стороны, владеющих профессиональными навыками, а с другой — требования по отдельным позициям этих навыков значительно снижены по сравнению с предыдущим десятилетием. Например, это касается внешних данных и способности телевизионной самопрезентации.

5. СТО являются отражением процессов, происходящих в обществе, и находятся в постоянной взаимосвязи. Эти взаимосвязи нуждаются в анализе и изучении для прогнозирования дальнейших тенденций развития общества и СМИ.

РЕФЛЕКСИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Г.Г. Танасов

(КФ АКБ «ТУСАРБАНК»)

Вопрос становления и развития личности непременно упирается в возможность оценки этого процесса его субъектом. В рамках западной культурной традиции качественный уровень зрелости личности определенно связывается с достижением и осознанием ею своей идентичности.

Обобщая многие формулировки, призванные очертить, обозначить феномен личностной идентичности, приходим к следующему определению (*Л.И. Анциферова, 1978; Л.Б. Шнейдер, 2001 и др.*). Идентичность — результат активного процесса, отражающего представления субъекта о себе, о собственном, а не навязанном пути развития, и сопровождающегося ощущением личностной определенности, самоидентичности и целостности, дающей возможность субъекту воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и непрерывности сознания, единства жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений, которые позволяют поступать последовательно и целеустремленно.

Возвращаясь собственно к процессу становления и развития личности, обратимся к высказыванию Л.П. Станкевича: «В конечном счете, именно в диалектике процессов общения и обособления формируется целостность личности» (*Л.П. Станкевич, 1987*). Общение, взаимодействие с Другими и обособление через реализацию механизма рефлексии. Здесь под обособлением следует понимать именно ощущение личностью своей уникальности, индивидуальности, отличности от всего другого через призму своих действий и реакции на них. В предпринятом исследовании рассматривалось соотношение феноменов «личностная идентичность» и «реф-

лексивность» на материале субъектов переговорного процесса. Исследование осуществлено на выборке, состоявшей из двух групп. Первая группа - студенты университета (70 человек, 3 – 4 курс), обучающиеся социальными профессиями. Вторая группа - опытные переговорщики (15 человек) различных сфер профессиональной деятельности. Цель исследования: определить уровни рефлексивности, идентичности личности и макиавеллизма, а также выявить наличие связей между этими показателями. Данные по уровню рефлексивности личности получены с помощью методики определения индивидуальной меры рефлексивности А.В.Карпова и В.В.Пономаревой. Уровень макиавеллизма личности определялся на основании использования опросника «Мак-шкала». Опросная процедура для определения уровня идентичности была разработана самостоятельно на базе параметров определяющих стадии развития идентичности у Дж. Марсиа.

В исследовании были получены следующие результаты: значимая корреляционная связь уровня идентичности обнаружилась с одним из видов рефлексивности – ретроспективной и она оказалась отрицательной. Отсюда следует вывод, что высокий уровень идентичности отрицательно влияет на ретроспективную рефлексивность. Отрицательный характер этой связи, возможно, объясняется отсутствием у человека, достигшего чувства самотождественности, направленности на анализ прошлых событий, своих прошлых поступков, их результатов и пр.

Подобное погружение в прошлое и особенно разбор ошибок, совершенных ранее, не свойственен индивидам с высоким уровнем идентичности, характеризующимся повышенным уровнем уверенности в себе. Здесь не стоит ассоциировать подобное явление с комплексом самозащиты, который, напротив, может появляться у индивидов с низким уровнем идентичности. В случае высокого уровня уверенности в себе, скорее происходит некоторое «застывание» Образа-Я, консервация найденных и уже проверенных состояний, эмоций и пр. На наш взгляд нечто сходное имел в виду У. Джеймс в своем определении идентичности. «Характер человека проявляется в том его умственном или моральном состоянии, когда в нем наиболее интенсивно и глубоко ощущение собственной активности и жизненной силы. В такой момент внутренний голос говорит ему: «Это и есть настоящий Я!» (О.Н.Павлова, 2001). Однако дальше У. Джеймс вводит понятие и некоего пограничного состояния идентичности, которое скорее будет мешать личности в активной жизни. «Такой опыт всегда предполагает элемент активного напряжения, некоторой стойкости и веры в то, что внешние обстоятельства помогут ему, но не полную уверенность в этом. При полной уверенности это состояние переходит в нечто косное и тупое» (О.Н. Павлова, 2001). Видимо это «косное и тупое» и выражается в снижении чуткости самовосприятия, самоанализа, потребности взглянуть

на свои совершенные поступки, передуманные мысли и пережитые чувства со стороны, еще раз пережить это.

Отсюда кажется очевидной необходимость некоторого расширения конструкта «идентичность» добавлением новой качественной составляющей, что позволит оценить феномен «идентичность» не только по уровню наполненности, устойчивости в статике но и с позиции динамики его развития. Как мы отметили, на некотором достаточно высоком количественном уровне идентичности, теряется способность (потребность) к ее качественному развитию. Снижается потребность в рефлексии, другими словами, происходит накопление нового опыта, но этот опыт не рождает новых личностных конструктов, а раскладывается по «полочкам» уже сформированных взглядов и стереотипов.

Следующий этап исследования состоял в определении направления, обнаруженных в процессе выявления корреляционных связей, влияний показателей друг на друга. Определилось направления влияния для корреляционной связи между уровнем идентичности и уровнем ретроспективной рефлексивности: влияние уровня идентичности на ретроспективную рефлексивность однонаправленное, отрицательное. Были получены значимые данные о направлении влияния показателей по линии: идентичность макиавеллизм рефлексивность (общения и ситуативная). Так мы полагаем, что идентичность является базовым и определяющим свойством личности. Значит, исходным звеном в этой цепи является идентичность.

Уровень идентичности является определяющим для уровня макиавеллизма субъекта, который в свою очередь оказывает влияние на уровень рефлексивности. Однако было установлено, что связи между тремя параметрами являются двунаправленными. Поэтому, исходя из установленного двустороннего характера связей, верно выглядит и обратная по направленности цепочка влияния показателей друг на друга. Ниже представлены возможные варианты сочетания относительной величины уровней показателей.

1) Высокий уровень идентичности – низкий уровень макиавеллизма высокий уровень рефлексивности (общения и ситуативной).

2) Низкий уровень идентичности – высокий уровень макиавеллизма низкий уровень рефлексивности (общения и ситуативной).

В заключение хочется, апеллируя к позиции А.В. Брушлинского о том, что психическое имеет процессуальный характер, дополнить приведенное в начале определение идентичности. Идентичность, являясь результатом процесса, сама есть процесс, активно влияющий на другие протекающие процессы, и только в этом измерении, по нашему мнению, возможно рассмотрение идентичности с максимально не субъективизированным результатом.

РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Т.А. Таран (Украина, Киев, Национальный технический университет Украины «КПИ»)

В.Н. Шемаев (Украина, Киев, Национальная академия обороны Украины)

Рассмотрим проблему метавыбора, когда субъект, совершая акт осознания, выбирает программу действий, которую он может осуществить в будущем [1]. Рефлексивная модель метавыбора имеет вид:

$$A1(a1, a2, B_3) = (W(a3, B_3) \rightarrow a2) \rightarrow a1, \quad (1)$$

где $a1$ – давление внешнего мира, $a2$ – психологическая установка (ожидаемое давление внешнего мира) субъекта A , $a3 = a3(a1, a2, B_3)$ – интенции субъекта A , B_3 – интенции субъекта B . Пусть все переменные принимают значения на булевой решетке норм [2].

Рассмотрим интенциональный (реалистический) метавыбор, которому соответствует уравнение

$$(W(a3, B_3) \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a3(a1, a2, B_3) \quad (2)$$

Согласно [1], интенциональный метавыбор возможен, если существует по крайней мере одно решение уравнения (2). Найдем эти решения.

Предположим, что субъект B может влиять на планы или желания субъекта A так, что всегда принимается план, имеющий более высокую оценку на шкале норм, т.е. рассмотрим дизъюнктивное (толерантное взаимодействие): $W(a3, B_3) = a3 \vee B_3$. Тогда условие реалистического выбора: $a1 \vee \neg a2 \ \& \ (a3 \vee B_3) = a3$. По закону дистрибутивности получаем: $a1 \vee \neg a2 \ \& \ a3 \vee \neg a2 \ \& \ B_3 = a3$. Отсюда следует условие:

$$(B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1 \quad (3)$$

Условие (3) означает, что реалистический выбор субъекта A ограничен снизу значением готовности к выбору субъекта A , когда он «моделирует» выбор субъекта B , ставя его на свое место. Сверху реалистический выбор субъекта A ограничен примитивным выбором.

При каких условиях реалистический выбор субъекта A будет совпадать с давлением среды? Как можно воздействовать на него для того, чтобы у него сформировались интенции к выбору, который навязывается ему средой?

В этом случае должны одновременно выполняться равенства:

1. $(B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1$,
2. $a2 \rightarrow a1 = a1$.

Из (2) получаем: $\neg a2 \vee a1 = a1$, что возможно, если $\neg a2 \leq a1$, т.е. необходимо создать у субъекта A завышенные ожидания. Если выполне-

но условие $\neg a2 \leq a1$, то $a2$ несравнимо с $a1$, т.е. завышенные ожидания субъекта A должны «лежать в другой плоскости» по сравнению с реальным давлением мира. Из 1 получаем: $\neg a2 \& B_3 \vee a1 = a1$, откуда следует: $\neg a2 \& B_3 \leq a1$. Это условие означает, что образ субъекта A , принимающего планы субъекта B , должен быть завышен по отношению к давлению внешнего мира. Субъект A , имеющий психологическую установку $a2$, прогнозируя выполнение планов субъекта B , должен повышать свою самооценку, если он примет планы субъекта B . Таким образом, субъекту B удастся «навязать» партнеру A свои планы B_3 , если во-первых, оба придерживаются компромиссного поведения, во-вторых, субъекту B удастся создать у субъекта A завышенные ожидания – такие, что принимая предложения партнера B_3 , субъект A повышает свою самооценку.

Предположим теперь: поведение обоих партнеров таково, что они приходят к согласию только тогда, когда их планы совпадают, а в противном случае принимается тот план, который имеет более низкую оценку на шкале норм, т.е. рассматриваем конъюнктивное (бескомпромиссное) взаимодействие: $W(a3, B_3) = a3 \& B_3$. Тогда условие реалистического выбора принимает вид: $a1 \vee \neg a2 \& (a3 \& B_3) = a3$, откуда получаем

$$a1 \leq a3 \leq (B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 \quad (4)$$

Теперь реалистический выбор субъекта A ограничен снизу давлением среды и сверху представлением о выборе партнера в той же ситуации.

Условие $a1 = a3$ будет выполнено только тогда, когда планы субъекта A , во-первых, совпадают с давлением среды, и во-вторых, у него не остается свободы выбора. Последнее будет выполнено, если $(B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1$. Это условие предыдущего случая; разница заключается в том, что при таком поведении условия, при которых субъект A подвержен рефлексивному управлению, более жесткие: необходимо, чтобы он имел планы, совпадающие с давлением среды. Невозможно навязать ему решение, совпадающие с давлением среды, если он сам этого не хочет. Рефлексивное управление возможно только в направлении ограничения свободы выбора, а для этого нужно «поддерживать» в нем это решение путем создания у него завышенных ожиданий. В частности, если $B_3 \rightarrow a2 > a1$, т.е. образ партнера «на месте субъекта A » выше давления среды, то $(B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 \neq I$, и субъект имеет ограниченную свободу выбора: $a1 \leq a3 \leq (B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, но если $B_3 \leq a2$, т.е. планы, предлагаемые партнером, ниже ожиданий субъекта A , то $B_3 \rightarrow a2 = I$ и $(B_3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1$, тогда выбор субъекта детерминирован влиянием среды: $a1 \leq a3 \leq a1$.

Рассмотрим теперь, как партнер B может влиять на ожидания субъекта A . Тогда уравнение готовности будет иметь вид: $A1 = (a3 \rightarrow W(a2, B_3)) \rightarrow a1$, а условие реалистического выбора: $A1 = a1 \vee \neg W(a2, B_3) \& a3 = a3$, или

$a1 \vee \neg W(a2, B_2) \& (a1 \vee a3) = a3$, откуда получаем общее решение:

$$a1 \leq a3 \leq W(a2, B_2) \rightarrow a1. \quad (5)$$

Рассмотрим опять два типа взаимодействия: дизъюнктивное и конъюнктивное. Предположим, субъект A имеет опыт толерантного взаимодействия с партнером B , т.е. $W(a2, B_2) = a2 \vee B_2$, где B_2 – влияние субъекта B на психологическую установку A . Тогда

$$a1 \leq a3 \leq (a2 \rightarrow a1) \& (B_2 \rightarrow a1). \quad (6)$$

В этом случае субъект моделирует свой примитивный выбор и примитивный выбор партнера. Нижняя грань этих выборов определяет верхнюю границу возможностей реалистического выбора. Для того, чтобы $a3 = a1$, нужно, чтобы $(a2 \rightarrow a1) \& (B_2 \rightarrow a1) = a1$. Это выполнимо, если $\neg a2 \& \neg B_2 \leq a1$. Если партнер B имеет или демонстрирует завышенные ожидания, то в результате толерантного отношения с субъектом A ожидания последнего также повышаются. Результирующее значение $\neg a2 \& \neg B_2$ будет меньше, чем меньшее из $\neg a2$ и $\neg B_2$.

Таким образом, толерантное взаимодействие повышает ожидания субъекта A . Чем выше оценка влияния партнера B_2 на шкале норм, тем более повышается оценка психологического ожидания, тем более субъект A подвержен рефлексивному управлению.

Рассмотрим конъюнктивное взаимодействие: $W(a2, B_2) = a2 \& B_2$. Тогда

$$a1 \leq a3 \leq a2 \& B_2 \rightarrow a1. \quad (7)$$

В этом случае при $a1 = a3$ нужно, чтобы $\neg a2 \vee \neg B_2 \leq a1$. При таком «жестком» взаимодействии, когда партнеры не доверяют друг другу и не идут на взаимные уступки, повлиять на психологическую установку субъекта A труднее. Для этого нужно, чтобы как субъект A , так и субъект B имели высокую оценку ожиданий.

Рассмотрим влияние партнера на уровне давления среды: $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow W(a1, B_1)$. Тогда условие реалистического выбора: $W(a1, B_1) \leq a3 \leq a2 \rightarrow W(a1, B_1)$. При дизъюнктивном взаимодействии получим:

$$a1 \vee B_1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow (a1 \vee B_1),$$

при конъюнктивном взаимодействии:

$$a1 \& B_1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow (a1 \& B_1).$$

Таким образом, при толерантном взаимодействии субъект A формирует план, который соответствует «лучшему» из двух составляющих $a1$ и B_1 , а при бескомпромиссном взаимодействии – «худшему» из этих значений.

Литература

1. *Лефевр В.* Алгебра совести. М.: Когито-центр. 2003.
2. *Таран Т.А.* Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. №10. С.103-117.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН, ГДЕ МЕТОДЫ PUBLIC RELATIONS ИСПОЛЬЗУЮТСЯ В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ

Н.В. Толмачева

(Москва, Холдинг Русская школа PR)

Внедряя элементы рефлексивного управления как в политический так и в корпоративный PR мы не только повышаем эффективность собственных действий, но и даем в руки многих способ, который может быть использован в негативных целях. Обоснуем, почему взаимодействие PR-структур мы определяем как часть информационных войн и почему настаиваем на использовании методов рефлексивного управления в Public Relations.

1. Еще А.Толфлер в своей книге «Футурошок» предсказывал, что вскоре наступит новая эра войн. Войн информационных, где любое целенаправленное информационное воздействие на личность, а также на группу личностей, можно определить как оружие массового поражения. А что такое Public Relations? Концепция Русской школы PR утверждает, что PR это системная гуманитарная технология воздействия на сознание, прежде всего, массовое..

2. По Клаузевицу: *«Не важно с какой целью ведется война. Собственно цель военных действий навязать противнику свою волю».*

В настоящее время любое крупное предприятие любой отрасли имеет директора по PR или PR-менеджера, состоящего в подчинении у Директора по маркетингу и рекламе. Также любая избирательная кампания использует методы PR для борьбы за голоса избирателей. Задачи их примерно одинаковы. Воздействовать на население таким образом, чтобы оно приобретало именно их продукцию, будь то интеллектуальные услуги, товары народного потребления или кандидат в депутаты.

3. Соответственно между различными PR-структурами, возникает конкуренция, в которой присутствуют три следующие составляющие:

- а) взаимодействие ударных сил,
- б) соотношение двух информационно-управляющих систем,
- в) рефлексивное взаимодействие противников.

И эти представления, насколько нам известно, попадают под определение конфликта В.Лефевра.

В итоге мы имеем конфликт между тремя сторонами: собственно между различными PR-структурами и между PR-структурами и клиентами, где каждая из конфликтующих PR-структур имеет своей целью навязать клиентам именно свою продукцию.

3. Учитывая все вышеизложенное, мы получаем вооруженный конфликт, то есть войну, которая по определению Клаузевица *«Акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю... Насилие является средством, а целью будет навязать противнику нашу волю»*.

Причем, следует заметить, что *«Война акт насилия и всевозможная филантропия и заблуждения могут обернуться поражением. Неразумно из-за отвращения к суровости войны упускать из виду ее природные свойства»*. (Клаузевиц «О войне», т.1).

4. Почему мы настаиваем на использовании методов рефлексивного управления в Public Relations?

По Клаузевицу: «Цель военных действий лишить противника возможности сопротивляться. Чтобы сокрушить противника мы соразмеряем наши усилия с силой его сопротивления...определив силу сопротивления противника, мы оцениваем наши силы и стараемся достичь их перевеса. Но, к тому же стремится и наш противник.»

Вот здесь на помощь и приходят рефлексивные рассуждения. По Лефевру: «Формальная логика не выделила рассуждения, употребляемых в конфликтах... Рассуждения и взаимоотношения в конфликте принципиально иные, чем в научном споре». Используя элементы логики рефлексивных игр в теории и практике PR, можно достичь гораздо более действенных результатов, нежели используя одну только классическую теорию управления.

5. *«Война требует выдающихся умственных сил. Война область недоверного, так как 3/4 того на чем строится действие на войне лежит в тумане неизвестности»* (Клаузевиц. «О войне», т.1).

Исходя из классического определения В.Лефевра, что рефлексивное управление это процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому, можно сделать вывод, что используя рефлексивное управление «туманом неизвестности» вполне можно управлять.

6. По Клаузевицу, цели воюющих сторон заключаются в следующем:

- вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т.е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу;
- территория должна быть завоевана;
- сломить волю противника.

В нашем вооруженном конфликте присутствует три стороны, и все три вышеперечисленные цели имеют к ним ко всем непосредственное отношение. Однако, наиболее незащищенной стороной является потребитель.

7. Именно поэтому параллельно с внедрением методов рефлексивного управления в Public Relations крайне необходимо развивать тему информационной безопасности личности (В.Е. Лепский, Ю.Я. Любашевский и др.).

Какие же меры можно предложить в качестве защиты от информационного воздействия на личность? К сожалению, любые меры, принятые государством окажутся недостаточными, так как информационная безопасность личности зависит прежде всего от самой личности. Существует только один путь развития самосознания и рефлексии курс государства на приоритет науки, культуры и образования.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАГМЕНТОВ РЕФЛЕКСИВНОГО АНАЛИЗА В ВУЗАХ ОМСКА

В.А. Филимонов

(г. Омск, Омский филиал Института математики СО РАН)

Фрагменты рефлексивного анализа преподаются на кафедре программного обеспечения ЭВМ в Омском государственном университете (ОмГУ) на 3-м курсе математического факультета в рамках курса «Интеллектуальные системы и экспертный анализ» с 1998/9 учебного года. Как самостоятельный, курс «Рефлексивный анализ» преподается на кафедре высшей математики и информатики Омского государственного института сервиса (ОГИС) с 2001/2 учебного года. Рабочая программа для специальности 351400 «Прикладная информатика в сфере сервиса» (специализация «информатик-аналитик») рассчитана на 90 часов, из них 36 – лекции. Занятия проводились с использованием «Экран»-технологии (см. [1, 2], а также www.iitam.omsk.net.ru/~filimono). Для обеспечения учебного процесса в ОГИС был создан «Экран-сервис центр», комбинирующий возможности ситуационного центра и лаборатории мультимедиа (работа с полиэкраном и запись компакт-дисков с разработками студентов).

Основным материалом для построения курса явились работы В.А. Лёфевра, Г.П. Щедровицкого, PR-технологии, основанные на методике ТРИЗ С.Г. Альтшуллера, система стратагем Китая. Основным принципом организации – тезис В.Е. Лепского о необходимости трёх компонентов коллективной работы:

- проекта (задачи), которую решает коллектив;
- механизма (организма), в котором решается задача (в нашем случае это «Экран-сервис центр», команда поддержки коллективной работы, сам коллектив);
- каждой отдельной личности, которая во всём этом участвует.

Соответственно, учебные ситуации по возможности достраивались до перечисленных трёх компонентов. Для каждого проекта проводился поиск заказчиков из сторонних организаций, которые выполняли функции экспертов и потребителей, формировались кризисы коллективной и индивидуальной работы.

Особое внимание уделялось целостному восприятию рефлексии (от формализации до техник медитации). В рамках суфийской традиции на занятиях использовались притчи и анекдоты. На первой лекции преподаватель обозначал для себя в аудитории «место правды» (например, для сообщений о переносе занятий) и оговаривал своё право на мистификации во всех остальных местах. При этом на «месте правды» лектор разъяснял, что обман в корыстных целях лично он считает криминалом и свою задачу видит в том, чтобы, с одной стороны, научить порядочных людей распознавать обман, а с другой — помочь достигать взаимопонимания (в частности, с использованием соционики).

Принятый нами подход предусматривал продолжительную (в течение семестра) коллективную работу группы студентов (до 4 человек) над проектом по выбранной теме с последующим представлением результатов в форме презентации PowerPoint и обсуждением по регламенту конференции.

Типичные ошибки студентов отождествление любых ситуаций принятия решений с рефлексией. Поэтому перед изучением рефлексивного анализа слушателям необходимо освоить, как минимум, следующие инструменты системного анализа и когнитивных технологий [3-5]:

- построение и анализ определений (имя — форма — функция — фундамент);
- схематизацию (изображение ситуаций и соответствующих схем);
- когнитивную визуализацию (фейкодеры, когнитивные карты).

Основным итогом преподавания можно считать разработку комплекса примеров и тренингов (слайд-фильм «Обман обманывающего обманщика» по аналогии с «... о наблюдении наблюдателя за наблюдателями» Ф.Дюрренматта, «Рефлексивный гомеостат»). Комплекс позволил повысить понимание проблематики рефлексивного анализа примерно с 5 до 20% аудитории. В ноябре 2003 г. в ОГИС планируется издание учебного пособия «Введение в рефлексивный анализ». Представляется, что учебный курс рефлексивного анализа, применённый к себе самому, позволяет создать новую технологию учебного процесса. Курс должен быть многослойным: для этого мы практиковали проведение занятий с одновременным участием двух-трёх лекторов (ведущих). Соответственно, учебник по рефлексивному анализу (и синтезу) должен, по нашему мнению, включать комментаторов — персонажей, которые ведут диалог, например, типа сократовского.

Некоторые занятия могут быть построены с включением театрализованных эпизодов. Планируется продолжить поиск более совершенной процедуры экзамена (например, в форме суда присяжных). Будет сформирована библиотека из фрагментов художественных произведений (книг, видео, аудио), иллюстрирующих специфику рефлексии. Предполагается также использование ряда наработок, в частности, института учебника «Пайдейя» (www.paideia.ru).

Отдельным направлением является визуализация рефлексивного анализа с использованием когнитивной графики и, в частности, психографики, предложенной В.А. Лефевром.

Перспективы связаны с созданием межвузовского коллектива специалистов, преподающих фрагменты рефлексивного анализа. Помимо упомянутых вузов, в Омске предполагается участие Сибирской автомобильно-дорожной академии. Её возможности позволяют реализовать «Экран-сервис Центр» в стационарном и мобильном вариантах. Более масштабным явилось бы создание сообщества в Интернет [6] для систематической поддержки процесса обучения. Вариантом такого сообщества могла бы стать система дистанционного академического образования и дистанционной экспертизы [7] в области рефлексивного анализа.

Литература

1. *Филимонов В.А.* Сума технологии. Рефлексия// “Рефлексивные процессы и управление”// Тезисы III Междун. симп., 8-10 окт. 2001 г., Москва. Изд-во “Ин-т психологии РАН”. С. 187-189.
2. *Попова О.А., Филимонов В.А.* Рефлексивные аспекты технологии обучения информатике в сфере сервиса//Там же. С. 215-217.
3. *Филимонов В. А.* Интеллектуальные системы и экспертный анализ (учебное пособие). Омск: ОмГУ, 2002.
4. *Филимонов В. А.* Системный анализ и «Экран»- технология (учебное пособие). Омск: ОмГУ, Изд-во «Курьер», 2002.
5. *Райков А.Н.* Интеллектуальные информационные технологии// Учебное пособие.— М.: Изд-во “Московский гос. ин-т радиотехники, электроники и автоматики (технический университет)”, 2000.
6. *Лепский В.Е., Рапуто А.Г.* Моделирование и поддержка сообществ в Интернет: Препринт / Рос. акад. наук. Ин-т психологии. Лаб. психологии рефлексив. процессов. М., 1999.
7. *Филимонов В.А.* ДАО и ДЭ с российской спецификой//«Интеграция учебного процесса...» //Матер. Всерос. конф., Томск, изд-во Томского гос. ун-та, 2000, Т. II, с. 88-91.

ВОЙНА И МИР (ХОЛОДИНАМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА). ОБЫЧНАЯ ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА С НЕОБЫЧНОЙ СТОРОНЫ

Л.П. Хохлова

(Москва, Институт психологии и педагогики)

Истощение Государства — это отсутствие определенного слоя внутренне защищенных людей. Происходящие периодически террористические акты имеют своей основной целью расшатывание базового доверия к жизни у граждан. Терроризм, обретающий чудовищные масштабы и возможности и становящийся неуловимым — признак самоуничтожения такой иерархической системы управления, которая исчерпав свои возможности, не видит выхода к установлению взаимодействия с матричными структурами, дающим развитие и пространство каждой индивидуальности. Сложившаяся за многие тысячелетия развития общества военная парадигма иерархического мышления предполагает получение энергии и стимула к развитию за счет борьбы противоречий и эксплуатации «образа врага». Усилия в борьбе за мир выглядят либо как мероприятия оборонительного характера, либо как болезненные попытки «убить Зло».

В Российской школе холодинамической психотерапии и консультировании (*Л.П. Хохлова. 1989*) проблема насилия и терроризма рассматривается в контексте войн, происходящих внутри личности, которые до определенного времени сдерживались психологическими защитами. Но эти защиты уже не в состоянии справляться со скоростью и натиском современных информационных потоков и сумбуром происходящего. На первом плане феномен разрушительных сил, и в этой связи актуальной является задача психологического управления разрушительностью. Невозможно прийти к гармонии, рассматривая разрушительные силы как врага, с которым надо бороться и уничтожать. Эти силы составляющая часть целостности и гармонии.

Наши исследования выявили, в частности, неравномерность развития «темных» и «светлых» сторон «Эго» в процессе онтогенетического развития. У многих людей уровень управления «темной» частью личности соответствует возрасту ребенка до 3 лет. Что делать с давящим изнутри хаосом, бесформенностью, личность не знает. Очень небольшая часть населения как-то более конструктивно с этим справляется самостоятельно, большая часть неосознанно занимается блокированием этой бесформенной массы, и наиболее редуцированная часть населения «берет на себя, как сообщающийся сосуд» эту жуткую по форме миссию взрывов гетерогенных участков неосознанной психики, рассматривая ее как страшного врага, естественно, проецируя «образ врага» на других людей. И если раньше, террористы шли на переговоры, чтобы получить

требуемое им, то теперь появились террористы, которые стремятся к массовому спектаклю смерти. Образовались автономно действующие самодостаточные организации, исповедующие массовый террор как средство осуществления своих целей. В последнее время эти организации перешли с иерархического пирамидального строения на концентрическое, что делает их социально трудно уловимыми и непредсказуемыми. Помимо понимания глубинной психологической картины происходящего имеет место быть острейшая проблема психопрофилактики этих явлений.

Итак, участниками террористических ситуаций являются:

- имплицитная часть населения, авансирующая в пространство свою не переработанную агрессию;
- непосредственные участники террористического акта, люди с «виктим-комплексом»;
- террористы и их руководители;
- присоединившиеся зрители (благодаря СМИ);
- спасатели;
- «пост фактум» — люди, неосознанно отождествившие себя с жертвами.

Программы, нацеленные на психопрофилактику включают в себя:

- работу с населением, желающим работать над своими внутренними войнами;
- обучение профессиональных психологов этим методам;
- обучение представителей силовых структур, которые могут, располагая минимальными фактами и сведениями рефлексивно работать над этими ситуациями и профилактировать их;
- непосредственную психологическую работу в момент совершения тех или иных террористических ситуаций (Есть конкретный пример опережающей события психологической работы группы в ситуации заложников «Норд-Оста». В процессе проработки ситуации были выявлены глубинные намерения террористов и заложников, скрытые порядки происходящей ситуации. и с помощью метода управляемого резонанса были осуществлены необходимые резонансные взаимодействия с целью не допущения взрыва и освобождения заложников);
- работа постфактум, с людьми пережившими террор и зрителями, психика. которых «зацепила» холодаины этих ситуаций.

Холодинамические принципы и методы, разработанные В. Вульфом (1989) и представляющие алгоритмические технологии, по сути, нацелены на то, чтобы каждый человек мог самостоятельно работать над своими проблемами. В России разработаны (Л.П. Хохлова. 1989-2002) методы рефлексивного взаиморазвития интуитивного и рационального мышления (групповые и индивидуальные). Эти методы представляют собой иде-

ографически ориентированные подходы к диалогу с внутренним миром личности, позволяют работать как с ретроспективной, так и перспективной неопределенностью, связанной с неоднозначностью взаимодействия причины и следствия, с тем, что последующее состояние системы не является единственным, а связано с необходимостью выбора из некоторого множества возможных состояний.

Разработаны психологическая диагностика и технологии трансформации примитивных иерархических внутриличностных структур, сцепленных с имплицитной, разрушительной агрессией и обеспечение им дальнейшего развития по матричному типу.

Трансдисциплинарный, холодинамический подход представляет собой «внеграницные идеи», глобально проявляющие себя во всех естественных науках. Трансдисциплинарность (от лат. *trans* — сквозь, через) означает более высокий уровень универсальности по сравнению с междисциплинарной кооперацией. Особенностью трансдисциплинарных идей является то, что они инвариантны по отношению ко всем стратегиям познавательной деятельности (хилотропической и холотропической). Именно в гармонии обеих тенденций можно строить рефлексивные процессы «на зыбучих песках бессознательного». В действительности, для формирования навыка холодинамической рефлексии субъект должен признать случайность в качестве фундаментального свойства природы и овладеть рефлексией случайных событий, выработать чувствительность к синхронистическим связям (акаузальной смысловой атрибуции). Это специальный процесс научения субъектов прохождению через Неизвестное.

Методы холодинамики применимы для решения и психопрофилактики различных проблем: личных или общественных, раскрывают творческий потенциал личности, содействуют распространению миротворческой парадигмы мышления, дают возможность человеку и обществу получать жизненную энергию мирным путем. Важно понять, что «государство не может сделать все вместо своего гражданина». Вместе с тем никто никого не может заставить меняться. Каждый человек «охраняет свои врата перемен», которые могут быть открыты только изнутри. Психологическая практика показала, что рефлексизирующие люди, рассматривающие проблему как приглашение к развитию, обретают источник силы внутри себя.

В наше особое время индивидуальная активность вовсе не бессмысленна. В участвовавших состояниях неустойчивости социальной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы. Именно от этих действий зависит инициирование таких флуктуаций, которые придадут направление течению событий. Значение бифуркации состоит в том, что именно в этой точке можно не силовым, а

информационным, холодинамическим способом, т.е. очень слабыми воздействиями повлиять на выбор поведения системы, на ее судьбу. В этот момент малые, но синхронистически адекватные резонансные действия весьма эффективны.

Судьба России – это судьба мира, и ее народ – хранитель равновесия мировых сил. И как писал К.Г. Юнг: «Мир висит на тонкой нитке, и эта нить – психика человека».

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ, ИНДИИ И США

*А.Б. Хромов (г.Курган, Курганский госуниверситет)
Дюби, Бэнки (Индия, Чандигарх, Пенджабский университет)
Мальхотра, Мамта (Индия, Людлиана, Пенджабский
сельскохозяйственный университет)
Моррисон, Дороти (США, Университет Миннесота Дюлуз)*

От способности рефлексивно представлять других зависит благополучие, а может быть и выживание человечества в XXI веке (*В.Лефевр, В.Лепский*). Это подтверждается результатами сравнительного межкультурного исследования, в ходе которого выявлялись рефлексивные коллективные представления культурной вариативности **индивидуализм-коллективизм** у студентов России, Индии и США.

Рефлексивные представления изучались на трех уровнях. Выделение уровней рефлексивного представления обусловлено сложностью процесса социального отражения: нулевой уровень – непосредственные прямые представления особенностей своей и другой культуры; первый – представления о себе и о других за представителей своей культуры; второй – многократное отражение некоторых особенностей культуры, с точки зрения представителей другой культуры.

На нулевом уровне рефлексии оценка культуры осуществляется с позиции – от субъекта к объекту оценки (как Я непосредственно ПРЕДСТАВЛЯЮ оцениваемые культуры). На первом уровне рефлексивного представления оценка культур осуществляется с позиции других представителей одной культуры – МЫ оцениваем себя и других (МОИ представления о том, как НАШИ представляют свою и другие культуры); на втором уровне (уровень двойного рефлексивного представления) культуры оцениваются с позиций представителей других культур – ОНИ оценивают НАС (МЫ знаем, как ИМ представляются особенности нашей и других культур в НАШИХ оценках).

Для оценки культур использовался Культурно-ценностный дифференциал, разработанный Г.У.Солдатовой, И.М.Кузнецовым, С.В.Рыжовым.

вой. Методика адаптирована А.Б.Хромовым для целей многоуровневого рефлексивного оценивания культур (перевод на английский язык осуществлен в содружестве с американцем Дж.Бэрри). Параметры культуры сравнивались методами математической статистики. Испытуемыми в России были студенты КГУ (N-62), в Индии – студенты Пенджабского сельскохозяйственного университета и Пенджабского университета в городе Чандigarх (N-66), и в США – студенты университета Миннесота Дюлуз (N-60).

Исследование показало, что социальные представления культур на втором уровне рефлексивных оценок достоверно различаются у российских и американских студентов по параметру **направленность на взаимодействие и ориентация на группу**. Русские испытуемые предполагают, что американцы в своих оценках России (Мы знаем, как ОНИ оценивают НАС) акцентируют различия российской и американской культуры по параметру **коллективизм**. Американцы относят культуру России к восточным коллективистским культурам, так же как и культуру Индии, хотя по параметру **открытость к переменам** коллективные представления американцев совпадает с автостереотипами русских.

У американцев, в сравнении с русскими, больше выражен разрыв в прямых и рефлексивных оценках культур первого уровня представлений, что в представлении каждого американца может быть интерпретировано как: *“Я предполагаю, что ДРУГИЕ американцы могут иметь мнение, отличающееся от моего”*. Это типичное представление представителя индивидуалистической культуры, в котором проявляется принадлежность к индивидуалистической культуре.

Максимальные значения оценок рефлексивных представлений некоторых особенностей культур показали российские испытуемые и индусы. Россиянам легче, чем американцам представить, что думают и чувствуют представители другой культуры. Исследование показало, что способность рефлексивно оценивать себя и других, в большей степени выражена у русских и у индусов и, сравнительно меньше – у американцев. Зная особенности рефлексивных представлений, можно объяснить многие ошибки в политических прогнозах и оценках международных событий.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИИ

Л.И. Цой

(Москва, Институт социологии РАН)

Одна из важных задач, которая может быть поставлена как на теоретическом, так и на практическом уровнях – поиск и исследование такого механизма в конфликтной ситуации, который способствует сохранению

конфликтного потенциала, развитию коммуникации конфликтующих сторон и решению социально-значимых проблем для обеих конфликтующих сторон.

Конфликтная ситуация — это неуравновешенная и потенциально противоречивая ситуация, включающая в себя три стадии: предконфликт, конфликт и постконфликт. На этапе открытого конфликта актуализируется конфликтный потенциал и результатом столкновения конфликтующих сторон могут стать переговоры, консенсуальные отношения, сохранение хронической конфликтной ситуации, война, террористический акт, забастовка и другие крайние формы проявления насилия.

Конфликтный потенциал — это имманентно присущее человеку и обществу наличие противоречивых ценностей, интересов и потребностей, лежащих в основе социальной жизни. Сохранить конфликтный потенциал — это значит, создать такую демократическую ситуацию, в которой каждая конфликтующая сторона могла бы открыто реализовать свое право на конфликт, защищая (и согласовывая) ценности, интересы и удовлетворяя свои потребности в рамках правового поля.

Конфликт, в котором оказывается конфликтующий человек, требует большой энергии работы мысли, не говоря уже об эмоционально-психологическом и физическом напряжении, которое способствует вырваться мысли за свои пределы, то есть «выскочить» в рефлексивное пространство, в котором мысль о мысли позволяет дополнить имеющуюся у него в сознании картину конфликтного взаимодействия.

Моделирование конфликта должно быть в центре внимания управленцев и тех субъектов, которые стремятся к максимальному выигрышу в конфликте. Моделирование конфликта позволяет:

- Обнаружить новое содержание, которое привлекает любого конфликтующего субъекта, по какому сценарию, будет развиваться конфликт дальше, возможности конфликтного взаимодействия и т.д.
- Развивать рефлексивное мышление, в связи с чем, появляется возможность рефлексивного управления в реально разворачивающемся конфликте.
- Направлять развитие конфликта по тому сценарию, которое наиболее выигрышно для рефлектирующего субъекта, который может критически переосмыслить свое прошлое и настоящее, а будущее наполниться новыми представлениями, нормами и договоренностями, позволяющими разрешить конфликт или удерживать его на новом витке развития.
- Подготовить сознание и психику к разрушающим факторам, а именно к длительной ситуации неопределенности, которая, подвергает психику людей тяжкому испытанию, ведущему к состоянию фрустрации, дистрессу и психосоматическим заболеваниям. То есть подгото-

виться к внутриличностному конфликту, так как конфликты имеют тенденцию перемещаться из среды во внутрь человека.

В реальной конфликтной ситуации моделирование конфликта должно занимать особое место — как в сознании конфликтующих сторон, так и в деятельности управленцев.

На пути препятствия к моделированию конфликта лежат несколько общественных и индивидуальных стереотипных реакций, в которых отражается уровень сознания и степень развитости рефлексивного мышления.

Перечислим основные из них:

- Конфликтофобия — страх перед любым конфликтом. Некоторые люди считают, что все конфликты одинаково опасные, а конфликтующего человека необходимо изолировать от общества. Они нагружают ситуацию разными домыслами и раздувают ее до огромных размеров.
- Люди, неверно воспринимающие конфликты, видят конфликт там, где его нет, но конфликт их не пугает. Они начинают бороться за нечто совершенно не имеющее отношения к тому, о чем вообще идет речь на самом деле. Это, к примеру, человек, который склонен превращать любой конфликт в ситуацию победы/поражения.
- Люди, не воспринимающие конфликт, его не видит даже когда находится в самом его центре. Надев на себя шоры специальной конструкции, они не видят, что маленькие, незаметные конфликты рано или поздно могут перерасти в неуправляемые процессы, разрушительного характера.

Таким образом, моделирование конфликта это путь институализации конфликта, его дифференциации, формирования новых установок на возможности конфликтного взаимодействия, на развитие рефлексивного мышления и на поиск демократического механизма сохраняющего интеллектуальный конфликтный потенциал человека и общества в целом.

МЕСТО И РОЛЬ РЕФЛЕКСИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т.А. Чекрыгина
(г. Туанце, ТРТУ)

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев соотносят проблему рефлексии с проблемой определения своего способа жизни и выделяют два вида рефлексии: внешнюю и внутреннюю. Внешнюю, формирующую феноменальный слой сознания и внутреннюю, которая по их мнению выводит человека за его пределы. С ней связано ценностное осмысление жизни.

Именно этот вид рефлексии, по нашему мнению, и является основным механизмом социокультурной идентификации личности. Именно в этой рефлексии возникает новое качество внутренней диалогической инстанции, обеспечивающая подлинное приобщение и сопричастность к универсальному бытию. Именно на уровне социокультурной идентификации посредством рефлексии, как мысли *N*-го порядка возможным и реальным становится основной принцип существования человека по И.Канту, выраженный им в Категорическом императиве — поступай так, чтобы максима твоей воли в любой момент могла стать основой всеобщего законодательства.

Это значит, что на этой ступени развития человек выходит на уровень формирования целостного универсального мировоззрения, носящего явно выраженный индивидуальный характер. В основу его сознательно полагаются универсальные базовые, ценностные установки, которые либо усваиваются из вне, но утверждаются как собственные и принимаются как основополагающие, либо извлекаются из внутренней диалогической инстанции, осознаются и закладываются в основу миропонимания и мироотношения.

Человек, таким образом, приобретает способность самодетерминации, как основного принципа личностной организации, в полной мере становится личностью и выходит на уровень универсума. Идентификация здесь идет с ориентацией на базовые ценности, самим же субъектом сформулированные и установленные. Таким образом, процесс идентификации основан на осознанно рационально организованной рефлексии. ■

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК СЕТИ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

А.С. Шохов (Москва, консультант по управлению)

Д.В. Реут (Москва, МГТУ им. Н.Э.Баумана)

В работе [1] В.А. Лефевр ввел ставшую сегодня классической схему рефлексии конфликтующих персонажей на плацдарме. Постепенно выяснилось, что потенциал этой схемы распространим и на кооперативный тип взаимодействия персонажей [2].

В настоящее время в общественной практике, наряду с традиционными отраслевыми организациями, активно заявляют о себе сетевые структуры [3-5]. Они все более востребуются, в частности, в хозяйственно-экономической сфере.

Покажем, что *схема рефлексии персонажей на плацдарме* применима к описанию процесса становления *способа взаимодействия* членов сетевых структур. В современной экономике различают *кооперативное* взаимодействие, при котором хозяйствующие субъекты сохраняют равную эконо-

мическую и юридическую самостоятельность, и *корпоративное* взаимодействие, при котором хозяйствующие субъекты выстраиваются в иерархическую структуру с неравномерным распределением экономических и юридических прав и обязанностей по этажам. Так, функции постановки целей и контроля их достижения обычно делегируются «наверх». Тот и другой способ взаимодействия может быть как «стационарным», отраслевым, так и динамическим, проектным.

До начала хозяйственно-экономического взаимодействия субъекты (возможно, сетевым образом сложно внутри себя организованные) являются равноправными персонажами плацдарма, членами сети, изначально обеспечивающей лишь информационные связи.

Это исходное состояние плацдарма определим как систему сетевой природы $\{S\}$, представляющую собою систему связанных в сеть систем, каждая из которых выступает в качестве элемента данной системы.

Введем обозначения для описания различных ее уровней. Нулевым уровнем назовем выбранную для рассмотрения систему, элементы которой рассматриваются как неделимые, не имеющие внутренней структуры единицы. Таковую систему обозначим $\{S_0\}$.

Если элементы системы $\{S\}$ начинают рассматриваться как подсистемы, то система $\{S\}$ становится системой подсистем, и ее будем обозначать $\{S_{-1}\}$. Соответственно, если в этих подсистемах рассматривать их элементы как под-подсистемы, то систему $\{S\}$ следует обозначать $\{S_{-2}\}$. Говоря о системе $\{S\}$, что она имеет сетевую природу, мы тем самым рассматриваем ее как систему $\{S_{-n}\}$, $n \rightarrow j$, где j – количество всех учитываемых в данной модели уровней глубины рассмотрения.

В то же время система $\{S\}$ может рассматриваться как элемент более общей системы. В этом случае, говоря о системе $\{S\}$ как об элементе более крупной системы, мы будем обозначать ее $\{S_1\}$. Если эта более общая система начинает рассматриваться как элемент еще более общей системы, и система $\{S\}$ перестает быть различимой для рассмотрения, то запись $\{S_m\}$, где $m > 1$, перестает иметь смысл. Однако, индекс $m > 1$ продолжает сохранять смысл, если обозначать таким образом внешнюю среду системы $\{S\}$. Действия, которые система $\{S\}$ осуществляет по отношению к внешней среде, могут найти отклик, вообще говоря, на любом из уровней $\{S_m\}$, где $m > 1$. Если этот отклик порождает обратную связь к системе $\{S\}$, то при соответствующей ее организации возникает процесс, нормирующий действия системы $\{S\}$ по отношению к внешней среде по некоторым зависящим от природы системы параметрам (например, экономической эффективности, экологичности и т.п.).

Полагаем, что в исходном состоянии плацдарма кооперативные и иерархические отношения между персонажами отсутствуют. Однако многие формы практической деятельности могут быть эффективно реализо-

ваны только в кооперативных, а чаще – в иерархически организованных структурах.

Отношения, обеспечивающие существование последнего типа структур могут быть осуществлены «наблюдателем», т.е. любым персонажем плацдарма, вышедшим в состояние рефлексии и *помыслившим себя* начальником либо подчиненным по отношению к другому персонажу плацдарма, при условии, что этот другой персонаж плацдарма у себя в голове устойчиво воспроизведет комплиментарную схему иерархической организации отношений.

Вследствие проектной направленности европейского мышления и стремления к экономической целесообразности попытки установления подобного рода отношений постоянно воспроизводятся. Конкретные основания для установления иерархии бывают разнообразны. Связь между каждой парой субъектов представляет собой многоуровневую систему, в которой каждый выделяемый уровень связи может играть большую или меньшую роль в зависимости от ситуации (под которой понимается множество переменных, параметров и обстоятельств, которые взаимодействующие субъекты учитывают в процессе коммуникации друг с другом).

Поскольку наблюдатель является *внутренним*, т.е. членом системы, он *действует* на основании своего рефлексивного представления о плацдарме. Основой функционирования полисистемы в целом является матрица рефлексивных представлений ее членов. Структура этой матрицы обуславливает существование ситуативно возникающих иерархических образований в исходной системе сетевой природы.

Функционирование полисистемы определяется интерференцией (наложением и переплетением) рефлексивных представлений ее членов, которое начинает восприниматься ими как коллективная действительность [6,7]. В ней они находятся и взаимодействуют. Процесс становления интерференционной картины (последовательного «осознания ситуации» персонажами плацдарма [1]) есть латентная фаза *развития* системы.

Обычно членов системы волнует вопрос об устойчивости этого развития. Для его разрешения производится параметризация рассматриваемого полипроцесса, устанавливаются соответствующие индексы и критерии. Например, отслеживаются экономическое развитие и его устойчивость.

Темпы развития предопределяются динамикой рефлексивных процессов совокупности персонажей плацдарма и их интерференцией. Изменения интерференционной картины рефлексивных представлений накапливаются и проявляются в скачкообразном изменении (в частности, возникновении, исчезновении, поглощении) организационных структур плацдарма. Изучая рефлексивные представления, можно предсказывать судьбу организационных структур, а управляя этими представлениями и

процессом их интерферирования — порождать и уничтожать организационные структуры. Указанным целям служит мифодизайн [8,9].

Возникающие в экономике иерархические структуры суть *домены* (области плацдарма), которые характеризуются совпадающими у составляющих домен членов сети представлениями о текущем состоянии иерархических отношений и своей включенности в них. Интерференционная картина рефлексивных представлений внутри каждого домена относительно устойчива. Заметим, что традиционные иерархические (в частности, отраслевые, государственные) структуры жизнеспособны до тех пор, пока критическая масса их членов придерживается наработанной рефлексивной картины. Примером может служить ситуация в пост-советской экономике, да и сама ситуация Советского Союза.

В процессе перманентного самоопределения персонаж плацдарма устанавливает свой личный приоритет кооперативной или корпоративной деятельности и актуализирует соответствующую рамочную оргдеятельностную схему [10]. Эта схема может содержать несколько вложенных контуров кооперативной и корпоративной деятельности. Например, в *корпорации* могут осуществляться *проекты*, предусматривающие *кооперацию*.

Заслуживает внимания фигура лидера, основателя домена сети, владеющего технологией актуализации доменов (относительно устойчивых матриц рефлексивных представлений). С ее помощью генерируются скачки (переходы) от одного состояния полисистемы к другому, при котором волна изменений распространяется от уровня $\{S_x\}$, на котором находится актуализатор, на уровни $\{S_{x-m}\}$ и $\{S_{x+n}\}$, где m и n — целые числа. Чем мощнее технологическое воздействие и чем точнее оно отвечает текущему состоянию персонажей плацдарма, тем «выше» и «глубже» распространится волна изменений интерференционной картины, способная не только сдвигать границы доменов на плацдарме, но и порождать новые домены на каждом уровне полисистемы сетевой природы. Открывается возможность управления развитием полисистемы, вообще говоря, из любой ее точки.

Важен вопрос о возможности моделирования обсуждаемых процессов. В частности, естественный процесс образования доменов моделируется свободным группообразованием в организационно-деятельностных играх (ОДИ) [11] и родственных им социально-игровых технологиях. Авторы полагают, что возможно построение на основе мифодизайна социальной технологии искусственного доменообразования в системах сетевой природы.

Литература

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов. Радио, 1973.
2. *Тупицын А.* Рефлексия в кооперативных системах деятельности. Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17-19 октября 2000 г, М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 47-48.

3. *Чучкевич М.М.* Основы управления сетевыми организациями. М.: Изд-во Института РАН, 1999.
4. *Реут Д.В.* Интернет-политика. Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума 17-19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 125-127.
5. *Реут Д.В.* Релятивистские эффекты информационного пространства. Тезисы докладов III сессии Международной конференции «Эволюция инфосферы» памяти Н.Н.Моисеева 28.02-02.03 2001. Том. 3. М., 2003.
6. *Шохов А.С.* Структура социальной системы и ее пространство. Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции в 4-х томах. М., 1997. Том 3. С. 323-327.
7. *Шохов А.С.* Природа социального пространства. Социальные проблемы Уральского региона. Екатеринбург, 1994. С. 10-11.
8. *Реут Д.В.* Рефлексивный мифодизайн (тезисы). Сетевые организации. Материалы встречи ОДН 27 марта 2001 года. М.: Московская сеть консультантов по организационному развитию. 2001. С. 24.
9. *Реут Д.В.* От мифологизма – к мифодизайну и мифопрактике. Сетевые организации. Материалы встречи ОДН 27 марта 2001 года. М.: Московская сеть консультантов по организационному развитию. 2001. С. 25-29.
10. *Щедровицкий Г.П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987.
11. *Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 115-142.

MODELING SOCIAL INFLUENCE WITH REFLEXIVE PROCESSES

Philipp A. Djang

(USA, Army Research Laboratory White Sands Missile Range)

Diffusion of perceptions, opinions and ideas is an important area of social and political research. This research topic, while broad in scope, has relevance for current world situations such as the recruiting of terrorists, modeling of economic trends and control of crowds. How do ideas or influences propagate through a loosely connected social network of individuals and how do these influences affect the distribution of resources? Reflexive processes have been used to simulate the propagation of influence between two individuals via two person reflexive games. We wish to expand this work by modeling the transmission of influence through groups of people.

Knocke and Kuklinski have studied the diffusion of innovative technology and established some empirical norms based on analysis of their datasets. While traditional analytic methods have made substantial contributions to the understanding of how new concepts and technologies are disseminated, these methods, in general, fall short of analyzing fast changing complex environments, such the growth of a terrorist network, and further, fail to offer a broader view of

how a collective behavior emerges from changes in individual characteristics. In addition, the underlying decision mechanism that drives an individual to adopt an idea is noticeably absent in this field. In order to address these shortfalls, we combine the powerful tools of reflexive processes and stochastic cellular automata to rigorously analyze rates of idea diffusion by conducting studies and examining assumptions in a manner not possible otherwise. In our model, a stochastic cellular automata is used to model a social network of individuals and reflexive processes act as the agent decision engine by serving as transition state rules for the stochastic cellular automata.

Stochastic Cellular Automata (CA) have been employed by a wide variety of disciplines to illustrate numerous complex adaptive system principles. The foundations of CA are based upon early Systems Theory and rigorous mathematical analysis done by Russian scientists. Recently, Stephen Wolfram published a landmark book, *A New Kind of Science* devoted to CA theory and applications. In 1983, Wolfram published a landmark paper in *Reviews of Modern Physics*. Wolfram based his paper on remarkable contributions by three outstanding scientists: Alan Turing, John von Neumann and Stanislaw Ulam. John Conway's "Game of Life" (developed in 1969) was the first popular CA application.

The underlying motivation for employing cellular automata is their simplicity and minimalist approach for simulating complex phenomena. General Systems Theory posits that the whole is greater than the sum of the parts. Many physical systems are composed of identical components that obey simple laws; however, it is the interaction of the simple components that gives rise to very complex and unexpected behavior. The laws that govern the transition dynamics of most cellular automata are simple geo-spatial voting mechanisms. Our innovation is to employ reflexive processes as the primary state transition mechanism. We select reflexive processes as a replacement for the simple voting rules because of their relevance to human decision-making. Reflexive processes take into account normative concepts (ethics and morality) as well as game theoretic concepts of value and utility. Most importantly, reflexive processes have been empirically validated as decision prediction algorithms. By employing reflexive processes, our cellular automata can simulate the diffusion of perceptions, ideas and opinions in a way that may prove to be a fertile ground for future research.

For an example of an application, we model the spread of popular opinion through a social network of agents. Agents are divided into two categories: politicians and voters. Politicians attempt to influence voters and convince them to vote for them by communicating with voters. Lefebvre's continuous model of the subject: $X_1 = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2) x_3$ is the model for voters. Voters will vote for a politician if their intention is equal to their readiness. The model also includes a "spin-glass model" component: voters also interact with other voters by observing their neighbor's current opinion. With probability P , a voter may decide to switch their

opinion so that it aligns with voters in their social network neighborhood. These two phenomena give rise to the so-called percolation effect of cellular automata. During the course of the simulation, islands of voter preference arise and dissipate as a function of politician-voter interaction and voter-voter interactions.

Our current efforts are concentrated primarily on understanding the dynamics of the interaction of multiple heterogeneous reflexive process agents embedded within a cellular automata for the study of valid model of the social phenomena of idea and opinion diffusion. We have applied data mining tools to gain insight into the behaviors of the agents and have begun to investigate the effects of initial condition parameter values on both short and long term outcomes. We are especially interested in macro-level transient behaviors as the cellular automata transitions between states. We believe by simulating individual level decision characteristics with reflexive process, we can determine how certain psychological assumptions that underlie those very individual characteristics will determine the macro-level dynamics at the cellular automata level.

REFLEXIVE MODELS IN DECISION-MAKING

Xenia Kramer (USA, New Mexico State University)

Tim Kaiser (Germany, Darmstadt University of Technology)

Vladimir Lefebvre (USA, University of California)

Stefan E. Schmidt (USA, New Mexico State University)

Jim Davidson (USA, New Mexico State University)

We discuss a formal model and a prototypical example for automated reflexive decision-making. Reflexive decisions involve sending packages of information to a recipient to increase the likelihood for determining his future behavior. In sending the (misleading) information the sender gains knowledge, i.e. he will know that the recipient received his informational packages. The difficulty in reflexive decision-making lies within choosing an appropriate model of how the recipient processes this information. If such a model is available we can compute the recipients behavior and apply a counterstrategy. Automation enables us to evaluate all possible reflexive decisions within a fixed scenario. Therefore we can single out strategies having desired properties. We will explain two different basic schemes of reflexive decision-making using a computer simulation of an application to counterterrorism where one party (US border defense) tries to allocate its resources optimally to block the other party (terrorists) from traversing certain edges in a graph (crossing the country's border).

REFLEXIVE MODEL FOR TERRORIST RECRUITMENT

*Tim B. Kaiser (Germany, Darmstadt University of Technology),
Stefan E. Schmidt (USA, New Mexico State University)*

The challenge in modeling terrorist recruitment activity lies in the difficulty of capturing the human psyche. Common modeling approaches understand human decision making processes primarily as optimization of utility gain based only on rationality. However, a disregard of the moral dimension within terrorist behavior makes it impossible adequately to describe this situation. For example, a suicide mission requires a high willingness for sacrifice which goes beyond the concept of a homo economicus. Reflexive Theory allows modeling the combination of external, environmental and internal, moral factors. In contrast to utilitarian optimization, the principle of reflexivity proposes that the subject attempts to reach a state of congruency between the self and the internal model of the self. Using the quadratic model we develop a computational model for terrorist recruitment. ■

REFLEXIVE THEORY AND MATCHING LAW

*Vladimir A. Lefebvre
(USA, School of Social Sciences University of California, Irvine)*

Mentalism is a science about subjective matters that gives a living creature a niche for the inner world. Behaviorism is a science about behavior depriving a living creature of it. Both of these sciences have a common feature; in them, an organism appears as an entity. The first one focuses on a subject's relation to the self, while the second one focuses on the relations between the subject and the environment (*Tolman, 1932*). For the last few decades, the border between mentalism and behaviorism has moved: a formal model of the subject has appeared which includes both its mental domain and its behavior. The model's verification goes through its penetration into various branches of psychology, sociology, and anthropology. Behaviorism represents the most attractive field for such a penetration, because of its strict inner discipline and methodological honesty that allows us to distinguish clearly what is understood and what is not. One of the unsolved problems in the science of behavior is the *Matching Law* (*Herrnstein, 1961*). It describes the ability of birds and mammals to regulate the ratio between a sequence of reinforcements and a sequence of responses. This ability looks *strange* from the point of view of the utilitarian common sense (see Williams, 1988). In this work we offer a solution to this problem with the help of Reflexive Model of the Intentional Subject (RIMS).

In creating this model we tried to understand a phenomenon of "moral choice" from a purely scientific point of view, rather than from a moralistic one.

A great number of specialists from psychiatrists to sociologists studying criminals and terrorists are interested in finding objective laws of moral choice. A human mental domain must be represented in their studies as clearly and unambiguously as behavior is represented in behaviorism.

RIMS is a special mathematical representation of a subject making a choice between two alternatives. This model reflects two aspects of the subject's activity: utilitarian and deontological. The utilitarian aspect relates to the behavior which is advantageous from the practical point of view, for example, obtaining money or food. The deontological aspect relates to the idealistic behavior, for example, choosing between good and evil. It may happen that the "moral" orientation of the alternative does not correspond to the utilitarian one. For example, a deal with an enemy may be more profitable than the deal with a friend. Both these aspects are connected into a single process of behavior generation by the formal model.

RIMS is a probabilistic model. It predicts probabilities with which the subject chooses the alternatives, one playing the role of the positive pole and the other that of the negative pole. The idea that the subject's choice is probabilistic appeared early in the twentieth century and was used in many theoretical models (Thurstone, 1927; von Neuman & Morgenstern, 1944; Savage, 1951; Mosteller & Nogee, 1951; Bradley & Terry, 1952; Davidson, Suppes & Siegel, 1957; Bower, 1959; Luce, 1959; Audley, 1960; Spence, 1960; Restle, 1961; LaBerge, 1962; Atkinson et al., 1965). This line of investigations changed significantly the view that behavior is a process completely determined by the environment. Although effective methods have been developed to predict the results of probabilistic choice, the problem of its essence remained untouched. We still do not have clear ideas about whether all living creatures are capable of probabilistic choice or only some of them. Also, we do not know how an organism "learns" the probabilities with which it "must" make a choice in a given situation. RIMS connects the subject's probabilistic behavior with its mental domain and allows us to formulate a few new hypotheses. In the framework of this model, prior to the act of choice, the subject's state is uncertain and can be characterized by the distribution of probabilities over alternative choices. Using a quantum-mechanical metaphor we can say that immediately before the act of choice, the subject is in a mixed state, and the act of choice is a "collapse" of the mixed state. As a result, the subject moves into one of the pure states. It is worth emphasizing that the ability of the subject to make a choice between the alternatives with *fixed* probabilities indicates a rather high level of the development. The specialists in mathematical modeling know well how difficult it is to construct a technical device which would generate a random sequence of 0's and 1's with a fixed probability of their appearance.

We may suppose that probabilistic behavior of organisms appears at the same time as their mental domain. Their appearance indicates the moment of an organism's "liberation" from the "necessity" to respond in one only way to an external influence. To choose alternatives with fixed probabilities, the

organism must somehow “download” them into the self. We presume that the “secret” of the Matching Law is that it reflects a procedure of forming a mixed state in the subject, during which the subject processes information received from the environment into probabilistic distribution. Let us imagine that an organism, say a rat, a pigeon, and even a man cannot solve this problem through their inner mental activity. Because of that failure the entire organism becomes involved in a computational process. When an animal is running between the two feed hoppers (in the experiments in which the Matching Law is revealed), it is an external demonstration of this process. As a result of such a “downloading” of the probability the subject became capable of making an instant probabilistic choice. But this ability is not “free” for the subject; to obtain it an organism must spend energy.

The experiments with two keys in which human subjects were used (see Ruddle et al., 1979; Wearden & Burgess, 1982) allow us to hypothesize that generation of a mixed state in humans is also connected with their motor activity. This activity may also reveal itself during a process of estimation. For example, when the subject is given a task to mark the intensity of a stimulus on a scale, the subject’s pencil oscillates before it makes the final mark. Sometimes it is even difficult to determine which mark is final (see, for example, Poulton & Simmonds, 1985). We may suppose that these oscillations are functionally analogous to rats’ running from one food-hopper to another. Let us note that RIMS can explain the process of categorical estimation as well as that of matching (Lefebvre, 1992a).

The most important difference of RIMS from the models existing previously consists in the introduction of a new special variable which corresponds to the subject’s *model of the self* (Lefebvre, 1965; 1977b). We interpret the value of this variable as the subject’s *intention* to make a choice. The intentional behavior is given as $B=I$, where B is the value of the variable which describes the subject’s behavior, and I is the value of the variable corresponding to the image of the self. In this case, variable I can be omitted, and we obtain a behavioristic type model which can be empirically falsified. In the framework of RIMS, the organism of the subject tends to generate a line of behavior such that it reaches and holds equation $B=I$. This principle of behavior generation we will call *The Law of Self-Reflexion*. ■

REFLEXIVE SYSTEM – A CONCEPTUAL KNOWLEDGE

Dr. Mamta

(India, Ludhiana, Punjab Agricultural University)

A reflex is a response to stimulus, which is so well ingrained into our bodies that it bypass the brain altogether. When the person has the ability to react quickly referred as fast reflexes. Reflexive system means that the system may abstract

itself, so that simulating the system (or an altered version) inside itself is trivial, and accessible to anyone. The system may also prove things about itself. Reflexive system help in rapid recognition, inferences and planning within a large brief network. Uses of reflective strategies to help to overcome computational limitations and deal with uncertainty. Reflexive system would be capable of stimulating highly proficient, subtle and creative aspects of human decision making in real world domains.

Reflexive system helps in rapidly settlement of situation interpretations and plans in the face of new observations and changing goals. Immediate goal of reflexive system can be understood in terms of causal knowledge structures that we call mental models. Reflexive system helps in dynamically determining the scope of active human memory. Reflexive knowledge is a transitory phenomenon. Reflexive knowledge is as long as the subject is elaborating the new structure or networks. Conceptual knowledge system or declarative knowledge is based on a process of elaboration of perceptual input resulting from perceptual analysis equivalent to a mental comparison model.

Reflexive knowledge can be related to the executive or integrative functions attributed to the prefrontal cortex. Developmental process is recursive, cognitive development could be characterized by a succession of levels of direct and reflexive knowledge. In order to reconstruct a new knowledge system, it is necessary to postulate, in addition to the construction of image schemas, the construction of abstract schema which provide the knowledge to actions transformations. Reflexive abstraction is related to reflexive process in a significant manner. General coordination of actions which give rise to mental operations precisely referred as reflexive abstraction.

Reflexive abstractions consists First of becoming conscious of the existence of one of the actions or operations, Second, the action noted has to be reflected in the physical form. Third, it has to be integrated into a new structure which means that a new structure has to be set up. There are three ways that a human being can improve its reflexive action. The first is by learning to anticipate an opponent's actions. The second is by improving reaction time. Third is by developing speed for responding to stimulus.

9/11 MADE AMERICANS REPORT AN IMPROVED SELF IMAGE. CAN THIS BE?: A REFLEXIVE UNDERSTANDING

*Christopher A. Weaver (USA, New Mexico State University
Physical Science Laboratory)*

For the people of the United States of America, September 11, 2001 was a catastrophe. For the first time in nearly 60 years they encountered an enemy that was willing to attack them on their own soil. Moreover the attack was carried

out in spite of their superpower status and military might. Naturally their perception both of themselves and of the world that they occupied shifted.

In an attempt to describe this shift Peterson and Seligman collected people's ratings of themselves in twenty favorable personal characteristic. These were as follows: Appreciation of beauty; bravery; creativity, ingenuity; curiosity, interest; equity, fairness; gratitude; hope, optimism; industry, perseverance; integrity, honesty; judgment; kindness; leadership; love of learning; love of intimacy; perspective, wisdom; prudence, caution, self control; social intelligence; spirituality, faith; and teamwork. Three samples of each were taken: One month before 9/11, one month after and two months after. The data were collected off their website via a 1-5 rating scale; 1 means "this is most unlike me" and 5 means "this is most like me". These were the means of their results.

Measured Data (a"s): Scale 1-5				Measured Data (a"s): Scale 1-5			
Category:	9/11-1	9/11+1	9/11+2	Category:	9/11-1	9/11+1	9/11+2
Appreciation of beauty	3.75	3.81	3.8	Kindness	3.87	3.99*	4.01*
Bravery	3.63	3.7	3.72	Leadership	3.62	3.73*	3.78*
Creativity, ingenuity	3.73	3.75	3.87	Love of learning	3.84	3.87	3.87
Curiosity, interest	3.99	4.03	4.08	Love of intimacy	3.88	4.02*	4.05*
Equity, fairness	3.91	3.95	3.98	Perspective, wisdom	3.79	3.81	3.86
Gratitude	3.83	4.02*	4.01*	Prudence, caution	3.48	3.52	3.54
Hope, optimism	3.56	3.68*	3.8*	Self-control	3.28	3.3	3.31
Industry, perseverance	3.6	3.67	3.75*	Social intelligence	3.7	3.76	3.85*
Integrity, honesty	3.94	3.97	4.03	Spirituality, faith	3.36	3.57*	3.57*
Judgment	3.92	3.98	4.03*	Teamwork	3.48	3.65*	3.73*

*'s indicate t-test significance with $p < 0.1$. (Peterson and Seligman p.382).

The curious thing about these data is that people responded as if they generally believed that the events of 9/11 caused them to improve personally!

However, if we consider these data in light of a Reflexive Model of a normal subject in which intention matches readiness (Lefebvre 2001), we see some interesting things if we algebraically identify the image of the self. First, we will consider Peterson and Seligman's data as readiness indicators. We normalize the data so that the reflexive description of readiness, $X_1 = \frac{a-1}{4}$, where a is one of the cited means. We assume by this calculation that a response of "5" corresponds to the positive pole of the choice presented by Peterson and Seligman, and a response of "1" corresponds to the negative pole. The experiment avoided varying its influence on people's reports of their estimates. Thus, we may assume that the pressure to choose "5", x_1 , is constant for each dimension. Mathematically our chosen model is:

$$X_1 = \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}$$

Solving for x_2 we see that

$$x_2 = \frac{1 - X_1}{X_1} \cdot \frac{x_1}{1 - x_1} = k \frac{1 - X_1}{X_1}$$

Where k is non-negative. The following data show the trends in the x_2 's derived from the test mean data.

	$X_1 = \frac{a-1}{4}$			$X_1 = (k=1) \frac{1-X_1}{X_1}$		
	9.11-1	9.11+1	9.11+2	9.11-1	9.11+1	9.11+2
Appreciation of beauty	0.69	0.70	0.70	0.45	0.42	0.43
Bravery	0.66	0.68	0.68	0.52	0.48	0.47
Creativity, ingenuity	0.68	0.69	0.72	0.47	0.45	0.39
Curiosity, interest	0.75	0.76	0.77	0.34	0.32	0.30
Equity, fairness	0.73	0.74	0.75	0.37	0.36	0.34
Gratitude	0.71	0.76	0.75	0.41	0.32	0.33
Hope, optimism	0.64	0.67	0.70	0.56	0.49	0.43
Industry, perseverance	0.65	0.67	0.69	0.54	0.50	0.45
Integrity, honesty	0.74	0.74	0.76	0.36	0.35	0.32
Judgment	0.73	0.75	0.76	0.37	0.34	0.32
Kindness	0.72	0.75	0.75	0.39	0.34	0.33
Leadership	0.66	0.68	0.70	0.53	0.47	0.44
Love of learning	0.71	0.72	0.72	0.41	0.39	0.39
Love of intimacy	0.72	0.76	0.76	0.39	0.32	0.31
Perspective, wisdom	0.70	0.70	0.72	0.43	0.42	0.40
Prudence, caution	0.62	0.63	0.64	0.61	0.59	0.57
Self-control	0.57	0.58	0.58	0.75	0.74	0.73
Social intelligence	0.68	0.69	0.71	0.48	0.45	0.40
Spirituality, faith	0.59	0.64	0.64	0.69	0.56	0.56
Teamwork	0.62	0.66	0.68	0.61	0.51	0.47

As one can see, the rise in readiness to rate one's self well corresponds to a decrease in expectation of pressure to do so. This indicates a declining view of the world, as the world is expected to press Americans to feel bad about themselves. This pressure can be correlated to the actual value of the image of the self. From the Algebra of Conscience we have: $X_1 = 1 + X_2 - x_1X_2$. So, assuming that $x_1 \neq 1$,

$$X_2 = \frac{x_2}{x_1 + x_2 - x_1x_2}$$

Thus, X_2 increases monotonically with x_2 . So a drop in x_2 implies a drop in X_2 . That is, although Americans reported an increased self image, but this is superficial. Their view of the world's pressure and the attendant self image has actually decreased as the reflexive model has shown.

References

1. Peterson, C.; Seligman, M.E.P; "Character Strengths Before and After September 11th". Psychological Science V. 14 No.4 2003. pp. 381-4. Blackwell Publishing.
2. Lefebvre V.A., The Algebra of Conscience Dordrecht: Kluwer Academic Publishing 2001.

Институт рефлексивных процессов и управления

125009, Москва, ул. Тверская 6, стр. 3, оф. 288

Тел./факс: 229-63-14

e-mail: lepsky@online.ru

В соответствии с рекомендациями III Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» в апреле 2003 года в Москве зарегистрирован Институт рефлексивных процессов и управления (автономная некоммерческая организация).

Целью Института (выписка из Устава) является предоставление услуг в области образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта по следующим направлениям:

- * Разработка рефлексивных технологий установления взаимопонимания и доверия различных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- * Разработка рефлексивных технологий стратегического управления и развития с участием и учетом интересов разнообразных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- * Разработка рефлексивных технологий обеспечения защиты субъектов и отношений между субъектами (в частности, государствами) от скрытого вмешательства других субъектов.
- * Разработка технологий «пробуждения» и поддержки рефлексии различных типов субъектов, в том числе граждан. Формирование рефлексивной культуры различных типов субъектов (индивиды, группы, сообщества, организации и др.).
- * Разработка гуманитарных технологий информатизации общества (включая СМИ) на основе рефлексивного подхода.
- * Осуществление экспертизы (рефлексивного анализа) ситуаций, конфликтов, документов и др.
- * Координация работ в области рефлексивных исследований и разработки рефлексивных технологий.

Приглашаем к сотрудничеству

Генеральный директор Института

В.Е.Ленский

**Фонд содействия становлению и развитию
гражданского общества и социального государства
«СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ»**

**125009, Москва, ул. Тверская 6, стр.3, оф.288
Тел./факс: 229-63-14 e-mail: sdfund@mail.ru**

Основной целью Фонда является разработка, реализация стратегических документов и проектов развития России, инициатив и программ, направленных на содействие становлению и развитию гражданского общества и социального государства, возрождению духовно-нравственных традиций народов России, созданию условий благополучия для всего населения страны.

Для достижения своих целей Фонд ставит и решает следующие задачи:

- ☆ разработка и реализация с привлечением общественности, так и совместно с отечественными и зарубежными специалистами, российских и международных проектов, инициатив и программ, входящих в сферу деятельности Фонда;
- ☆ создание и внедрение новейших технологий постановки и решения стратегических проблем развития России;
- ☆ осуществление и финансирование независимой экспертизы отечественных, зарубежных и международных инвестиционных проектов, инициатив и программ, входящих в сферу деятельности Фонда;
- ☆ финансирование и осуществление в установленном законодательством порядке, как самостоятельно, так и совместно с отечественными и зарубежными юридическими и физическими лицами, курсов, учебных центров, факультетов, лекториев, клубов, школ (колледжей), проведение консультаций, собеседований, конференций, семинаров, симпозиумов, коллоквиумов по проблемам, входящим в сферу деятельности Фонда;
- ☆ взаимодействие с органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления по вопросам постановки и решения стратегических проблем развития России;
- ☆ непосредственное взаимодействие с любыми зарубежными и международными учреждениями и организациями по вопросам, входящим в сферу деятельности Фонда;
- ☆ вступление в международные общественные объединения, приобретение прав и выполнение обязанностей, соответствующих статусу этих международных общественных объединений, поддержание прямых международных контактов и связей, заключение соглашений с зарубежными некоммерческими неправительственными объединениями;
- ☆ создание в городах и селах Российской Федерации комиссий содействия фонду и использование их инициатив и поддержки для осуществления различных форм практической деятельности Фонда;
- ☆ создание комиссии (рабочих групп) общественности по наиболее важным и требующим коллективных усилий вопросам, относящимся к компетенции Фонда.

Приглашаем к сотрудничеству

Президент Фонда *Е.А.Харитонов*
Вице-президенты: *В.Е.Лепский, А.М.Степанов*

**Международный научно-практический
междисциплинарный журнал**

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

**на сайте
<http://www.reflexion.ru>**

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

*Тезисы IV Международного симпозиума
7-9 октября 2003 г., Москва*

Издательство «Институт психологии РАН»
ИД № 03726 от 12 января 2001 г.
129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Технический редактор Б.М.Бороденков
Подписано в печать 24.09.2003. Формат 60x90/16
Тираж 300 экз. Объем

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Телер-Инфо»
125299 Москва, ул. Космонавта Волкова, 12